ТРОЦКИЙ
И
РАКОВСКИЙ

ОЧЕРКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РУМЫНИИ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН171
О 984

Л. Троцкий и Х. Раковский

ЕН171
О984

ОЧЕРКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РУМЫНИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1922

Л. Троцкий и Х. Раковский

ЕН 171
О 984

ОЧЕРКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РУМЫНИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1922

ЕН171
О984
Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. В.К.П. (б.)
(1426) 1241
3095 с1.
1062942

Гиз. № 3224. Главлит. № 484. Москва. Напеч 10.000 экз.
1-я Образцовая тип. М. С. Н. Х., Москва, Пятницкая, 71.

РАКОВСКИЙ, ТРОЦКИЙ И ДОБРОДЖАНУ ГЕРЕА
В БУХАРЕСТЕ В 1913 Г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

		Стр.
	Предисловие	5
I.	Первые впечатления	8
II.	Бухарестский мир	16
III.	Румыно-болгарские отношения	23
IV.	Среди затруднений	30
V.	Вокруг реформ	42
VI.	На путях внутренней катастрофы	50
VII.	Рабочая партия	60
VIII.	Доброджану-Гереа	69
IX.	Еврейский вопрос	79
X.	Поездка в Добруджу	90
XI.	«Голяма поука»	114
XII.	Нынешняя политическая Румыния.	
	(Письмо Х. Г. Раковского)	120
	Новые политические партии в Румынии	—
	Социальный состав румынских политических партий	122
	О политических программах	—
	Русская революция и политическая борьба в Румынии	123
	Рабочее движение в Румынии после 1913 года	131
	Рабочее движение после войны	139
	Процесс коммунистов	141
	Внешняя политика в Румынии	146
XIII.	Приложения:	
	№ 1. Карта Румынии до 1913 г.	
	№ 2. Карта Новой Добруджи, захваченной Румынией в 1913 г.	
	№ 3. Карта Бессарабии, оккупированной Румынией в 1918 г.	
	№ 4. Карта Румынии в 1922 г.	

Предисловие.

Эта книга составилась из газетных статей, которые писались мною летом 1913 года, и из обширного заключительного письма тов. Раковского, которое, как убедятся читатели, является существеннейшим вкладом в книгу.

На Балканах—в Болгарии, Сербии и Румынии—я имел возможность непосредственно наблюдать позорное развитие балканской войны, затем не менее ее позорное завершение на Бухарестской мирной конференции. Балканская война была не только первой зарницей разразившейся в 1914 г. военной бури, но в ходе своем обнаружила уже многие черты, которые мы затем в колоссальном масштабе наблюдали в мировой войне. Турция, которая в военном отношении, как и во всех других, находилась под определяющим влиянием Германии, противостояла Сербии, Болгарии, Греции и Черногории, которые действовали под руководством стран Согласия. Все, что впоследствии в странах Согласия говорилось и писалось против немцев, как против варваров, угрожающих делу демократии и культуры, было уже изложено в 1912 г., разве лишь менее красноречиво, на болгарском, сербском и греческом языках против османского империализма. Взаимные хвалы и объяснения в любви должны были свидетельствовать о нерасторжимых узах между союзниками. Когда дело дошло до дележа добычи, от нежных чувств, связывавших противников Турции, не осталось и следа, они вцепились друг в друга зубами, и клочья

окровавленной шерсти снова полетели над Балканским полуостровом.

Тут последовало выступление Румынии. Во все время балканской войны Румыния оставалась в стороне. Но когда оба лагеря взаимно обескровили и истощили друг друга и дело стало подходить к подведению итогов, румынская олигархия решила, что настал час ее вмешательства: разумеется, во имя установления «спокойствия» и «равновесия» на Балканском полуострове, а не ради каких-либо иных, менее возвышенных целей! Учинив безнаказанный набег, Румыния захватила в свои руки так называемый квадрилатер—добруджанский четырехугольник, населенный богатым болгарским крестьянством. Во время империалистской войны Румыния также долго выжидала и колебалась прежде, чем вмешаться. Она прицениваласъ поочередно к обоим лагерям, сравнивала и остановилась на Антанте. На этот раз вмешательство ее имело, однако, гораздо менее бутафорский характер. В течение войны Румыния подвергалась оккупации и понесла большие жертвы. Закончилась для Румынии война колоссальными аннексиями. И на нынешней чрезвычайно расширенной территории ее правят все те же политические клики и касты—пока что...

Собранные в этой книге статьи ни в коем случае не дают законченного социально-политического очерка Румынии; неполнота их будет слишком очевидна читателю с самого начала. Но они, может быть, помогут ему все же составить себе некоторое представление о политическом облике Румынии. Во всяком случае, незаменимым источником политического осведомления явится заключительное письмо тов. Раковского, характеризующее эволюцию румынских политических партий за последние годы.

Чтобы быть более точным, я должен указать, что в этой книге моему старому другу Х. Г. Раковскому принадлежит не только заключительное письмо: бо̀льшая часть

глав книги писалась мною в Бухаресте или Добрудже при самом непосредственном участии Раковского, с которым вряд ли кто может сравниться в отношении знакомства со всеми особенностями политического развития стран Балканского полуострова. Исторической судьбе было угодно, чтобы Раковский, болгарин по происхождению, француз и русский по общему политическому воспитанию, румынский гражданин по паспорту, неоднократно изгонявшийся из Румынии за свою непримиримую революционную деятельность, оказался главой правительства в Советской Украйне, с которой у Румынии близкое соседство и неурегулированные отношения. Своих соседей нужно знать,—особенно таких ненадежных, как правящие классы Румынии.

Передовые румынские рабочие и сейчас видят в Раковском не главу правительства соседней страны, а своего старого боевого вождя. У нас есть двойное основание внимательно следить за развитием румынского пролетариата: как у коммунистов и как у граждан советской федерации. Ибо совершенно очевидно, что действительно устойчивые и дружеские отношения наши с Румынией обеспечит победа румынского пролетариата. Мы твердо верим, что эта победа не так далека, как кажется нынешним властителям Румынии.

Л. Троцкий.

12/VII—22 г.

I. Первые впечатления.

7—17 июля 1913 г. Бухарест.

Нет ничего труднее, а с другой стороны, ничего интереснее как ввинчиваться в чужую общественность, политику, культуру.

Язык—как воздух: его замечаешь только тогда, когда его не хватает, то-есть, когда окружающая речь не связывает тебя с людьми, а отделяет от них. Румынский язык исходит от латинского корня, но в нем 20—30% славянских слов. Я посетил здесь рабочее собрание, единственное политическое собрание на этой неделе, и благодаря тому, что я в общем и целом представлял себе ход мыслей оратора, смысл его речи выступал передо мной, как очертания предметов в сумерки. Но, слушая разговорную, не ораторскую речь, остаешься совершенно беспомощным. Неожиданный эффект для русского уха дают яркие славянские, иногда привычно-русские слова, выделяющиеся из основного латинского потока речи. «Tovarasi,—говорит оратор,—rasboiul precare oligarhia noastra l'a provocat in numele prestigiului national...» и т. д... Это значит: «Товарищи, война, которую наша олигархия провоцировала во имя национального престижа»... Товарыши (так произносится) означает товарищи; разбой—война; ul (rasboiul)—определенный член. Наряду со словом sever, суровый, имеется слово nemilostiv. В то время, как румынское rasboi означает война (бой), наше слово разбой переводится brigandage. Сочетание романского со славянским осложняется еще тюркскими и финскими элементами. В румынском языке есть немало венгерских и турецких слов. Эта амальгама романского, славянского и урало-алтайского со значительной примесью праарийского (цыганского) и

семитического (еврейского) составляет физиономию не только румынского языка, но и всей румынской культуры.

Довольно большой процент общественной прислуги Бухареста (извозчики, кельнера, портье, посыльные) знает русский язык. Среди извозчиков господствующее положение занимают русские скопцы, широкобедрые, безбородые, с заплывшими лицами и отроческими голосами. У них лучшие лошади, лучшие экипажи и лучшие армяки с шелковыми лентами. Армяки русские, плисовые, настоящие, каких мне не доводилось уж видеть несколько лет... Вчера я отвозил в автомобиле на вокзал письмо, чтоб попасть к поезду. С шоффером долго и тщетно пробовал столковаться, предлагая ему обождать меня у подъезда. Как вдруг, что-то, очевидно, сообразив, шоффер спрашивает: «Обождать, значит, господин, прикажете?»—Так вы по русски говорите?—«Да как же, ведь мы курские»...

За последнее время скопцы продают своих лошадей и переходят на автомобили. Один из них жаловался мне, что военное министерство забрало у них при реквизиции тысячных коней и заплатило им по 500 франков. Посылали депутацию к министру, предлагали внести по 500 франков в казну, только чтоб их не трогали. Но министр отказал: «Денег у нас у самих много, нам лошади нужны»...

Скопцы-липовановцы принадлежат к числу наиболее выдающихся достопримечательностей румынской столицы. Они отмечены в неизбежном Путеводителе Мейера по Ближнему Востоку, и им посвящает страницу Leo Claretti в своих «Feuilles de route en Roumanie».

* * *

В 70-х и 80-х годах Румыния была одним из центров русской политической эмиграции. Но большинство разбрелось отсюда, маленькая страна не вмещала их,—остались немногие, преимущественно уроженцы Бессарабии. Есть несколько крупных рестораторов из русских эмигрантов. Один из эмигрантов состоит ректором университета в Яссах. Другой давал уроки русского

языка румынскому престолонаследнику,—без особенного успеха,—теперь заведует городской статистикой Бухареста...

Новая полоса эмиграции ознаменовалась здесь высадкой «потемкинцев». Трудно представить себе тот ужас, в какой были повергнуты румынские власти появлением мятежного русского броненосца у берегов Констанцы в июне 1905 г. Они боялись принимать незванных гостей, еще больше боялись, что те, в случае отказа, начнут бомбардировать город; не знали, как им быть с русским правительством, если мятежники окажутся на румынской территории. В конце концов все уладилось к общему удовольствию. Русские власти предложили принять броненосец и обещали не требовать выдачи матросов, лишь бы только корабль (цена ему около 30 миллионов) был возвращен в сохранности. Отношения между разными группами матросов были к этому времени до последней степени обостренные, и каждую минуту могла вспыхнуть кровавая схватка. Доктор Раковский отправился на броненосец и заявил матросам, что на румынской территории они останутся неприкосновенными. 700 человек высадилось в Констанце. Много они тут горя приняли,—в чужой стране, без языка. Работали на помещичьих полях, на нефтяных промыслах, на фабриках. Матюшенко пробовал устроить жизнь своих сотоварищей на коммунистических началах. Но это скоро расстроилось, особенно когда семейные стали выписывать из России жен и детей. Румынские власти первое время действительно не трогали матросов. Но после бурного крестьянского движения, прокатившегося в 1907 г. по всей Румынии, началась бессмысленная полицейская травля матросов, которые к крестьянским волнениям не могли иметь никакого отношения, так как ни один из них тогда не говорил еще по румынски. Большинство матросов потянулось в Америку, часть разбрелась по Европе, душ полтораста осталось в Румынии. Их все здесь очень ценят, как искусных и энергичных работников. Многие поженились на румынках и обзавелись домишками. В Плоештах один из матросов открыл пивную и назвал ее «Князь Потемкин». Другой служил в вокзальном ресторане. Сильно «порумынился», щеголевато одевается, носит желтые ботинки, в разговоре упо-

требляет много чужих слов («эта нефтяная сочьетата «Вега»,— объяснял он мне,—самая богатая»), но в то же время про хозяина своего говорил «сам» и через каждые три слова повторяет: «ведь это невозможно»...

— А тянет вас в Россию, Кирилл?

— Ну, чего тут?—говорит он, не желая обнаружить «малодушия»,—мне и тут хорошо.

— Ну, а ежели выйдет полная амнистия,—поедете?

— Как не поехать! Ведь это невозможно... Мыслимо ли сравнить?.. Ко мне в прошлом году в гости брат приезжал; я его всюду водил, в Синаю ихнюю, например, ездили, 4 леи 80 отдали, летний палато регале смотрели, хорошо, слова нет,—только против Москвы разве можно сравнивать?.. Ведь это невозможно... Теперь газеты пишут, ихний муштениторул, наследников сын значит, нашу княжну за себя берет, а в народе говорят, будто Бессарабия пойдет в приданое. Получим, говорят, от России Бессарабию, от Австрии, говорят, добудем Трансильванию и Буковину, у Болгарии уж кусок добыли, будет Румыния самой богатой страной. Только насчет Бессарабии, думаю, вздор говорят. Ведь это невозможно...

* * *

Выше я уже упомянул о рабочем собрании, которое посетил в субботу. Было всего человек триста, так как большинство рабочих под знаменами. Ораторами выступали рабочие и говорили прекрасно: румыны очень легко овладевают тайной ораторского искусства,—в этом сказывается романская раса. Ораторы говорили о войне, о надвигающейся холере, осуждали захват чужой земли, говорили о своей солидарности с болгарскими рабочими. Рассказывали, будто на полях Македонии находили убитых рабочих, у которых ни одна пуля не была израсходована, хотя они по несколько дней находились в бою... В начале собрания и в конце пели песни солидарности и борьбы. И после всего того, что я за эти десять месяцев видел, слышал и читал на Балканах и о Балканах, небольшое собрание рабочего «клубула» высту

пало светлым, радующим и обнадеживающим пятном на страшном фоне всеобщего одичания. Тут верят в культуру и упорно созидают ее—культуру человечности, которая не горит в огне войны и не тонет в водах шовинистического потопа. Еще живет на Балканах честь и совесть, еще не все потоплено в крови. Этих людей немного. Но завтра их будет больше. Их сразу станет больше, когда обманутые и истерзанные народы придут в себя и начнут подводить итоги всему содеянному.

* * *

В Болгарии все до последней степени экономны, вернее скупы,—страна чисто крестьянская, буржуазия проходит лишь скаредную стадию первоначального накопления, нет никаких традиций роскоши и мотовства. В Румынии наоборот: хоть крестьянство здесь несравненно беднее, чем в Болгарии, а индустрия, как и в Болгарии, только в зародыше, однакоже городская жизнь на центральных улицах создает впечатление роскоши, пышности и мотовства. Эти традиции прочно заложены боярской, шляхетской «культурой», которая опиралась на возможность проматывать отцовское. Бояры, чокои (т.-е. новые недворянские землевладельцы), чиновники, журналисты—все живут выше своих средств, все в долгах, но все выглядят на улице безукоризненными, нарядными и беззаботными джентльменами, которые с таким видом целуют на улице своим дамам ручки, как будто в стране ничего не произошло и вся жизнь состоит из грациознейших телодвижений. Вчера вечером, сидя в открытом кафе на Calea Victoriei, я наблюдал, как две молодые цыганки пробирались сквозь уличную толпу. Толпа была послеобеденная, то-есть самая свободная, гулящая, шумная, игриво-ищущая. А цыганки были совсем молодые и робкие, лет 17—19, но уже матери, обе с младенцами, совсем маленькими, завернутыми в тряпки туго, точно кульки. Цыганки были босые, надето на них было по куску ситца, еле сшитого в виде короткой юбки, и полузастегнутой кофты, по сложению совсем девочки, но на лицах у обеих было сосредоточенное выражение матери, которая охраняет мла-

денца. Военные автомобили хрюкали (тут сигналам военных автомобилей придан, очевидно, для внушительности, голос раздраженной свиньи), широкобедрые скопцы погоняли вороных лошадей, нарядные кокотки вихляли боками, семенили патриотические старички, офицеры звякали шпорами, в открытых кафе играла музыка, было шумно, любопытно и занятно,—но две робкие, босоногие матери со своими кульками на руках сразу разогнали это настроение бездельного удовольствия, точно вогнали в душу занозу. Сколько молодых матерей на этом проклятом небом полуострове, с кульками на руках или под сердцем, тщетно дожидаются мужей! Сколько старых матерей дожидается напрасно, когда вернутся их сыновья! Румынской армии не пришлось сражаться, но в нее проникла холера и делает свое дело. А на Calea Victoriei ничего не приметно, и, когда глядишь на пеструю толпу, спрашиваешь себя: «куда они денут своих воинов, когда те вернутся, раз у них и сейчас на тротуаре тесно?».

* * *

Румыны, видящие в себе представителей латинской культуры, решительным образом отрицают свою принадлежность к Балканскому полуострову. Правда, с некоторым нарушением последовательности, они бесцеремонно вмешались во внутренние дела полуострова и приобщили к благам «латинской культуры» добрый ломоть ориента; но ведь когда дело заходит о предъявлении прав на наследство, люди часто вспоминают о таком родстве, которого раньше всегда стыдились...

Имеются несомненно серьезные объективные основания отделять румын от балканского востока; только основания эти покоятся не в более чем сомнительных «романских» свойствах здешней культуры, а в характере социальных отношений. В то время, как Болгария и Сербия вышли из-под турецкого господства примитивно-крестьянскими демократиями, без всяких пережитков крепостничества и сословности, Румыния и посейчас еще, несмотря на десятилетия конституционной жизни, держит свою деревню в тисках чисто феодальных отношений. В этом

смысле Румыния ближе всего к Венгрии, стране дворянских латифундий и закабаленного крестьянина.

Нужно однако признать, что на центральных улицах Бухареста можно уловить если не веяние галльского гения, то влияние парижских бульваров. Румынские бояры, может быть в еще бо́льшей мере, чем аристократы других стран, искони привыкли считать Париж, преимущественно ночной, своей второй родиной. Были эпохи, когда молодые румынские помещики приобщались и к революционным идеям Парижа, переводя их затем на беспомощный язык своей отсталой общественности. В 80-х и 90-х годах социализм имел немало приверженцев среди молодого румынского дворянства. Некоторые из них принимали активное участие во внутренней жизни французского и бельгийского социализма, поддерживая его левое, марксистское крыло. Но эта болезнь молодости теперь уж прошла окончательно и безвозвратно. Остался только вкус к парижскому языку, парижскому платью и парижскому жесту. В Бухаресте выходят три ежедневные газеты на французском языке. В политическом отделе они дают элегантное выражение олигархическим идеям трех правящих здесь партий, а в морально-бытовой сфере они поддерживают непрерывную связь просвещенного Бухареста с последними завоеваниями больших бульваров и Монмартра. Первое, на что я наткнулся глазами в «L' Indépendance Roumaine», это нравоучительные куплеты по поводу нынешних женских мод.

Grace à la mode,
On n'a plus d'corset... и т. д.

На бухарестском корсо я имел полную возможность убедиться в том, что эта пропаганда не остается гласом, вопиющим в пустыне. По узкому тротуару скользят женские фигуры, вытянутые в длину—grâce à la mode—до последней степени, со стильным видом удавленниц, которых не успели еще вынуть из петли. В полном соответствии с этим линия брюк у бухарестских джентльменов безукоризненна, как пробор дипломата. Достаточно бросить один взгляд на эти брюки, чтоб почувствовать себя человеком низшей расы. Офицеры так великолепны отделкой всех своих частей, что с трудом представляешь себе, как это мож-

но таких грациозных людей подвергать грубым и грязным испытаниям военного похода. Впрочем, надо предположить, что в Бухаресте сумели остаться именно те, которые лучше других умеют одеваться. Чистка сапог здесь представляет сложный и высокий культ. Вывески списаны с парижских, точно также кокотки. Про муниципалитет Бухареста говорят много дурного, но я должен здесь констатировать, что на некоторых перекрестках он соорудил жестяные учреждения совершенно такие же, как в Париже. Но за всем тем восток глядит на вас здесь изо всех углов. С одной стороны, слишком нарядны для улицы бухарестские дамы и явно-ориентальный характер носит ритуальная чистка сапог. А с другой—большая половина населения ходит босиком; меж великолепных лакированных офицеров и великолепных дам об одном измерении шмыгают тощие, оборванные, грязные крестьянские дети со свежими орехами и сливами или полунагие вшивые цыганята с протянутыми рученками. Неуверенно ступают босыми ногами по асфальту смуглые крестьяне в длинных до пят белых рубахах—с капустой или с утками, и, когда вы с этими белыми фигурами сталкиваетесь у порога отеля, они смиренно снимают перед вами шапки. О веках голода, унижения беспросветного рабства говорит этот безмолвный поклон.

II. Бухарестский мир.

28 июля 1913 г.

Сейчас, когда я пишу эти строки, здесь ждут с часу на час подписания договора, который войдет в балканскую историю под именем Бухарестского мира 1913 г. По отношению к сербам а особенно к румынам, болгары проявили торопливую уступчивость, повидимому, надеясь таким образом изолировать греков. Торопливость болгарских делегатов была так велика, что они, гарантировав национально-культурную автономию (в вопросах языка, школы и церкви) входящим в состав Болгарии куцовлахам, совершенно позабыли потребовать в соответствующий момент таких же национальных гарантий для болгар, отходящих к Румынии [1]). В центре их внимания стояла все время Кавала— важнейший после Салоник порт на Эгейском море, экспортный центр табачного производства: уже сейчас через Кавалу проходит ежегодно на 10 миллионов рублей табаку. Перед лицом табачных плантаций и табачного экспорта вопросы культуры и совести 200 тысяч болгар в южной Румынии отступили далеко на задний план. Но Кавалы Болгария все-таки не получила, и у нее остается теперь только весьма химерическая надежда на помощь Австро-Венгрии при ратификации договора великими державами. Здесь, однако, утверждается мнение, что этого ратифицирования вообще не будет.

---

[1]) Зато они не позабыли кое о чем другом. Представляясь в течение конференции королю Карлу, они обратились к нему с просьбой, одной единственной: чтобы новая румыно-болгарская граница не захватывала личных владений царя Фердинанда. Просьба их была уважена.

В том, что мир будет подписан, никто не сомневается. Журналисты и политики уже дисконтируют близкий мир в застольных спичах. Третьего дня румынская ассоциация прессы давала банкет иностранным журналистам, на котором красноречиво говорилось о правах культуры на мир и о благах мира для культуры. Однакоже после опыта последних месяцев никто решительно не верит в то, что Бухарестский договор действительно обеспечит мир на Балканах. То новое «равновесие на основе соотношения сил», которое обещали народам после второй балканской бойни, будет на самом деле гораздо менее устойчивым, чем тот status quo, который охранялся европейской дипломатией в течение трех с половиной десятилетий. Об этом лучше всего свидетельствует судьба Лондонского «мира». Бухарестская конференция исходит формально из определений Лондонского договора, который провел новую границу между Турцией и бывшими союзниками. Но что осталось к моменту Бухарестской конференции от Лондонского договора? Турки сидят в Адрианополе, а болгары ждут в ближайшие дни формального объявления войны со стороны Турции, вслед за чем последует немедленное занятие ничем не защищенного Филиппополя. По лондонскому «равновесию сил», Болгарии причитается Фракия, а на самом деле ей грозит потеря Восточной Румелии. Болгары сейчас ищут союзников против полумесяца среди собратьев по кресту и—не находят. До болгаро-турецких отношений Бухарестской конференции дела нет,—здесь, ведь, нет вовсе и делегатов Турции. Этим вопросом предстоит, очевидно, заняться новой конференции, которая, в свою очередь, явится не последним этапом в кошмарной истории европейского юго-востока. Каким образом болгары, которым приходится выступать в двойной роли истца и судебного пристава, приведут в исполнение решение лондонского трибунала, этого сейчас никто не знает. Но если бы даже на помощь им пришла сильная рука (от которой, впрочем, болгары пострадали бы не менее, чем турки); если б даже Турция, как государство, была совершенно уничтожена, — в Европе, как и в Азии, турки ведь все равно остались бы. И эти лишенные государственного крова турки, с традициями пятивекового владыче-

Библиотека Института Ленина ЦК ВКП (б) 1062942

ства в Европе, были бы во всяком случае не меньшим элементом смуты и потрясений на Балканах, чем македонцы в старой Турции. Если Лондонская конференция балканских уполномоченных, работавшая под надзором конференции посланников великих держав, не предупредила войны между союзниками, то тут возможен еще формальный отвод: лондонская задача состояла-де не в распределении турецкого наследства между союзниками, а в определении его общего размера. Но ведь именно в пределах этой последней задачи Лондонской конференции удалось, как мы видим, определить лишь одно: размеры импотентности коллективного дипломатического «разума» Европы. Бухарестская конференция делает вид, будто ей и невдомек, что от Лондонского трактата ничего не осталось. В свою очередь, Бухарестская конференция, установившая (надолго ли?) границу между Болгарией, с одной стороны, Сербией и Грецией, с другой, совершенно не коснулась сербо-греческой границы. Правда, нас уверяют, будто у сербов с греками все предусмотрено. Но разве не было «все предусмотрено» у болгар?

Если есть какая-либо гарантия против немедленной сербо-греческой войны, так это не договор, а полное истощение обоих государств.

С румыно-болгарскими отношениями—не лучше. Новая территория, с своим преобладающим болгарским населением, вопьется, как страшная заноза, в тело Румынии. Добруджа превратится в румынскую Эльзас-Лотарингию—да еще осложненную теми методами борьбы, какие применялись в Македонии. А болгары никогда не забудут румынам того, что именно они своим выступлением дали решающий толчок второй Балканской войне!

Еще менее устойчивыми будут болгаро-греческие отношения, как они сложатся на основе Бухарестского мира. В южной Македонии к Греции отходит около 200 тысяч болгар. Во Фракии, наоборот, около 200—250 тысяч греков становятся гражданами Болгарии или, вернее сказать, числятся в этом звании по Лондонскому трактату. Национальный принцип и здесь оказывается несовместимым с империалистическими притязаниями: дело идет вовсе не об общности культуры на однородной этнической

основе, а о числе податных плательщиков и об емкости внутреннего рынка. Разумеется, и в этих границах возможно было бы мирное сожительство Болгарии с Грецией при условии обеспечения национальной автономии «инородцам» каждой из этих стран. Но ясно, что люди, которые только что вспарывали животы друг другу, или, вернее, те, которые руководили этим вспарыванием, абсолютно неспособны установить устойчивые условия сожительства народов по обе стороны границы, перерезавшей Македонию.

На судьбе этой трижды несчастной области с убийственной для национальных романтиков ясностью обнаруживается, что даже на отсталом Балканском полуострове национальной политике место лишь постольку, поскольку она совпадает с империалистической.

Греческий империализм наиболее старого происхождения. Греческая церковно-аристократическая олигархия (Фанар) разделяла с военной кастой османов господство над христианскими народностями полуострова. Греческая буржуазия, распространяясь по берегам Эгейского, Мраморного, Черного и Средиземного морей, подчиняла земледельцев и пастухов своему торговому и ростовщическому капиталу. Греческие попы и купцы проложили дорогу греческому империализму, который сразу оказался в смертельной вражде с пробуждающимися балканскими народностями: для этих последних экономическое и национальное пробуждение означало борьбу на жизнь и на смерть не только с турецкой военно-бюрократической кастой, но и с церковным и торгово-ростовщическим засильем греков. Греческий империализм столкнулся с болгарским на почве Македонии.

Болгарский империализм недавнего происхождения, но тем он воинственнее и азартнее. Болгарская буржуазия выступила поздно и сразу начала работать локтями, чтобы пробить себе дорогу. Болгарские министры получают жалованья 1000 франков в месяц. А в капиталистической Европе есть должности, которые оплачиваются тысячей франков в день. Софийский корреспондент «Times'а», мистер Баучер, располагал такими суммами, о которых софийские властители не могли грезить и во сне. Расши-

рить пределы государства, увеличить число податных единиц, умножить источники обогащения—вот начала империалистической премудрости, направлявшие политику всех правящих клик в Софии.

Этими же началами—империалистическими, а не национальными—определялась и вся македонская политика Болгарии. Цель была всегда одна: аннексия Македонии. Софийское правительство лишь постольку поддерживало македонцев, поскольку могло таким путем закрепить их за собой, и наоборот: оно без зазрения совести предавало те их интересы, которые могли бы отдалить их от Болгарии. Известный балканский политический деятель и писатель, доктор Х. Раковский, с которым я встретился теперь после двухлетнего промежутка в Бухаресте, сообщил мне, в числе многих других сведений, следующий чрезвычайно красноречивый факт. В 1903—1904 г.г. болгарский экзарх хлопотал в Софии об учреждении крестьянского банка в Македонии. Это было после «Ильинденского» восстания, когда в Македонии царил хаос и турецкие помещики готовы были сбывать крестьянам свои поместья за бесценок. Болгарское правительство решительно отвергло проект экзарха и в объяснение привело то соображение, что достигшие известного благосостояния македонские крестьяне сделаются недоступными для болгарской пропаганды. На ту же точку зрения стала и революционная македонская организация, которая—особенно после разгрома восстания—окончательно превратилась из национально-крестьянской организации в орудие империалистических предначертаний софийского правительства.

Эта поразительная борьба, в которой зверство сочеталось с героизмом, закончилась—чем? Предательским договором о разделе Македонии. Вторая балканская война и увенчивающий ее ныне Бухарестский мир довершили этот договор,—и вот теперь Щип и Кочаны,—те два пункта, где болгаро-македонские революционеры своей «предъизвыкателной» (провокационной) тактикой вызвали турецкую резню, послужившую вступлением к первой «освободительной» войне,—эти самые Щип и Кочаны ныне переходят к Сербии!

Сербский империализм оказался совершенно бессильным вести наступление по «нормальной», то-есть национальной, линии: по пути стояла Австро-Венгрия, включившая в свои пределы бо́льшую половину сербства. Отсюда устремление Сербии по линии наименьшего сопротивления—в сторону Македонии. Национальные завоевания сербской пропаганды на этом пути оказались совершенно незначительными, но тем более решительными кажутся территориальные завоевания сербского империализма. Сербия включает теперь в свои пределы около полумиллиона македонцев, как она уже включила около полумиллиона албанцев. Головокружительный успех! На самом же деле этот враждебный миллион может оказаться роковым для исторического существования Сербии...

Казалось, что болгарству легче всего сплотиться в одно национальное и государственное целое, так как болгары—те, что за пределами «царства»,—находились только под властью пережившей себя турецкой касты, а не под властью Австро-Венгрии, как сербы, или Австро-Венгрии и России, как румыны [1]). Но оказалось не так: именно сербы и румыны, выброшенные великими северными державами из колеи своего естественного развития, наложили руки на болгарство. Х. Раковский не без оснований называет Бухарестский договор первым разделом «балканской Польши».

Относительно новых межевых линий на Балканском полуострове независимо от того, как долго они продержатся, приходится таким образом установить, что все они прошли по живому телу истощенных, обескровленных, растерзанных наций. Ни одна из этих балканских наций не собрала своих рассыпанных частей. И наоборот: каждое из балканских государств, в том числе и Румыния, включает теперь в свои пределы враждебное ему компактное меньшинство.

---

[1]) «Румыны в России»—т.-е. бессарабские молдаване. Для читателя 1922 г. должно быть ясно, что хищническая эксплоатация этих крестьян пуришкевичецарской Россией или «единокровной» олигархией боярской Румынии, это—одно, а вопрос о присоединении их (по собственному почину трудящихся) к трудовой республике—Р. С. Ф. С. Р.—совсем другое.

Таковы плоды войны, которая поглотила убитыми, искалеченными и умершими от болезней не менее полумиллиона душ. Ни один из коренных вопросов балканского развития не решен.

Экономическое развитие требует таможенной унии, как первого шага к обще-балканской федерации. Вместо этого мы видим вражду каждого против всех и всех против каждого. Взаимной враждой дышат балканские государства, и не менее острой враждой пропитаны осколки наций внутри отдельных государств. Надолго исчерпаны материальные рессурсы полуострова, а национально-политические отношения запутаны несравненно больше, чем до войны. Но мало этого: даже и с внешней, чисто-дипломатической стороны балканские отношения остаются неоформленными. Не приведен еще в полную ясность вопрос о сербо-греческой границе, тревожным вопросом остаются взаимные отношения Сербии и Черногории, и угрожающей загадкой висит над полуостровом судьба Фракии.

Бухарестский мир состоит из недомолвок и лжи. Он достойно венчает войну жадности и легкомыслия. Венчая, он не заканчивает ее. Прекратившаяся вследствие полного истощения сил, эта война снова возобновится, как только свежая кровь появится в артериях.

На банкете, который в воскресенье будет дан в честь уполномоченных в королевском дворце, будет сказано много парадных слов о великом значении Бухарестской конференции. Каким отвратительным издевательством над судьбами народов прозвучат эти слова! Поистине кровь павших вопиет к небесам, ибо она пролита напрасно. Ничто не достигнуто, ничто не улажено... Восточный вопрос страшной язвой горит и гноится на теле капиталистической Европы!

III. Румыно-болгарские отношения.

31 июля 1913 г.

Итак, Румыния увеличила свою территорию на 7.500 кв. километров. Какие выгоды несет ей это приращение?

На этот вопрос в румынской политической литературе дан был исчерпывающий ответ, еще до начала открытой мобилизации, в памфлете виднейшего румынского писателя К. Доброджану-Гереа: «Conflictul Romîno-Bulgari». Я не вижу лучшего способа ввести русского читателя в самое существо вопроса, как изложить содержание этой небольшой брошюры, болгарский перевод которой успел выйти в Силистрии незадолго до оккупации этого города румынскими войсками.

В тоне спокойного «сократического» исследования, лишь временами прерываемого вспышками гневной иронии, автор разбирает один за другим все аргументы «патриотических» партий и их прессы в пользу насильственного захвата части болгарской территории. Сперва выдвинули идею компенсации за нейтралитет Румынии во время болгаро-турецкой войны, т.-е. идею ориентального «бакшиша», выраженную в европейских дипломатических терминах. Так как, однако, «нейтральной» оставалась вся Европа, и так как Румыния издавна гордилась ролью бескорыстного европейского стража у ворот Балканского полуострова, то требование «на водку» по случаю румынской нейтральности принимало слишком соблазнительный характер. Бухарестское правительство само уразумело это и дало прессе понять через свои официозы, что нужно искать других аргументов. Тогда пустили в оборот новый лозунг, который точнее всего можно назвать сантиментально-хищническим. Болгарии предписывалась

несколько запоздалая обязанность выразить свою территориальную признательность за те материальные и моральные услуги, какие ей оказала Румыния в эпоху сложения Болгарии в самостоятельное государство. Признательность, что и говорить, качество прекрасное, но беда в том, что сувениры, в виде населенных территорий, означали бы восстановление крепостного права в международных отношениях. Во что превратилась бы в самом деле карта Европы, если бы правящие стали выражать друг другу свою признательность живыми частями национального или государственного целого? Снова вступились в дело официозы и разъяснили, что необходимо придумать что-либо более умное.

Аргументы от национальных интересов, игравшие такую большую и в известных пределах законную роль в первой балканской войне, оставались для Румынии совершенно недоступными; более того, они целиком поворачивались против нее: в том четыреугольнике, который она захватила, на триста с лишним тысяч населения приходится полтораста тысяч болгар и всего-на-всего тысяч восемь румын. Таким образом румынские политики пришли постепенно, применяя метод исключения, к аргументам чисто стратегического характера. Ход их суждений оказался приблизительно таков: перед войной Болгария говорила лишь об освобождении собратьев от турецкого ига, а кончила тем, что увеличила свою территорию и свое население на 50%. Само по себе это увеличение Болгарии нас нисколько бы не задевало, если бы между нами не стоял ребром вопрос о Добрудже. Болгарские политики смотрели и смотрят на Добруджу, как на незаконно отнятое у них достояние, которое они должны вернуть себе, как только окажутся для этого достаточно сильными. Между тем для нас (для Румынии) Добруджа не просто провинция, а наш единственный свободный выход на море, наши торгово-промышленные легкие, без которых всему хозяйственному организму страны грозит неминуемая гибель. Чтобы обеспечить за собою Добруджу против возросшей и усилившейся Болгарии, нам необходимо во что бы то ни стало урегулировать нашу южную границу.

Совершенно неоспоримо,—говорит Гереа по поводу этой аргументации,—что Добруджа имеет для Румынии жизненное значение. Но столь же неоспоримо, что Болгария не захочет и не сможет покуситься на Добруджу. Правда, Болгария увеличила свою территорию на 50% (брошюра писалась до разгрома Болгарии). Но это увеличение куплено ценою беспримерного обескровления и истощения страны. Должно пройти не менее двадцати лет прежде, чем Болгария оправится настолько, чтоб снова встать на путь активной внешней политики. Совершенно бессмысленно в таком случае портить отношения с Болгарией, вызывать в ней жажду реванша и порождать реальные опасности во имя устранения эвентуальной опасности, которая могла бы возникнуть только через десятилетия.

Но и эта эвентуальная опасность есть чистейший призрак. Ни через двадцать, ни через тридцать лет Болгария не протянет своих рук к Добрудже. В этой провинции 400.000 душ населения, из них всего 50.000 болгар. Через двадцать лет болгары будут представлять совершенно незначительную часть населения Добруджи. А в то же время Болгария из гомогенного в национальном отношении государства превратится в гетерогенное: она включит в свои новые пределы турок, албанцев, греков, румын и евреев. В качестве земледельческой страны со слабо развитой городской культурой, Болгария располагает ничтожной ассимиляционной силой. Компактное инородческое население, насильственно включенное в пределы новой Болгарии, будет естественно тяготеть к соответственным соседним державам: греки—к Греции, турки—к Турции и т. д. Балканская война оставит, в качестве своего наследства, чрезвычайное обострение национальной вражды как в междугосударственных балканских отношениях, так и внутри самой Болгарии. Территориальное увеличение Болгарии станет, таким образом, причиной ее государственного ослабления. При этих условиях война с Румынией из-за провинции, с потерей которой Румыния не может примириться, поставила бы на карту самое существование Болгарии, как самостоятельного государства. Мало этого. Присоединив к своему государственному организму Добруджу, в качестве гор-

ба, Болгария оказалась бы в непосредственном соседстве с Россией. Но уж чего-чего, а этого соседства все болгарские партии даже самые руссофильские, боятся, как огня, ибо славянобратские чувства, как показывает хотя бы историческая судьба Польши и Украйны, лучше всего поддерживаются на расстоянии Успехи, которые сделала Болгария за десятилетия своего государственного существования, в значительной мере обязаны тому обстоятельству, что от России ее отделяла Румыния, от Австрии—Сербия. Разрушать это свое международное положение значило бы для Болгарии делать шаг по пути государственного самоубийства. Опасность была бы тем более грозной, что к России Болгария примыкала бы насильственно-покоренной провинцией, население которой, на $^4/_5$ румынское, сильнее тяготело бы даже к соседней Бессарабии, чем к чуждой ему Болгарии. Газеты сообщали в свое время, будто Данев сказал румынским министрам: «Не хотим Добруджи, хоть бы вы ее нам даром предложили!» Если Данев действительно произнес эти слова, то он—в виде исключения—в этом случае совершенно правильно формулировал действительные интересы своей страны.

Болгарская опасность в вопросе о Добрудже есть нелепый миф. Но примем на минуту мысль, что такая опасность существует. Очевидно в таком случае, что судьба Добруджи зависит от соотношения сил Румынии и Болгарии. В чем преимущества Болгарии? В ее более демократическом строе и, главное, в ее свободном крестьянстве. Противопоставить ей сильную Румынию можно не захватом незначительного, в конце концов, куска болгарской территории, а поднятием производственных сил страны ее политической демократизацией, раскрепощением крестьянства и, в частности, разумной колонизационной политикой в пограничной с Болгарией Добрудже. Принудительный выкуп добруджанских латифундий и передача их мелкими участками голодающим румынским крестьянам сделали бы Румынию по этой границе совершенно неприступной. Нелепо думать, будто эти меры могут быть в какой бы то ни было степени заменены злосчастной «ректификацией» границы. Ибо какие-такие великие стратегические преимущества дает Румынии захваченный ею в благоприят-

ную минуту четыреугольник? Ответа на этот вопрос не дали до сих пор самые крайние энтузиасты политики захвата. Наоборот, выдающийся румынский военный авторитет, генерал Илиеску, прямо заявил, что если нельзя совершенно отрицать стратегическое значение «ректификации», то прямо-таки смешно преувеличивать ее значение. И мы слышим со стороны руководящих кругов, что обладание Силистрией имеет для Румынии в ее отношениях к Болгарии не столько стратегическое, сколько... символическое значение. Гереа обрушивается своим сарказмом на правящих дилетантов, которые, руководствуясь в важнейших вопросах государственного существования дешевыми позаимствованиями из области литературных течений, делают политику классическую, романтическую, символическую или декадентскую, но не умеют сделать—р а з у м н у ю политику.

Румыния до сего времени [1])—по каким причинам, все равно—не вела политики захвата. Наоборот, она сама была жертвой такой политики.

В мартирологе насильственно расщепленных наций Румыния стоит на третьем месте, после Польши и Сербии. В Бессарабии, с одной стороны, Трансильвании и Буковине, с другой, живет почти половина румынской нации.

Стиснутая между двух колоссов: Россией и Австро-Венгрией, Румыния, разумеется, и думать не может об экспансивной, н а с т у п а т е л ь н о й национальной политике. Повинуясь категорическому императиву своего международного положения она, несмотря на аппетиты своих правящих клик, вела до настоящего времени единственно здоровую для нее государственно-оборонительную политику. Балканская война, которая не столько нарушила государственное равновесие на полуострове, сколько равновесие в некоторых «руководящих» черепах, выбила румынское правительство из старой колеи. Но свою завоевательную энергию оно направило не по национальной линии—против России или Австро-Венгрии, что было бы безумным донкихотством, а по... «символической» линии—против обескровленной Болга

---

[1]) Писано в 1913 г.—*Л. Т.*

рии, в чем нет, конечно, донкихотства, а есть одна лишь преступная глупость. На этом новом для нее пути она начинает с того, что включает в свой состав чужеродное тело: провинцию с преобладающим болгарским населением. Болгары Добруджи перешли к Румынии непосредственно из-под турецкого ига. Этот переход был для них освобождением. Совсем другое дело—болгары захваченного четыреугольника: они 35 лет прожили в своем национальном государстве и активно участвовали в его судьбах чрез посредство всеобщего голосования. Они принесли огромные жертвы для дела освобождения Македонии, как они его понимали. А в результате их самих, точно баранов, гонят из одного загона в другой. к новому хозяину, которому они нужны для какой-то «ректификации». В навязанное им отечество они принесут только чувства злобы и ненависти, и в то же время к ним перейдет, без сомнения, политическое руководство болгарским населением Добруджи. Злополучная «ректификация» не только обострит до крайности румыно-болгарские отношения, но создаст в самой Румынии мятежную пограничную провинцию, всегда готовую поддержать Болгарию в случае новой войны.

В обострении румыно-болгарской вражды Гереа на-ряду с собственным правительством обвиняет русскую дипломатию. «Нам Россия говорила, что мы имеем неоспоримое право со всей твердостью настаивать на компенсации и что можем рассчитывать на ее бескорыстную помощь. Болгарии она в то же время шептала, что та может рассчитывать на ее родственную помощь и ни в каком случае не должна уступить Силистрию, ибо с ней связаны русские исторические воспоминания»... Только в тесном союзе Румыния и Болгария способны были бы отстаивать независимость своего экономического и культурного развития от империалистических притязаний великих держав. Враждебные же отношения между этими двумя государствами, связанными общими опасностями, толкнут их неизбежно в противоположные великодержавные лагери—и одну поставит под опеку России, а другую превратит в вассала Австрии. Ко всему этому нужно еще прибавить неизбежность усиленного укрепления всей румыно-болгарской границы, даль-

нейший рост милитаризма, а значит и налогов. Правящая Румыния не вняла предостережениям Гереа (которые изложены выше,—по необходимости, в конспективном виде). Оккупация четыреугольника не только совершена, но и закреплена уже в документе, открывающем новую эпоху румыно-болгарских отношений. Пока что Румыния пожинает плоды своей «символической» политики в виде полного экономического застоя и холеры в армии. В свое время скажутся и остальные результаты. Кто верит в целесообразность всего совершающегося на земле, тому предоставляется думать, что история третирует балканских правящих политиков, как пьяных илотов, которых вывели на площадь в назидание несовершеннолетним народам.

IV. Среди затруднений.

9 августа 1913 г.

В Плоештах, в городском сквере, Атлас из чугуна поддерживает чашу фонтана. С двух сторон сквера, под углом, стоят клубы консервативной и либеральной партий. Атлас поставлен так, что вращается вокруг своей оси и, смотря по тому, кто находится у власти, консерватор или либерал, Атласа поворачивают лицом то к консервативному, то к либеральному клубу... Даже чугунный фонтан вынужден здесь приспособляться к сменам партийного режима!

Трудно представить себе более ожесточенную партийную борьбу, чем та, ареной которой является Румыния. Но эта ожесточенность, распространяющая свое действие даже на общественные статуи, находится в обратном отношении к значительности программных разногласий. Две основные или «исторические» партии Румынии носят, как сказано выше, имена консервативной и либеральной. В Англии либерализм был программой индустриального развития, консерватизм—охранительным принципом привилегированного землевладения. Тщетны были бы, однако, попытки открыть то же самое социальное содержание в программах правящих поочередно румынских партий,—и не потому собственно, что этих программ не существует (они могли бы ведь развертываться в действии, даже и не будучи формулированы на бумаге), а потому, что обе господствующие партии со всеми своими фракциями уходят корнями своими в з е м л ю,—в ту землю, которая принадлежит частным собственникам. Это—основной факт политической жизни Румынии: ее судьбы направляются интересами привилегированных аграриев.

Болгария и Сербия—тоже земледельческие страны. Но земледелие там ведется фермерами-крестьянами, мелкими и средними собственниками, не знающими ни над собой, ни рядом с собой помещика. Эта коренная разница в строе аграрных отношений порождена различием географического положения. Нынешняя Румыния никогда не находилась в сфере непосредственного турецкого владычества. В XVI столетии национальные князья Молдавии и Валахии были заменены фанариотами,—знатными греками, ставленниками Порты. Дунайские княжества стали в вассальное отношение к Турции, но победители не проникали в пределы княжеств и не захватывали здесь земель. Феодальные отношения начали формироваться среди балканских славян, как и среди румын, еще до турецкого нашествия. Но в то время, как на Балканском полуострове завоеватели захватили земли в свои руки и, разрушив элементы слагавшегося национального феодализма, подчинили славянских крестьян власти бега, помещика-мусульманина, в Румынии, наоборот, завоеватели содействовали образованию боярства, национально-феодальной касты, выполнявшей роль посредника между Константинополем и плательщиком дани,—румынским крестьянином. Положение этого последнего было хуже, чем положение его болгарского или сербского собрата, ибо беги, чувствуя себя пришельцами-завоевателями в стране, никогда не могли доводить эксплоатации крестьянства до того напряжения, как «национальная» молдо-валахская каста бояр. Чем более расшатывалось турецкое владычество, тем бо̀льшую степень экономической независимости от турка-помещика отвоевывал себе балканский крестьянин, а рост его хозяйственного благосостояния становился, в свою очередь, главным фактором разрушения турецкого владычества. В этих исторических условиях уничтожение турецкого ига имело в Болгарии и в Румынии совершенно различное значение. Одновременно с утверждением независимой Болгарии, турецкие земли переходили в руки крестьян, разумеется, более крепких, главным образом, так называемых «чорбаджиев», крестьяне освобождались от необходимости делиться продуктами своего труда с помещичьей кастой;

автоматически уничтожался феодализм,—Болгария превращалась как в экономическом, так и в политическом отношении в аграрную демократию.

Совсем иные социальные последствия имело национальное освобождение Румынии. Ликвидация вассальных отношений к Турции ни мало не затрогивала национального румынского феодализма. Провозглашение государственной независимости Румынии не избавляло крестьянина от помещичьей кабалы, оно лишь освобождало помещика от необходимости делиться прибавочным продуктом крестьянского труда с турецкой казной. Правда, в 1864 г. произведено было, по русскому образцу, «освобождение» крестьян. Но условия крупного землевладения не были при этом затронуты, а крестьяне после реформы оказались в самой тяжкой зависимости от помещиков. Отмененное формально, крепостное право сохранилось до настоящего дня фактически [1]). Достаточно сказать, что еще в 1889 г. приходилось принимать закон, который гарантировал крестьянам (на бумаге) minimum два дня работы на собственной земле!

Старое боярство в большинстве своем вышло в тираж, проело и пропило дедовское достояние. Выдвинулись новые собственники,—чокои, помещики-выскочки,—и, на-ряду с ними, арендаторы, стоящие между помещиками и крестьянами. Обновился только владельческий персонал,—формы хозяйства и приемы эксплоатации крестьянства остались те же.

Туркам перестали платить дань, но тем страшнее возросла та дань, которую народ платит бюрократическому и милитаристическому государству. Общий годовой доход нации исчисляется здесь в $1^1/_4$ миллиарда франков, при чем государство поглощает из этой суммы не менее одной трети! В стране,

---

[1]) После империалистической войны был принят аграрный закон, сущность которого сводится к тому, что только 8% земельной собственности остается в руках помещиков, а остальные 92% переходят к крестьянам за выкуп. Но 1) реформа распространяется только на старую Румынию, 2) норма наделов нищенски мала, 3) выкуп очень высок—20-годовая арендная плата. Однако проведение даже этой реформы, как имеются основания думать, затягивается.

где крестьянство, связанное чисто крепостными «аграрными договорами», питается только мамалыгой и брынзой, вымирает от пеллагры, живет в значительной своей части в земляных норах, три-четыре раза в десятилетие подвергается голоду и раз в десятилетие устраивает жестокие восстания, в этой стране чудовищный государственный бюджет бьет неистощимым фонтаном—для делающих политику бояр, чокоев, партийных шефов, их партизанов и их отпрысков, для всех тех, которые группируются здесь в политические банды на паях, именуемые партиями.

Все партии стоят на аграрно-крепостнической основе. Правда, в стране хоть и медленно, но все же развивается капитализм. Наибольшее значение имеет нефтяная промышленность, сделавшая за последнее десятилетие значительные успехи. В Кымпине я видел сотни вышек и осматривал один из самых больших в Европе нефтеочистительных заводов «Steana Romîna», подобного которому, по словам депутата Скобелева (объезд мы совершили вместе), нет у нас в Баку. Эта индустрия, занимающая около 40 тысяч рабочих рук, пользуется чрезвычайным покровительством государства, так что нормальная капиталистическая эксплоатация отступает далеко назад перед бюджетным хищничеством. В качестве румынских капиталистов выступают те же землевладельцы, бояре и чокои, политическое мышление которых определяется всецело их основными, то-есть аграрными, интересами. Значительная часть финансовых и индустриальных капиталистов, являющихся в то же время богатейшими помещиками, входит в состав так называемой либеральной партии, которая проявляла до сих пор свой либерализм зверскими расправами над крестьянством, поддержанием кабальных аграрных отношений, закреплением еврейского бесправия и преследованием рабочих организаций. Левое крыло либеральной партии образуют так называемые попоранисты, народники. Большинство их прошло в 80-х годах через стадию «социализма», который в Румынии, как и во всех вообще молодых или, вернее, отсталых странах сыграл роль приготовительного полити-

ческого класса для широких кругов интеллигенции. Но от своего радикального прошлого попоранисты не сохранили ничего. Основной вопрос румынского общественного развития—аграрный—не может быть, разумеется, разрешен изнутри партии, в которой задают тон помещики-крепостники в европейско-либеральном облачении. Попоранисты осуждены при них на роль бессильного хвоста. Во главе их стоит политический эмигрант из России, побывавший в свое время в Сибири, бессарабец Стереа, ныне ректор Ясского университета. В настоящее время либеральная партия, шефом которой числится г. Братиану, находится в состоянии нетерпеливой оппозиции.

У власти стоят консерваторы, в лице двух своих групп: юнимистов (Тит Майореску) и консерваторов-демократов (Таке Ионеску). Что «охраняют» румынские консерваторы? Крупное землевладение, политическое бесправие народных масс, возмутительные законы против евреев. Но во всем этом либералы не отстают от них ни на вершок. Больше консерваторам охранять нечего. Когда они у власти, они увеличивают издержки на армию, строят железные дороги, увеличивают налоги, делают новые займы (государственный долг Румынии превышал $1^1/_2$ миллиарда франков—до румынского «похода» в Болгарию). Но все это делают и либералы! Программных различий нет. Есть оттенки в тактике клик, в приемах коррупции, в семейных традициях шефов. Если перевести эту мысль на бессарабский язык, то можно сказать, что разногласие колеблется в пределах Пуришкевич—Крупенский. Здесь Пуришкевич несомненно примкнул бы к либеральной партии, так как ее антисемитизм имеет более цинично-боевой характер, а ее метод политической агитации характеризуется безобразной разнузданностью. Наоборот, Крупенский примкнул бы, несомненно, к румынским консерваторам,—ввиду своего тяготения к политикам, умеющим безукоризненно обращаться с носовым платком. Наконец, покойник Крушеван играл бы, вероятно, видную роль в партии консерваторов-демократов, которые в просторечии называются «такистами», по имени своего лидера, адвоката

Таке Ионеску. Эта политическая группа объединила в своих рядах все деклассированные элементы, крайне многочисленные здесь: промотавшихся боярских сынков, выгнанных чиновников, прогоревших купцов, скомпрометированных подрядчиков, журналистов без газет, газетчиков, еще не нашедших случая утратить свою «независимость», спившихся учителей и пр., и пр. Такисты консервативны, поскольку задача их состоит в охранении всех видов бюджетного паразитизма; свой консерватизм они называют демократическим, потому что их политика началась с натиска на старые политические клики—под лозунгом: «Пустите и нас к бюджетному корыгу!».

Аграрная демократия, какою оказалась Болгария после низвержения турецкого владычества, нашла свое естественное политическое выражение в парламентарном режиме, основанном на всеобщем избирательном праве: после изгнания турок все болгары должны были стать равноправными, как под турками они были равно-бесправными. Иное дело Румыния: феодальная олигархия, больше всего опасавшаяся, как бы крестьянство не пришло к пониманию своего значения в жизни страны, обеспечила свое политическое господство при помощи куриальной системы, совершенно исключающей возможность самостоятельных крестьянских кандидатур. В рамках трех курий развертывается в течение десятилетий борьба консервативных и либеральных клик за обладание властью.

Огромную роль в этой борьбе играет чиновничество. Оно сменяется вместе со сменой правящей клики; поэтому партийная политика является для него делом борьбы за самосохранение. В Румынии теперь около 100 тысяч чиновников, за одно последнее десятилетие число их возросло еще на 20 тысяч. В стране, где темное, экономически и политически закабаленное сельское население составляет 86%, где почти отсутствует самостоятельный буржуазный класс, где рабочее движение только начинает развертываться, где немногочисленные капиталистические элементы растворены в аграрно-крепостнических, — в такой стране централизованная бюрократическая армия в 100 тысяч является политическим фактором огром-

ного значения. В известных мемуарах «Aus dem Leben König Karls von Rumänien», в составлении которых главное участие принимал сам король, следующими откровенными словами характеризуется роль чиновничества в выборах: «Ни одно почти правительство (в Румынии) не встречало недостатка в большинстве, созданном при помощи новых выборов, ибо и до настоящего времени еще слишком велико влияние централизованной администрации на избирателей, зависящих от государственной машины» [1]).

* * *

Чем беспринципнее правящие партии, чем неуловимее действительные различия их практических программ, тем ожесточеннее их борьба друг с другом, ибо это—голая борьба за добычу, за обладание государственным корытом. Элементарнейшие государственные потребности будут приблизительно одинаково удовлетворены независимо от того, какая группа станет сейчас у власти. Для народа поэтому безразлично, фигурирует ли в качестве премьера Братиану, Майореску или Ионеску. Но это совсем небезразлично для них самих и для их партизанов. Каждая клика хочет есть и отказывает в этом праве остальным. Необходимо нейтральное в этих междоусобиях внутри олигархии лицо, которое наблюдало бы за очередью и вводило бы в пределы аппетиты путем их взаимного ограничения. Эта миссия естественно падает на короля. Наперекор конституции, он является в действительности важнейшим элементом в политической механике страны.

В течение последнего месяца европейская печать очень много занималась личностью румынского короля. Она открыла в нем при этой оказии все те замечательные личные качества, какие приписывала не так давно болгарскому царю Фердинанду. У всякого, кто внимательно следил за балканскими информациями европейской прессы, слагалось неизбежно такое впечатление, будто вместе с «квадрилатером» король Карл перенял

---

[1]) B. IV, S. 412.

от Фердинанда весь его моральный арсенал: «гениальную проницательность», «замечательную выдержку», «необыкновенную настойчивость» и пр., и пр. Все это по меньшей мере... преувеличено. Но несомненно, что в течение почти четырех десятилетий своего царствования Карл Гогенцоллерн сумел использовать свой здравый смысл или, вернее, свою пассивную хитрость, в которой ему не отказывают и враги, для того, чтобы в очень большой степени упрочить свое положение в стране. В послесловии к названным выше мемуарам,—это послесловие написано, как говорят, королевой в сотрудничестве с придворной дамой Митой Кремнитц,—следующим образом характеризуется роль и личность короля: «Меж этих обоих крайних (?) направлений (речь идет о либералах и консерваторах) король должен был неизменно заботиться об охранении постоянства курса, ибо он сам являлся единственным устойчивым элементом в этой колеблющейся стране. И эта задача удалась ему превыше ожиданий. Из года в год росло то уважение (Bewunderung), которое каждый политик испытывал перед зрелой личностью короля и которое естественно, без всяких, разумеется, принуждений, приводило к торжеству мнений короля. Правда, вовсе не в нравах короля выражать свою волю повелительно или хотя бы только точно формулировать свою мысль,—внешним образом он никогда не выступает из конституционных рамок и любит подчеркивать свою конституционную безответственность... И только такая личность, как его, в которой соединено столько видимых противоречий, могла оказаться способной привести Румынию к благосостоянию и процветанию. Упорная воля, проявляющаяся бо́льшей частью негативно, не знающая усталости сила, которая всегда стремится к новым формам деятельности, знание людей, которое никогда не схематизирует, но всюду умеет схватить действительно индивидуальные черты, духовная свежесть, которая позволяет каждый вопрос пересматривать в сотый раз с таким терпением, как если б он был совершенно новым и неожиданным, доброта и великодушие, которые все понимают и все прощают,—такою является натура этого монарха, и она именно сумела вывести страну из всех кризисов

партийной жизни» [1]). Нельзя забывать, что эта характеристика румынского короля написана румынской королевой: немудрено, стало-быть, если король выглядит значительно выше собственного роста. Но и в этой преданно-восторженной характеристике достаточно отчетливо названы те, отнюдь не героические, личные черты, которые только и позволили Карлу Гогенцоллерну, чужаку, стать важнейшим рычагом в политической машине Румынии: негативная энергия, направленная на преодоление «крайностей», выжидательное упорство, без творчества и инициативы, и способность в течение четырех десятилетий уклоняться от «точного формулирования своих мыслей». Несколько месяцев тому назад мне однородными чертами приходилось обрисовывать вершителя сербских судеб, Николу Пашича, и, в конце концов, фигура Фердинанда болгарского с успехом укладывается в приведенную характеристику.

Относительная неподвижность социальных отношений и бедность экономической основы обрекала правящие партии вращаться в тесном кругу одних и тех же элементарных задач. Они быстро изнашивались, часто сменяли друг друга и после опытов династической или персональной оппозиции, в конец скомпрометированные собственным хищничеством, начинали вращаться вокруг кунктатора-монарха, как вокруг своей оси. В Сербии, где династии чередовались почти так же часто, как в Болгарии и Румынии—партии, осью политической жизни стал осторожнейший выжидатель Никола Пашич, прославленный своим отвращением к «точному формулированию мыслей». В том же направлении действовала,—пожалуй, с еще бо́льшей силой,—и внешняя политика, протекавшая всегда мимо рифов, мелей и подводных скал и требовавшая одного искусства—лавировать. В Болгарии пал Александр Баттенберг, пал диктатор Стамбулов, но удержался, вот уж в течение 27 лет, Фердинанд. В Румынии пал князь Куза, попытавшийся более серьезно подойти к крестьянскому вопросу,—Кузу свергло в 1866 г.

---

[1]) «Aus dem Leben Konig Karls», B. IV, S. 410.

боярство [1]),—и богатый «негативной» энергией Гогенцоллерн раз-на-всегда отказался «точно формулировать свои мысли» по этому вопросу. Вождь попоранистов Стереа, пытающийся приспособить идеи русского народничества к чокойскому «либерализму» своего второго отечества, убеждал короля Карла, во время одной аудиенции, что упрочение румынской монархии возможно лишь на пути народолюбивой, попоранистической политики.

— Раз монарх будет с народом...

— Но ведь князь Куза был с народом?—прервал профессора король.

Стереа смешался.

— Да, г. профессор, князь Куза был с народом...

Этот урок король Карл усвоил себе, повидимому, очень твердо и сделал из него все необходимые выводы для своей внутренней политики. Гогенцоллерн-Зигмаринген сделался богатейшим помещиком Румынии. Его имения занимают 129 тысяч квадратных километров. Я проезжал на-днях мимо королевских доменов, дающих своему собственнику ежегодно 3—5 миллионов франк. чистого доходу. Везде царит прекрасный

---

[1]) Первый «князь Румынии», составившейся в 1859 г. из объединения княжеств Молдавии и Валахии, Александр Куза является запоздалым отголоском эпохи «просвещенного деспотизма».

Распустив в мае 1864 г. палату депутатов и временно отменив свободу печати, князь обнародовал избирательный закон, вводивший всеобщую подачу голосов и дополнительный конституционный акт о введении двухпалатной системы. Референдум дал 713.285 «да» проти 57 «нет» при 70.000 воздержавшихся.

После этого Куза приступил к осуществлению аграрной реформы. С помощью декретов, крестьяне сначала были освобождены от барщины, а затем государство совершило принудительное отчуждение около $^2/_3$ помещичьей земли (за выкуп) и роздало эти земли 400.000 крестьянских семей. За этой реформой последовал целый ряд других — административной, судебной и др. После семи месяцев кипучего декретного законодательства собрана была палата, утвердившая все реформы и продолжавшая далее послушно вотировать все, что от нее требовали. Боярство положило этому конец.

В ночь с 22 на 23 февраля 1866 года в спальню князя ворвалась группа военных заговорщиков и принудила его подписать отречение от престола.

порядок, в поселке для администрации 80 зданий, центральная электрическая станция, лесопильный завод для нужд собственного хозяйства. В то же время король является пайщиком всех наиболее доходных промышленных предприятий. Уже это одно обстоятельство должно сильно затруднять ему восприятие народнических идей...

Во внешней политике король Карл вел Румынию по пути тройственного союза. Поставленный между Россией, которая отрезала часть Бессарабии, и Австро-Венгрией, которая владеет Трансильванией и Буковиной, король Карл выбрал путь «меньшей опасности», на который его к тому же влекли родственные узы и национальные симпатии. В балканские дела Румыния не вмешивалась, считая себя вне-балканской державой и видя, как опасаются даже великие державы сунуть руку в это осиное гнездо. Оборонительно-выжидательная политика в постоянном контакте с берлинским Гогенцоллерном и венским Габсбургом—такова была руководящая идея короля Карла в той области, где он был в сущности неограниченным вершителем судеб. Поход против Болгарии одним ударом выбивал Румынию из колеи: она впутывалась в балканские дела и попадала в резкий антагонизм с Австро-Венгрией, которой сильная Болгария необходима, как противовес слишком усилившейся Сербии. Рассказывают, что король был решительным противником мобилизации и похода, передают даже, будто «король плакал»... Но обстоятельства на этот раз оказались сильнее его. Энергичный жест был сделан, Румыния отрезала у Болгарии 7,500 кв. километров, а в то же время оторвалась от Австро-Венгрии и попала в сферу русского влияния. Международные отношения Румынии, казалось, столь прочно сложившиеся, пришли в полное расстройство.

Но не только международные отношения. Румынский поход, закончившийся столь «блестяще» — приращением территории без кровопролития,—произвел огромную встряску в стране. 400.000 бесправных голодных крестьян были двинуты—в качестве «национальной армии» на территорию Болгарии, где освобожденное от феодальных пут крестьянство пользуется

правом всеобщего голосования. Под знамена были призваны загнанные, затравленные румынские евреи. А в то же время мобилизация, столь ложно прославленная европейской прессой, обнаружила—прежде всего пред солдатами—то, чего она не могла не обнаружить: полную дезорганизацию государственного хозяйства в руках монопольных политических клик. В довершение всего Болгария отомстила Румынии тем, чем Турция в свое время отомстила Болгарии: холерой. Медленно пока, но уверенно распространяется холера, вместе с демобилизующейся армией, по всей стране. И везде она застает тьму и нищету.

Радикально расстроив международное положение Румынии, военная встряска вводит внутреннюю жизнь страны в эпоху глубокого кризиса. Аграрный вопрос, вопрос избирательного права и еврейский вопрос встают во весь свой рост. В Добрудже тревожным призраком встает болгарский вопрос. А в то же время ход и исход военной авантюры, вскрывшей все язвы олигархического хозяйничанья, дает энергичный толчок социалистическому движению.

V. Вокруг реформ.

17 сентября 1913 г

Мобилизуемым солдатам говорили о земле. Газеты, сельские старосты, офицеры во время похода дразнили голодное воображение румынских крестьян землей. И действительно, в квадрилатере земля прекрасная, только—увы!—вся она уже занята. Государственных болгарских земель, которые могли бы стать колонизационным фондом в руках бухарестского правительства, в квадрилатере нет совершенно,—все давно уже перешло в собственность крестьян. Рассказывают, что румынские офицеры, перейдя границу, спрашивали в деревнях, где тут помещичий дом, и удивлялись, что его не оказывалось. «Помещиков» в Болгарии нет, зато в одном квадрилатере несколько десятков крестьян-миллионеров. Все богатства новой провинции оцениваются на-глаз в 2 миллиарда франков. Для небольшой Румынии цифра внушительная,—но что от нее молдавским или валахским крестьянам? Турецкого помещика можно было каждый раз без труда выкуривать из отвоевывавшихся у Турции земель, потому что «бег», турецкий помещик, чувствовал себя во вражеском стане, но совсем другое дело—живущий компактными массами болгарский крестьянин. Попробовать его оторвать от земли—значило бы немедленно вызвать отчаянное четничество, если не поголовное восстание. На такой шаг румынская олигархия не решится.

А между тем румынское крестьянство взбудоражено: военный поход, с одной стороны, поднял его самосознание, как главной силы в государстве, а с другой, ожесточил его против бестолковых, беспечных и жестоких властей. Слово «земля» произне-

сено, аграрный вопрос—впервые после крестьянского восстания 1907 г.—стал перед страной во весь свой рост. И мысль правящих партий поглощена теперь размышлениями и сопоставлениями вокруг этих двух дат: восстания 1907 г. и похода 1913 г. Вот что, напр., пишет на эту тему либеральный официоз: «Вчерашний свирепый мятежник стал защитником порядка и закона, он молчаливо склоняется перед железной дисциплиной. События 1907 г., как и 1913 г., свидетельствуют, что румынское крестьянство представляет собою превосходное тесто, нужно только уметь его месить». Эта откровенность цинизма находит свое объяснение в том, что официозы всех трех правительственных партий Румынии издаются на французском языке. Правящим кликам почти не приходится столковываться с народом, так как он лишен политических прав. Партийные официозы служат для переговоров клик между собою, с двором, с европейской биржей и европейской дипломатией. Ни в чем подлинный характер политических отношений Румынии не выражается так ярко, как в том маленьком факте, что руководящие издания правящих в стране политических групп выходят в свет на иностранном языке—на языке «верхних десяти тысяч». Впрочем, их в Румынии вряд ли наберется больше половины этого числа.

Свирепый мятежник стал защитником порядка, но защитник порядка, вернувшись после похода к своему разбитому корыту, легко может снова превратиться в мятежника. Огромную роль в этом отношении сыграло бесспорно близкое общение крестьян с городскими рабочими. Румынское рабочее движение—молодое, большинство организованных рабочих находится в возрасте 20—30 лет, почти все они были поэтому в действующей армии. В каждой роте был десяток-другой рабочих-социалистов. И эти рабочие продолжали в походе ту работу, к которой привыкли в мирное время: они критиковали, разоблачали, спорили, вели агитацию. Политика правящего в Румынии класса всегда была направлена на изоляцию деревни от города. Румынская деревня оставалась и остается не только вне новых форм жизни и новых идей, но в сущности и вне правовых гаран-

тий конституции. Своей задачей румынская конституция имеет упорядочение взаимоотношений между различными элементами правящей касты, но оставляет почти в неприкосновенности отношения между этой кастой в целом и крестьянством. В деле охранения темной деревни от «тлетворных» влияний времени все правящие партии связаны здесь круговой порукой. Поход пробил несомненно внушительную брешь в этой системе, он укрепил крестьянина в его праве на недовольство и оформил это недовольство уже одним тем, что сделал крестьянскую тоску по земле предметом бесед между крестьянами и рабочими.

Правящие чувствуют, что нужны экстренные меры, и понимают в то же время, что серьезные меры не могут не итти вразрез с их основными интересами. Отсюда поиски магических решений, которые, ничего не изменяя, устранили бы опасность.

Министр доменов Арион говорит о необходимости передать крестьянам 250 тысяч погонов (погон—$^1/_2$ гектара) государственной земли; сознавая, что этого совершенно недостаточно, Арион делает диверсию в сторону новоприобретенного квадрилатера: государство должно выкупить земли у тех болгар, которые не захотят примириться с новым отечеством, и передать эти земли румынским крестьянам. С этой целью пока что ассигновано $2^1/_2$ миллиона франков. Но, не надеясь на готовность болгар расставаться с землею, правительство собирается прибегнуть к общему пересмотру прав земельной собственности в Добрудже: так как у многих болгар имеются юридически неоформленные земельные владения со времен турецкого господства, а другие, без особенных формальностей, захватили турецкие земли в ту эпоху, когда Добруджа отходила от Турции, то румынское правительство надеется сколотить некоторый земельный фонд, путем объявления таких земель государственными. Этот вопрос, как я имел возможность убедиться во время своего четырехдневного пребывания в Добрудже, сейчас более всего занимает болгар квадрилатера. И нет никакого сомнения, что если б вероломная конфискация, совершенно неспособная серьезно смягчить земельный голод румынских крестьян, была прове-

дена в жизнь, она поставила бы на дыбы энергичное и мужественное крестьянство квадрилатера, которое умеет отстаивать свои права, как оно это доказало своим восстанием 1900 года против реакционных фискальных мероприятий Радославова.

Либералы недовольны проектируемыми аграрными мероприятиями правительства, как недостаточно «радикальными». Они требуют—в тех областях Румынии, где ни у государства, ни у крестьянского банка нет земельных фондов,—произвести ни более, ни менее, как «принудительное отчуждение», однако с уплатой собственникам 20% сверх рыночной цены. Эта ростовщическая премия за великодушие должна, разумеется лечь всей своей тяжестью на крестьянство, и без того опутанное фиском с ног до головы. По самому существу дела либералы так же мало, как и консерваторы, способны проявить аграрный «радикализм», несмотря на все свои газетные громы против владельцев латифундий. Будучи партией преимущественно новых земельных собственников, чокоев, либералы, при помощи организованного ими, за счет бюджета, крупного поземельного кредита, успели укрепиться в крупнейшей поземельной собственности. Распоряжаясь в течение 28 лет (после 1866 г.) государственной властью и кассой, они в то же время подчиняли себе, при помощи мелкого поземельного кредита, все выдающиеся положением или энергией элементы деревни: кулаков, учителей, священников. Таким путем крестьянская масса, политически совершенно обессиленная, отдавалась в кабалу сельской олигархии, которая служит важнейшим устоем для владычества бояро-чокойских клик; ясно, что либеральная партия, насквозь пропитанная элементами аграрного паразитизма, не может,—совершенно так же, как и консервативная,—стремиться к превращению Румынии в аграрную демократию, по образцу Болгарии. Между тем нервная возня правящих партий вокруг аграрного вопроса, газетная полемика, взаимные обвинения и обличения,—все это, просачиваясь во взбудораженную походом деревню, должно держать ее в напряженном состоянии.

Реформа избирательного права стоит рядом с аграрным вопросом. Из 183 депутатов румынской палаты 70 избираются

помещиками и крупными капиталистами, 75 навязываются средне и мелко-буржуазной городской массе помещичьим правительством и 38 депутатов подбираются из «крестьянской коллегии». Эта последняя в свою очередь разделена на две части, при чем 30.000 деревенских кулаков (кабатчики, арендаторы, ростовщики, священники и кулачествующие учителя) имеют решающий перевес над 1.300.000 остальных отцов семейств. В результате, румынский парламент представляет собою политический майорат 5.000 помещиков.

В Болгарии, где крепостничество ликвидировано одновременно с турецким игом, всеобщее избирательное право, как политическое орудие крестьянской демократии, является консервативным фактором — и останется им до тех пор, пока капиталистическое развитие не превратит болгарский пролетариат во внушительную политическую силу. В Румынии же, где феодализм еще не ликвидирован, всеобщее избирательное право является непосредственно-революционным лозунгом, ибо означает предоставление крестьянству возможности ликвидировать на свой мужицкий лад аграрную кабалу.

Если тщетно было бы ждать, чтобы господствующая каста сама упразднила себя путем экспроприации крупного землевладения, то столь же наивно было бы надеяться на то, что она согласится прибегнуть к самоубийству окольным путем: через посредство всеобщего избирательного права. Либералы обещают упразднение курий и создание единой избирательной коллегии. Но эта реформа сохраняет чисто-технический характер, доколе не решен вопрос о цензе. Если бы в Румынии был значительный средний класс, включение его в рамки избирательного права, даже и на цензовой основе, изменило бы политическую физиономию страны. Но Румыния есть страна аграрно-финансовой аристократии и крестьянских пауперов. При таких условиях всякий ценз означает сохранение господства старой олигархии. И наоборот: всеобщее голосование означает радикальный разрыв с учреждениями и традициями боярского варварства.

Третий вопрос—еврейский. Как мобилизуемым крестьянам говорили о земле, так мобилизуемым евреям говорили о равно-

правии. И как офицеры сразу сменили милость на гнев, когда выяснилось, что никакой войны не будет, и стали подвергать солдат всяческим заушениям, так и правительство, убедившись, что непосредственной опасности нет, решительно изменило свой тон по отношению к евреям, точнее сказать, вернулось к своему обычному тону властного и наглого антисемитизма. Здешний еврейский «Союз» [1]) призывал евреев к возможно более громкому оказательству патриотизма, разумеется, напускного. Одним из последствий этого призыва было появление нескольких сот еврейских добровольцев, преимущественно из учащейся молодежи, которая надеялась таким путем добиться гражданских прав. Добровольцев продержали месяц в казарме, а затем объявили им, что их включили в списки по ошибке и что они вычеркиваются из рядов армии. Евреи-солдаты подвергались во время похода всяким униженьям со стороны военных властей. И если в начале мобилизации считалось само собой разумеющимся, что все евреи-участники похода,—а их насчитывается тысяч пятнадцать,—будут натурализованы, то теперь даже эта более чем скромная мера, простирающаяся на одну двадцатую часть румынского еврейства, имеет крайне мало шансов на осуществление.

Пресса всех правящих партий заявляет, что евреям, в сущности, почти не на что жаловаться, ибо за последнее время их натурализуют «массами». И действительно, за последний год, исключительно благоприятный для евреев, натурализован... 61 человек. Если дело пойдет и дальше в таком форсированном темпе, то все мобилизованные евреи получат гражданские права в течение не более 250 лет!

Выступление Луццати [2]) с письмом, в котором он предлагает организовать интернациональный комитет для содействия

---

[1]) Незадолго до того возникший «Союз румынских евреев» — первая и жалкая попытка еврейской буржуазии пробудить в румынском еврействе хотя бы интерес к собственному бесправию. О «Союзе» см. ниже—в главе «Еврейский вопрос».

[2]) Луццати—итальянский ученый и политик. В начале 90-х г.г. XIX в. был министром казначейства—первым в Италии министром-евреем.

румынским евреям в деле достижения ими гражданских и политических прав, вызвало в здешней прессе пароксизм бешенства Провозглашая евреев иностранцами, правящая румынская каста считает в то же время, что остальному миру нет никакого дела до того, как она измывается над своими собственными «иностранными» подданными. «Опровергнуть, опровергнуть, евреи должны немедленно опровергнуть Луццати!»—это требование обошло все консервативные и либеральные газеты. И даже лидер левого народнического крыла либеральной партии, русский политический эмигрант Стереа, успевший обзавестись непромокаемым лбом в политической атмосфере Молдавии, печатно выразил свое изумление по поводу того, что евреи до сих пор еще не «опровергли» Луццати. Что̀ собственно они должны опровергнуть,—этого никто толком не смог указать. Но расчет на рабью психологию руководителей еврейского «Союза» оказался, тем не менее, правильным. Орган «Союза», вместо того, чтобы принять вызов и запечатлеть на непромокаемых лбах несколько лишних рубцов, стал виться ужом. «Опровергнуть факты, сообщаемые Луццати, невозможно, ибо факты эти неопровержимы. Но те, которые обвиняют нас в том, будто мы информируем европейскую прессу, клевещут (!) на нас. Вмешательство еврейских политиков мы считаем излишним и даже вредным,—в этом мы вполне солидарны с нашими руководящими политиками» (то-есть с румынскими Пуришкевичами),—таково содержание ответа еврейской газеты. Этот ответ, как и многие другие шаги «Союза», имеет ту счастливую особенность, что достигает одним ударом двух целей: своей небезусловной покорностью он раздражает олигархию, а своим не достойным подобострастием он лишает «Союз» уважения со стороны искренних и решительных сторонников еврейского равноправия.

Только рабочая партия Румынии ставит еврейский вопрос во весь его рост, то-есть как вопрос демократической борьбы, неразрывно связанный с ликвидацией экономического и политического господства полуфеодальной олигархии. Помимо рабочей партии, в Румынии нет оформленной и сознающей свои задачи демократической силы. Но это вовсе не равносильно изо

лированности социалистической партии. Наоборот, это ставит партию перед объективной необходимостью взять на себя руководство всеми теми политически неоформленными элементами, существование и развитие которых несовместимо с нынешним режимом: это, прежде всего,—румынское крестьянство, до дна взбудораженное войной; это—трудящаяся еврейская масса, которую «Союз» пытается увлечь на путь политики призраков и унижений; это, наконец,—демократическое болгарское население Добруджи, которому завтра или послезавтра придется вплотную заняться определением своих отношений к политическим порядкам Румынии.

Шансы реформ сверху, как мы видели выше, крайне ничтожны. Но это не устраняет объективной неизбежности реформ, а только придает политическому положению революционный характер. Несмотря на свою полустолетнюю конституцию,—в значительной мере, благодаря ей,—Румыния до настоящего времени не совершила своей буржуазной революции. Под турецким владычеством в ней сложилась национальная феодальная каста, которая увенчивалась, однако, не национальной, а турецко-фанариотской монархией. После низвержения чужеземного ига почвы для монархического абсолютизма не было, и единственной политической силой в стране была боярская каста. Свое владычество она могла установить только в форме олигархического абсолютизма; политическим аппаратом этого абсолютизма и явилась конституция 1866 г. За отсутствием бесспорной национальной династии выписан был немецкий принц на роль приказчика олигархии. Но чем дольше затягивал свое существование феодально-олигархический абсолютизм, тем больше накоплял он противоречий. Вся политическая история Румынии сводилась, в конце концов, к тому, что «Европа» требовала внутренних реформ, а правящая каста этих реформ не давала. И вот война—не в первый раз в истории—представила олигархии счет ее грехов и преступлений. Вопрос теперь сводится к тому, окажется ли истец-народ достаточно сильным, чтобы взыскать по счету.

VI. На путях внутренней катастрофы.

21 сентября 1913 г.

Скандальные восторги европейской печати по поводу мудрости, умеренности и энергии румынской политики давно уже утихли. Поистине, пора! Что, собственно, вызвало эти восторги?

Военное вмешательство Румынии положило, будто бы, конец балканской войне. Но кто же вызвал вторую войну, как не Румыния? Политика Болгарии сплошь состояла из преступного легкомыслия. Политика Румынии была образцом жадной трусости. Выждав момент крайнего истощения Болгарии и обострения отношений между союзниками, Румыния сознательно толкнула Болгарию на путь безумия и отчаяния. Если б даже между Сербией и Грецией, с одной стороны, Румынией—с другой, не было никакого предварительного соглашения, и тогда Сербия с Грецией могли бы итти напролом, будучи уверены, что Румыния ни в коем случае не допустит их разгрома Болгарией. Но не может быть никакого сомнения в том, что предварительное соглашение было заключено, при чем, прямо или косвенно, к этому соглашению привлечена была и Турция. Угрожающая нота, посланная Румынией в Софию за неделю до начала второй балканской свалки, сыграла роль прямого сигнала к войне, поданного из Бухареста. Если бы не сознательная и злонамеренная провокация со стороны Румынии, Сербия и Греция не разнуздали бы так свои аппетиты, и дипломатическое соглашение их с Болгарией не было бы исключено. Это теперь ясно, как день. Из всех лицемерий,—«национальных», «освободительных» и иных, которые окружали работу ножа на Балканах, — разглагольство-

вания о миротворческой роли Румынии являются, несомненно, самыми отталкивающими.

Остается, однако, «мудрость» государственных вождей Румынии. Они не торопились, не зарывались, оставались умеренными в своих требованиях, выждали наиболее благоприятный момент и без всяких жертв получили то, чего искали. Что именно? Ожесточенного врага в лице Болгарии, мятежную провинцию на болгарской границе, чудовищное бремя военных расходов, общее хозяйственное расстройство страны и—холеру. Но оставим все это в стороне: бухарестские властители получили то, чего хотели. Это неоспоримо пока что. Однако же то, что извне кажется мудростью их умеренности, есть на самом деле произведение их неумеренности на их неуверенность. Бухарестское правительство боялось войны. Оно не могло не знать огромных моральных преимуществ болгарской армии—армии свободных грамотных крестьян, пользующихся правом голоса, над румынской армией крепостных рабов. Оно, наконец, сомневалось в том, удастся ли ему собрать свои резервы; пойдет ли под знамена голодный крестьянин, темный мятежник 1907 г.? Сгорая от зависти при виде чужих успехов, бухарестское правительство не решалось на активный шаг, вело переговоры, испрашивало благословения великих держав и—выжидало. Когда Россия и Австрия малевали перед балканскими союзниками грозный призрак неприкосновенности турецкого status quo, это никого не испугало и не остановило. Когда Россия предложила Болгарии и Сербии под угрозой подчиниться арбитражу, это ничуть не помешало им разрешить свою тяжбу оружием. Несмотря на то, что «Европа» порешила в Лондоне отдать Адрианополь болгарам, турки заняли крепость и удержали ее. Только Румыния почтительно склонялась в своих планах и намерениях пред «Европой» (фактически, пред Россией и Францией),—не из формальной лойяльности, конечно, а потому, что правящая здесь олигархия чувствует себя крайне неуверенной в седле. Отсюда колебания, неуверенность, выжидания. Правда, они дождались такого момента, когда могли, наконец, сделать свой «энергичный» жест,—решительно ничем не рискуя. Но в наступлении такого момента

нет их заслуги, а только вина обстоятельств. В какой мере такие качества, как широкое предвидение и настойчивость в проведении политического плана, худо чувствуют себя в Бухаресте, видно хотя бы из того, что консервативный шеф Карп, сторонник решительной политики по отношению к Болгарии, вынужден был выйти в отставку; во главе правительства оказались Майореску и Ионеску, которые считали, или объявляли себя, противниками войны. Между тем, именно им пришлось вести эту «войну», и Таке Ионеску, Балалайкин в политике, стал наспех заучивать перед зеркалом воинственные позы, которые должны были обнаружить перед всей Европой его стальные мышцы.

Но если насчет мудрой умеренности плана и энергии исполнения дело обстояло крайне неблагополучно, то остается чисто военный успех мобилизации и всего похода. Об этом писала и европейская пресса, а здешняя полтора месяца под-ряд непрерывно захлебывалась от восторга. Мобилизация прошла чрезвычайно быстро и гладко, явились все резервисты, переход через Дунай был совершен в 7 часов, дальнейшее передвижение армии по болгарской территории совершалось со скоростью автомобиля и т. д., и т. д. Девять десятых того, что здесь пишется на эту тему, есть просто blague, дешевая болтовня, газетное фанфаронство. Чрезмерное ликование по поводу полноты мобилизации очень красноречиво свидетельствует, как мало надеялись на это, как нетвердо чувствовали почву под ногами. Действительно, оказалось, что даже олигархическое распущенное и деморализованное государство остается, благодаря своей централизованности, все еще достаточно сильной машиной, чтоб угрозой своих репрессий заставить крестьянина самой отдаленной деревни явиться к положенному сроку под знамена. Когда наверху убедились в этом, подсчитав ряды, то немедленно же было констатировано героическое воодушевление народа. Оказалось, что молдовалахские крестьяне давно уже горели патриотическим стремлением «ректифицировать» южную границу в соответствии со стратегическими соображениями генерального штаба. Немедленно же подоспел и весь прочий реквизит воодушевления:

построенные в ряды солдаты пели песни, а иные, заложив два грязных пальца в рот, молодецки свистали, офицеры гремели ножнами по тротуару или поднимали лошадей на дыбы, уличные зеваки кричали «ура», женщины бросали с балконов будущим героям цветы, а газетчики обещали заложить жен и детей. И, наконец, известная всему городу метресса главнокомандующего натянула на ноги офицерские рейтузы, горя стремлением даже на поле брани выполнять свои государственные обязанности. Не ее вина, конечно, если поля брани не оказалось,—а его не было, и этого не следует упускать из виду.

Под углом зрения условий войны, семичасовой переход через Дунай, как и дальнейшее передвижение по «неприятельской» территории, был бы, может быть, выше всякой похвалы. Но условий войны не было, ибо не было войны. На правом берегу Дуная не было болгарской артиллерии, никто не препятствовал переправе, и передовые кавалерийские отряды нигде не наталкивались на отпор. Румынские войска передвигались по болгарской территории совершенно так же, как они передвигались бы по собственной земле. По всем условиям это были маневры, а с точки зрения маневров румынская армия не только не совершила ничего достопримечательного, но, наоборот, успела обнаружить чудовищную неряшливость, бестолковость и хаотичность во всех частях воинского управления.

Как это всегда бывает со странами бесконтрольно-олигархического порядка, хуже всего оказалось поставлено интендантство. В ведомостях, где, скажем, треть кредитов разворовывается, остальные две трети, как известно, тоже не идут впрок, а расходуются, главным образом, на то, чтобы замести следы. По мере того, как стихи и поэтическая проза в честь мобилизации постепенно исчезают из газет, столбцы оппозиционной и так называемой «независимой» прессы все больше заполняются обличениями военного ведомства. Военная реквизиция была произведена при полном почти игнорировании интересов армии и населения, зато со всем вниманием учитывались партийные соображения и интересы самих реквизиторов. Политические враги всячески отягощались, собственные партизаны получали неза-

конные послабления, богачи без затруднений пролезали сквозь игольное ушко, а у беднейших крестьян отнимали нередко последнего вола. В иных случаях злоупотребления шли еще дальше, — так, например, муниципальные власти Бакау вместе с некоторыми офицерами попросту подделывали реквизиционные свидетельства. Газеты сообщали, что из 2-х миллионов франков, ассигнованных на расходы военных автомобилистов, украдено было больше половины, некоторые офицеры плавали в бензине, масле и каучуке. В результате армия терпела во всем недостаток и голодала. В среднем выдавали на солдата не больше $^1/_4$ килограмма ($^5/_8$ фунта хлеба в день). Сплошь да рядом доставляли хлеб с плесенью, совершенно негодный к употреблению. Так, в четвертом корпусе пришлось, по распоряжению врача, денатурировать 40.000 хлебов, от которых заболевали и умирали даже лошади. Нередко солдаты оставались без хлеба 3—4 дня под-ряд. Тогда их кормили дурно проваренной пшеницей, вызывавшей массовые желудочные заболевания. Все остальные части интендантского хозяйства стояли на той же высоте. Естественным результатом было полное истощение армии в течение четырех недель похода. Корреспондент рейтеровского агентства, наблюдавший вблизи болгарскую и румынскую армии, утверждает, что болгарские солдаты после десяти месяцев похода и сражений не выглядели такими истощенными, как румынские солдаты под конец своей месячной «прогулки». А между тем и у болгар интендантство не было образцовым. В какое же состояние пришла бы румынская армия, если бы дело действительно дошло до войны? Санитарная часть была, если возможно, еще хуже продовольственной. Несмотря на то, что сотни тысяч румынских солдат вступили на территорию, заведомо зараженную холерой, совершенно не были приняты необходимейшие меры предосторожности.

Во Враце, несмотря на предупреждения местных болгарских властей, румынское военное начальство допустило расхищение солдатами из военного склада одежды, служившей холерным больным болгарского артиллерийского лазарета. В Орханье командиры сами роздали солдатам вещи болгарских

холерных солдат. В этом страшном очаге холеры румынские войска стояли 10 дней, не имея даже микроскопа для лабораторных исследований. Микроскоп выписали из Врацы, а пока его доставляли, солдат, заболевших дизентерией, отправляли прямиком в холерные бараки. Холера сразу развернулась в армии эпидемически. Врачебный персонал, уход, пища, медикаменты— все это ниже самых минимальных требований. Цифры жертв скрываются или нелепо преуменьшаются. Во всяком случае, многие тысячи солдат уже погибли, тысячи больных переполняют лазареты или разносят холеру по стране.

К физическому истощению армии скоро присоединилось нравственное разложение. Отношения между офицерством и солдатами в Румынии, как во всех странах с дворянски-крепостническим складом жизни, враждебные: это—отношения барина и раба. В начале кампании, когда офицеры еще ожидали военных стычек, если не сражений, они старательно приспособлялись к своим солдатам, стараясь не накоплять горючего материала. Но когда выяснилось, что болгары решили не оказывать никакого сопротивления, чтобы не давать бухарестскому правительству повода для повышения своих требований, в поведении офицерства наступил резкий перелом. Чем больше выбивались из повиновения голодные ожесточенные солдаты, тем более крутые меры применялись для поддержания дисциплины. Поход в Болгарию ознаменовался официальным восстановлением в армии телесных наказаний. За малейшие провинности солдат били палками. Нередко провинившегося привязывали к дереву и оставляли в таком положении несколько часов лицом к солнцу. Возвращающиеся солдаты с неописуемым возмущением рассказывают теперь об этих ужасах и пишут об них десятки писем в редакцию здешней рабочей газеты.

Румынский король писал в своем дневнике 9-го мая 1868 года: «Князь [1]) уничтожает в армии телесное наказание и возве-

---

[1]) В печатном издании своего дневника король везде говорит о себе в третьем лице.

щает об этом в указе на имя военного министра. Чем навязчивее чужие страны вмешиваются во внутренние дела Румынии, тем ревностнее работает князь над своей ближайшей задачей,— улучшением армии; а эта задача, прежде всего, повелительно требует повышения солдатского чувства чести и уничтожения варварского телесного наказания». После того прошло 45 лет, полтора человеческого поколения. И когда королю Карлу, на закате своего почти полувекового царствования, пришлось двинуть свою армию против связанного по рукам и ногам неприятеля, в этой армии оказалось невозможным—в течение одного только месяца!—поддерживать дисциплину иначе, как посредством восстановления того самого «варварского телесного наказания», которое основано на попирании «солдатского чувства чести». Этот простой и неотразимый факт с убийственной ясностью раскрывает внутреннюю фальшь всех славословий по адресу румынского прогресса. Нельзя воспитать в солдате «чувство чести», если этого чувства нет в трудящихся массах населения. Закабаленного, темного, пришибленного к земле крестьянина можно еще прельстить на время призраком земельных приобретений по ту сторону границы, но нельзя превратить его в сознательного и самостоятельного солдата. В Румынии, в стране периодических голодовок, разнузданной и развращенной администрации и политического бесправия масс,—армия не может в решительную минуту не оказаться несостоятельной. И реставрация палки есть лучшее тому доказательство.

Что такая армия, как румынская, заняв чужую беззащитную землю, меньше всякой другой армии способна была в своем поведении давать образцы великодушия и благородства, это ясно само собой. Разумеется, тут не было потоков крови, массовых убийств, истребления сел и городов, ибо не успело и не могло выработаться необходимое для этого остервенение. Но грабежи, побои, насилия шли своим чередом. Инстинкт л и ч н о г о стяжания, захвата, грабежа играет в современных войнах гораздо бо̀льшую роль, чем можно было бы думать. Человек, оторванный от своей семьи и среды, выброшенный на неприятельскую территорию, попадает во власть тех же самых чувств, которые в

XIII столетии толкали какого-нибудь бродягу ко «гробу Господню»... Пример подавали румынские офицеры, которые захватывали седла из болгарских военных складов, швейные машины и зеркала из частных домов. По тому же пути шли, конечно, и солдаты, которые захватывали, что могли. Во Враце они учинили разгром порохового склада, вообразив, что болгары спрятали там какие-то драгоценности. Последовал взрыв, уничтоживший несколько румынских солдат.

Теперь бедные «победоносные» полки возвратились назад,— отощавшие, измученные и ожесточенные. Следом за ними пришла холера. Санитарное ведомство пробует предпринять кое-какие меры предосторожности; их характер лучше всего выражается в символическом побрызгиваньи улиц известью, которое производится в бухарестских предместьях. Но военное начальство знать не хочет санитарных предписаний. Каждый торопится как можно скорее вырваться из зараженных рядов и укрыться в собственной квартире. Наперекор всем запретам, офицеры из вагонов направляются в вокзальные буфеты и, угрожая револьвером, требуют пищи у перепуганной прислуги. Истомленные солдаты не хотят подчиняться карантинному испытанию. Врачебные власти жалуются и грозят отставкой. Министр внутренних дел Таке Ионеску покинул страну, справедливо решив, что холерный период гораздо безопаснее проводить во Франции. Во всем административном аппарате царит полная анархия. А холера, не испугавшись европейски-конституционного фасада Румынии, чувствует себя прекрасно в азиатских условиях, созданных нищетой и тьмой управляемых и преступной беспечностью управляющих. Она не только развернулась веером по деревням, не только кольцом охватила городские предместья, но перенесла уже свои операции и в наиболее благоустроенный центр столицы: были, как известно, смертные случаи на главной артерии города, Calea Victoriei...

Из новой провинции тоже идут недобрые вести. Болгары не хотят верить, что они становятся гражданами Румынии. Им объясняют, что ввиду «ректификации границ» они отныне должны в церквах молиться Богу не за царя Фердинанда, а за короля

Карла. Но они не верят. Они проливали кровь за освобождение македонских братьев (о н и-то этому честно верили), многие из них погибли, оставшиеся возвращаются теперь в свои места. И вот им говорят, что «освобожденные» македонцы отошли к Сербии и Греции, а сами они, освободители, отныне, в качестве румынских граждан, лишаются всех политических и национально-культурных прав. Этому, как видите, поверить не легко. И можно предвидеть, что румынское правительство скоро начнет прибегать к таким мерам убеждения, которым нельзя не верить.

Коалиционное консервативное правительство, обогатившее страну новой провинцией и холерой, чувствует себя не на розах. В его собственной среде—жестокий раздор между консерваторами и консерваторами-демократами. Этот раздор все более обостряется, ибо в новой провинции—богатейшие области, годовое производство которых оценивается в 160 миллионов франков,—стоят на очереди тысячи административных назначений, и каждая из клик стремится предоставить новые места своим политическим клиентам. Расколотое внутри, правительство в то же время до последней степени скомпрометировано извне и лишено всякого авторитета в стране.

Либералы—сильнейшая партия в стране, и за тот порядок вещей, который в ней существует, они ответственны больше всех. В течение 47 лет существования новой Румынии, в течение 28 лет у власти стояли либералы. Они же несут главную тяжесть ответственности за захват квадрилатера: это была, главным образом, их программа, и они толкнули консерваторов на путь ее выполнения. Теперь, изо всех сил проталкиваясь к власти, либералы берут на себя обязательство «разрешить» аграрный вопрос, реформировать избирательный закон и, вместе с консерваторами, дают неопределенные, но заманчивые обещания евреям. Ни по своему составу, ни по своим традициям румынский либерализм неспособен, однако, развязать или рассечь феодальные узы, связывающие развитие страны.

В Македонии феодальные аграрные отношения уничтожены в н е ш н е й катастрофой: изгнав турецких «бегов» (*NB:* и

истребив половину крестьян!), балканская война ликвидировала македонский феодализм. Что же касается Румынии, то балканская катастрофа только обострила ее внутренние вопросы, но разрешить их не могла. В Румынии владычествует не турецкая, а своя собственная, национальная каста. Внешняя катастрофа уничтожить ее не может. Но зато можно с уверенностью сказать, что вся политика владычествующей касты, в ее консервативных и либеральных разновидностях, энергичным темпом ведет страну на путь внутренней катастрофы.

VII. Рабочая партия.

12 сентября 1913 г.

В борьбе с рабочим движением румынская либеральная олигархия прибегает к тому средству, которое ей никогда не изменяло: к коррупции. Вряд ли есть в мире другая страна, где бы политическая коррупция, во всех ее видах и формах, играла такую роль, как в жизни Румынии. Главным орудием коррупции является непропорционально большой государственный бюджет.

Политически и нравственно независимой интеллигенции здесь нет. В стране с нищим крестьянством и слабой индустрией интеллигенция естественно прилепляется к государственному аппарату. А правящая олигархия прекрасно извлекает все выгоды из такого положения, в зародыше подавляя всякое самостоятельное движение мысли или совести в среде интеллигенции. Подачкам, стипендиям, жалованьям и пенсиям нет конца. Будущий адвокат, врач, учитель или писатель уже со школьной скамьи привыкают смотреть на себя, как на государственных стипендиатов. У румына - врача может не быть ни практики, ни знаний, ни способностей,—все равно, ему дадут место; если свободного места в запасе нет, для него выдумают специальную должность младшего помощника надсмотрщика над муниципальными мухами. Довольно большое количество студентов состоит в агентах здешней охраны, и эта служба, в которой общественное мнение видит лишь один из способов государственного страхования от безденежья, не считается позорной. Народных учителей, среди которых давали себя знать демократически-оппозиционные настроения, олигархия быстро приструнила, поставив их во главе

крестьянских кредитных товариществ, зависящих от государственного земледельческого банка. Всегда на страже своего социального владычества, правящая каста отравляет все учреждения и организации, все органы общественного мнения и все «свободные» профессии духом сутенерства. Вооруженная этим же безошибочным методом, она подошла к рабочему вопросу.

В 1900 г. либеральное правительство провело закон о принудительно-цеховых организациях из хозяев и рабочих. Цель закона была—создать в правлениях цеховых организаций платные места для рабочей интеллигенции, деморализовать таким путем передовых рабочих и обессилить массу. Но румынская зубатовщина в применении к рабочим сорвалась, как она срывалась и в других местах. В первые же годы существования цеховых организаций сказался непреодолимый антагонизм между хозяевами и рабочими, и этот антагонизм повел к развитию профессионального рабочего движения внутри принудительных организаций смешанного состава. Энергичный толчек, который сразу вывел румынское рабочее движение на более широкую дорогу, дан был событиями русской революции.

Под непосредственным впечатлением трагедии 9-го января группа бухарестских рабочих, связанных еще с первой эпохой румынского социализма, созвала массовое собрание сочувствия русскому народу. Полиция пыталась помешать, тем не менее собрание состоялось и имело огромный успех. Настроение рабочих сильно поднялось. Выпущен был один номер социалистической газеты. В это время в рабочее движение вступает Х. Раковский и сразу становится во главе его.

Раковский—не румын, а болгарин, из той части Добруджи, которая по Берлинскому трактату отошла к Румынии. Он учился в болгарской гимназии, был исключен из нее за социалистическую пропаганду, университетский курс проходил в южной Франции и французской Швейцарии. В Женеве Раковский попал в русский социал-демократический кружок, находившийся под руководством Плеханова и Засулич. С этого времени он тесно связывается с марксистской русской интеллигенцией и спустя несколько лет деятельно работает на почве русской политической литера-

туры под псевдонимом Х. Инсарова. За свою связь с русскими Раковский в 1894 году подвергается высылке из Берлина. После окончания университета он приезжает в Румынию, в свое официальное отечество, с которым его до тех пор ничто не связывало, и отбывает воинскую повинность в качестве военного врача. Далее начинается эпоха его непосредственного знакомства с Россией, и оно сразу заходит так далеко, что в 1900 г. Раковского высылают из Петербурга после месячного пребывания в столице. Это было время операций небезызвестного провокатора Гуровича в петербургской литературной среде. Гурович, между прочим, занимался тогда, и весьма удачно, хлопотами за высланных и заточенных литераторов, с которых предварительно получал некоторую сумму на смазку чьего-то высокопоставленного родственника, возможно, что и мифического. С Раковского Гурович также заполучил на расходы по «родственнику», и в результате этой трансмиссии Раковский в 1901 г. беспрепятственно возвращается в Петербург и остается в нем свыше года. После нового двухлетнего пребывания во Франции, в социалистических кругах которой он успел еще раньше стать своим человеком, Раковский в 1903 году снова вступает на почву Румынии.

В 1905 г., после собрания сочувствия русскому народу, Раковский, вместе с передовыми рабочими и при постоянном содействии Гереа, ставит еженедельный орган «Rominia Moncitoare». В это время стачечное движение в стране принимает, под влиянием толчка со стороны России, массовый характер и с ремесла переносится на государственные предприятия: бастуют рабочие казенных табачных и спичечных заводов, бастуют почтальоны, даже городовые обращаются в «Rominia Moncitoare» с просьбой организовать им забастовку. Внутри цеховых организаций борьба принимает крайне острый характер. Деклассированные и коррупированные рабочие, устроившиеся при содействии хозяев и властей в качестве цеховой бюрократии, открывают поход против самостоятельного рабочего движения. Кульминационным пунктом похода явилось нападение цеховых заправил, при поддержке полиции, на рабочее собрание, созванное Раковским в Констанце. Произошло форменное побоище, в доверше

ние которого полиция отвезла окровавленного оратора в участок. Эта расправа вызвала крик возмущения со стороны рабочих всей страны. Но тут разыгралось страшное крестьянское восстание (март 1907 г.) и еще несравненно более страшное подавление восстания,—эти события провели черту под первым периодом рабочего движения.

Глубокие причины периодических крестьянских восстаний в Румынии заложены в ее крепостнических аграрных отношениях. В возмущении 1907 года можно без труда открыть влияние крестьянского движения в России. Но непосредственно восстание было вызвано антисемитской демагогией румынских либералов, натравливавших крестьян на многочисленных в Молдавии евреев-арендаторов. Движение, которому администрация в первый его период, когда оно по внешности имело антисемитский характер, не препятствовало, очень быстро развернулось—и с арендаторов евреев перешло на арендаторов-христиан, принадлежащих, главным образом, к либеральной партии, а затем и на помещиков. Крестьяне громили имения, захватывали или истребляли помещичье имущество, избивали администрацию; было совершено несколько убийств.

Либералы, конечно, испугались того духа, который они же породили своим олигархически-феодальным режимом и вызвали к действию своими антисемитскими заклятиями. В качестве правящей партии они, разумеется, первым своим делом сочли раскрытие «подстрекателя». Такого они без труда нашли в лице слагавшейся рабочей партии. К тому времени «Rominia Moncitoare» уже стояла в центре рабочих кружков, которые начинали политическую агитацию и много внимания уделяли аграрному вопросу. Но, помимо всего прочего, у рабочих кружков не было еще ни сил, ни времени на то, чтоб «подготовить» восстание крестьян-охватившее как Молдавию, так и Валахию. Это, однако, нисколько не остановило либерального правительства, которое учинило жестокий разгром рабочей партии. Несколько сот «иностранцев» было выслано навсегда из пределов Румынии, при чем на-ряду с действительными иностранцами, как многочисленные здесь румыны из Трансильвании, высланы были все участвовавшие в

движении евреи, а также вообще все те, чьи бумаги не были в полном порядке. Так, например, изгнаны были: братья Гоппе, чехи, родившиеся в Румынии и здесь отбывавшие воинскую повинность; еврей-поэт Барбу Лазарьяну; братья Гебар, немцы по происхождению, но румынские граждане второго поколения; родившийся в России Леонардо Паукеров; Василий Анагносте, грек по отцу, и т. д., и т. д. Но наиболее лихим актом олигархии явилось изгнание доктора Раковского, поручика румынской армии, гласного констанцского земства, добруджанского землевладельца, отец которого неоднократно избирался городским гласным Мангалии. Высылка Раковского была подготовлена кампанией правительственной прессы, которая доказывала, что Раковский, как болгарский уроженец, лишь «по ошибке» зачислен был в ряды румынской армии, и заодно вменяла ему в вину ряд преступлений: принимал потемкинцев [1]), боролся за политические права добруджан, организовал стачки румынских рабочих в интересах болгарской промышленности (!), подготовил крестьянское восстание и, наконец,—состоит... агентом русского генерального штаба! Последнее обвинение только выиграет в своей убедительности, если принять во внимание, что Раковский является автором известного труда «Россия на Востоке» (на болг. яз.), в котором выступает непримиримым противником ближневосточной политики России.

Одними высылками дело не ограничилось. Приняты были наспех исключительные законы, направленные против движения в целом. С этой целью либеральное правительство использовало покушение на премьера Братиану, произведенное в 1909 году рабочим Желеа,—разумеется, вне какой бы то ни было связи с рабочей партией, зато, по всей видимости, не без соучастия политической полиции. Издан был в 1910 году закон, совершенно лишающий железнодорожных рабочих права коалиций. Другим законом всякие проступки против так называемой «свободы труда» подведены были под тяжелую тюремную кару (до 2-х лет). Практика администрации находилась, разумеется, в пол-

---

[1]) Матросов революционного русского военного корабля «Потемкин» (1905 г.).

ном соответствии с общим духом либерального режима. Консерваторы, ставшие у власти в 1911 г., повели более примирительную политику по отношению к рабочим. Они даже вступили на путь социального законодательства и провели страховые законы, сосредоточив, однако, все управление страховыми учреждениями в руках государства.

Между тем, рабочее движение шло своим чередом. Возвращение Раковского в Румынию стало для румынских рабочих не только делом политического интереса,—в Раковском они теряли вождя с недюжинной энергией, широким кругозором и международным опытом,—но и вопросом чести. Открывается пятилетие неутомимой борьбы за возвращение Раковского в страну, при чем в борьбе этой, неутомимым вдохновителем которой являлся Доброджану-Гереа*), не было недостатка в драматических эпизодах и даже кровавых столкновениях. Раковский начал свое изгнание с опубликования на французском языке бичующего памфлета «La Roumanie des boyards» (Боярская Румыния), в котором развертывает картину социальных и политических условий Румынии и на языке документов, воспроизведенных в книге fac-simile, рассказывает чудовищную историю своего изгнания. По соглашению со своими румынскими друзьями, он решает нелегально вернуться в Румынию, чтоб таким образом вынудить у суда пересмотр своего дела. Его арестовывают в Кайнени, и так как арест был обставлен великой таинственностью, то распространился слух, что Раковский убит. В связи с этими слухами в Бухаресте произошло бурное рабочее собрание, закончившееся кровавым столкновением с полицией на главной улице, в сотне шагов от королевского дворца; были десятки раненых с обеих сторон. Однако либеральное правительство просто выслало вторично Раковского за границу, не доводя дела до суда.

В 1911 г. Раковский снова пробирается в Румынию и на сей раз благополучно въезжает в Бухарест. У власти находилось в это время уже консервативное министерство Карпа. Но и Карп

*) См. след. главу.

не хотел «скандала»: он заявил, что при первых двух высылках Раковского не были соблюдены необходимые формальности и что, прежде чем Раковский получит право апелляции к суду, он должен быть выслан в третий раз—по всей форме. Раковский поселяется в Софии и приступает к изданию ежедневной газеты «Напрѣд», в которой ведет блестящую кампанию против поднимающего голову болгарского империализма—за соглашение с Турцией. Борьба за возвращение Раковского в Румынию идет между тем своим чередом. Сопротивление консерваторов этому требованию ослабевает. Они боятся возвращения к власти либералов, партии несравненно более сильной и лучше организованной, и начинают задумываться над тем, не может ли для них оказаться выгодным противопоставление социалистов либералам. В это время в центре общего внимания становится скандальная—даже для румынских политических нравов!—трамвайная афера. Будучи у власти, либералы создали общество городских трамваев: город дал 60 милл. франков, частная либеральная группа—5 милл., прибыль делилась пополам, и все правление находилось в руках частной клики. Возмущение было всеобщее, консерваторы стремились использовать его, заигрывали с демократическими элементами,—и это решило судьбу Раковского. Ему был разрешен въезд в Румынию для защиты своих интересов перед судом, и этот суд восстановляет его в правах румынского гражданина.

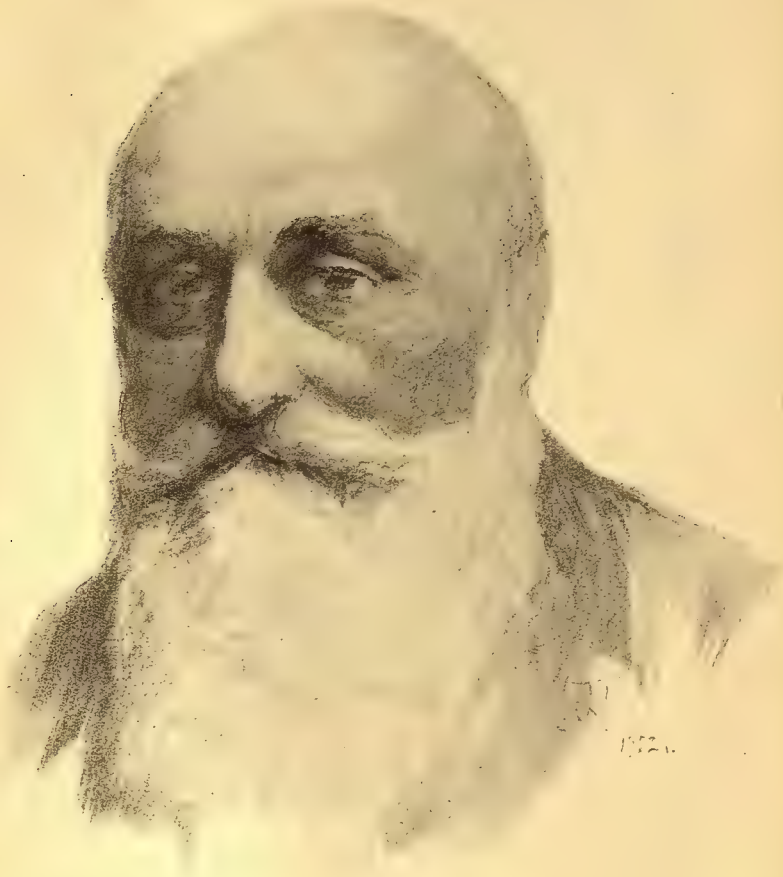
Вся жизнь рабочей партии в течение пяти лет вращалась вокруг дела Раковского. Не было такого подлога, который либеральные учреждения (министерство, префекты, муниципалитеты) не пустили бы в ход, чтоб раздавить человека, которого они с полным основанием считали опасным врагом. Тем сильнее одержанная победа подняла самосознание рабочих.

Значительную роль во всей этой кампании сыграл «Adeverul», виднейшая бухарестская газета, выходящая ежедневно, в нескольких изданиях. Издателем «Adeverul'a» состоит г. Милле, принадлежавший в свое время к социалистической партии первого призыва. Большинство сотрудников «Adeverul'a»—того же политического происхождения, что и издатель. Эта группа, в

отличие от остальной социалистической интеллигенции, не примкнула к либеральной партии, а попыталась занять самостоятельное положение, в качестве независимого демократического органа, со связями в социалистической партии. Но в этой стране бесконтрольных клик и зависимых клиентел существование «независимого» демократического органа возможно менее, чем где бы то ни было. Оппозиция по отношению к либералам скоро превратилась в политическое содружество с консерваторами, преимущественно с «такистами» (сторонники Таке Ионеску), т.-е. с наименее опрятной частью консерваторов. Пока у власти стояли либералы, двусмысленность политической роли «Adeverul'a» маскировалась его общим оппозиционным тоном. Но когда у власти стали консерваторы, и особенно когда они—главным образом, под давлением либералов—ввязались в бессмысленную военную авантюру, которая должна была посеять смертельную вражду между Румынией и Болгарией и сделать Румынию игрушкой в руках ее великодержавных соседей,—«Adeverul» 'у пришлось недвусмысленно и ясно ответить на вопрос, како веруеши. Вместо того, чтобы, во имя элементарнейших принципов демократии, выступить против воинственных замыслов социальной реакции, «Adeverul» вооружился большой медной трубой казенного образца и в течение целого года извлекал из нее «демократические» вариации на тему боевого шовинизма. Задача газеты состояла в том, чтоб породнить общественное мнение с совершенно чуждой ему идеей захвата квадрилатера. В своем нетерпеливом рвении «Adeverul» зашел так далеко, что ночное похищение беззащитной провинции изображал, как служение великой миссии всеобщего умиротворения и даже как выполнение решений... Базельского социалистического конгресса! Это привело к бурному разрыву между рабочей демократией и беспринципной газетой, которую европейские телеграфные агентства не раз цитировали, как орган демократии и социализма.

На 250—300 тысяч промышленных рабочих Румынии,—считая ремесло, крупную индустрию, горнозаводские и государственные предприятия,—в профессиональные союзы организовано было к концу 1912 года около 14.000 человек. На эти со-

юзы опирается организационно и партия. Было бы, однако, в корне ошибочно строить оценку политического значения рабочей партии на этих голых цифрах. Оно несравненно выше. Буржуазной демократии, заслуживающей этого имени, в Румынии нет. Рабочая партия непосредственно противостоит правящей олигархии. Под обеими одна и та же основа: закабаленная деревня с неустойчивыми, постоянно угрожающими взрывом аграрными отношениями. Эта минированная социальная почва чрезвычайно ослабляет цензовую олигархию и, наоборот, создает выгодный политический резонанс для агитации рабочей партии. В том же направлении влияют еврейский и, новорожденный, болгарский вопросы. Все это заставляет думать, что в том внутреннем кризисе, который наступил для Румынии, молодой рабочей партии будет принадлежать не последнее слово.



К. ДОБРОДЖАНУ ГЕРЕА.

VIII. Доброджану-Гереа.

27—29 августа 1913 г.

Период интеллигентского социализма здесь уже оставлен, как мы видели, позади. Но сохранилась еще пуповина, связывающая рабочую партию с некоторыми внепартийными элементами, которые входили некогда в старую социалистическую партию. Эта связь разрывается сейчас на моих глазах—в чрезвычайно страстной полемике, которая ведется между рабочей газетой «Romînia Moncitoare» и демократическим органом «Adeverul» по вопросу о поведении румынского правительства и правящих партий в последних балканских событиях.

Глава нынешнего румынского правительства Тит Майореску, как и целый ряд других выдающихся консервативных деятелей (Карп, Т. Россети и др.), вышел из литературного общества «Юнимеа» (юность), выполнявшего здесь ту работу, какая у нас падала на деятелей эпохи, начинающейся Ломоносовым и увенчивающейся Пушкиным, Гоголем и Белинским,—работу формирования литературного языка, установления основных национально-культурных и эстетических понятий, выработки форм и приемов литературного творчества. Процесс, который на Западе тянулся века, который в России заполнил собою столетие, здесь совершился крайне сокращенно, в течение одного поколения.

Опираясь на творчество больших национальных поэтов, Александри и Эминеску, «Юнимеа» успешно боролась за права народного языка против французского влияния, исходившего из Расина и Корнеля, а не из разговорной речи валахского крестьянина, и против карикатурного «римского» направления, которое историю румын выводило по прямой линии от волчицы,

вскормившей Ромула и Рема. «Юнимеа», выполнявшая свою работу в консервативно-национальном духе, встретила решительную оппозицию со стороны радикально-просветительного направления, которое по своей культурно-исторической роли соответствовало европейскому «XVIII столетию» или русским «60-м годам». Но так как просветительство явилось в Румынии поздно, то оно с самого начала стало на почву теоретических положений марксизма. А в то время румынским просветителям, так далеко забежавшим вперед, приходилось для новых идей, которые они вносили в общественный обиход, создавать новые термины, строить новые слова, словом, участвовать в выработке литературного румынского языка. Руководящую роль в румынском просветительстве принадлежала Доброджану-Гереа, выходцу из России, сыгравшему огромную роль в идейном и политическом воспитании румынского общества. Здесь уместно будет хоть в беглых чертах познакомить русского читателя с биографией этого выдающегося человека.

Константин Доброджану - Гереа родился в 1855 г., в Славянке, Екатеринославской губ., в еврейской семье Кац. Вынужденный покинуть Екатеринославскую гимназию, он готовится в Харькове на аттестат зрелости, поступает на естественный факультет, — и тогда же семнадцатилетний юноша вступает в революционный кружок Ковалика, Боголюбова и Говорухи. Когда начинается движение в народ, Гереа вместе со своими друзьями, Аптекманом и Куляшко, умершим впоследствии в Плоештах, направляются в Славянку, где открывают кузницу. Позже к ним присоединяется еще несколько пропагандистов. Организация, еще не успевшая проникнуть в крестьянскую среду, обращает на себя внимание полиции. «Кузнецы» возвращаются временно в Харьков. Укрываясь от полиции, Гереа направляется в Таврическую губернию, где уже работал в это время в одной из немецких колоний учитель Бранднер, повешенный позже вместе с Осинским [1]) в Киеве.

---

[1]) Валериан Андреевич Осинский—один из первых русских народников-террористов. Казнен в мае 1879 г. по обвинению в вооруженном сопротивлении и в принадлежности к террористической партии.

Но уже через 3 месяца Гереа приходится спасаться бегством. Он переходит с контрабандистами в марте 1885 г. границу Румынии, далекий от мысли, что эта страна станет для него вторым отечеством. Без гроша в кармане он проводит несколько дней с бродягами. В Яссах находит своего друга Куляшко и при его содействии поступает в сапожную мастерскую. Получив помощь из России, Гереа направляется в Швейцарию, работает короткое время в Берне в кузнечной мастерской, переселяется в Женеву и вступает там в русский социалистический кружок. В мае 1875 года он возвращается в Румынию, в Яссы, чтобы организовать транспорт заграничной русской литературы в Россию. С этой целью он впервые завязывает связи с румынской радикальной молодежью. Осенью появляются в Яссах новые эмигранты: Чубаров, повешенный позже в Одессе под именем «Капитана», и братья Аркадатские. Нужда в этой группе царила чрезвычайная. Эмигранты копали одно время землю для постройки. Гереа снова поступил в мастерскую. В это время он женится на румынке. Через некоторое время Гереа собирается пропагандистом в Малую Азию, к некрасовцам; однако поездка эта не состоялась, и Гереа, по совету своих бухарестских друзей, переселяется в столицу Румынии. Здесь Гереа совместно с русским эмигрантом Жебуневым открывают слесарную мастерскую. Бухарест в это время был центром болгарских революционеров; здесь проживали знаменитый македонский деятель и болгарский поэт Ботев и будущий диктатор Болгарии Стамбулов. Благодаря Гереа и Русселю возникает в Бухаресте румынский социалистический кружок, откуда вышли видные деятели, как Стаучеану, Истрати, впоследствии министр, и др. Дела мастерской шли плохо, Гереа переселился в Плоешты и принялся за работу в качестве слесаря. Здесь собрался вскоре новый кружок русских эмигрантов.

Но вот открывается русско-румынско-турецкая война. В ожидании появления русской армии, эмигранты разбредаются из Плоешт,—кто за границу, кто в Бухарест или другие города, удаленные от пути, по которому должны проследовать войска. Но Гереа не может покинуть Плоешт: жена его ждет ребенка.

С американским паспортом на имя Роберта Джинкса Гереа остается на месте, решив: будь, что будет! Приходят войска, и в доме, где жил Гереа, поселяется русский интендантский офицер. Видя бедность, в какой проживала интеллигентная семья, офицер предложил г-же Гереа заняться стиркой белья для военных госпиталей. Гереа импровизирует специальную сушильню и вскоре сосредоточивает в своих руках стирку белья для русских лазаретов в Буцау, Плоештах и Браилове, куда переселяется с семьей. Туда же переезжает врач Александров (Василий Ивановский), Кодриану, Руссель, Арборе (Ралли) и др. Одновременно со стиркой и сушкой белья идут страстные споры о судьбах России. В этих спорах, ведущихся, разумеется, на русском языке, главную роль играет заатлантический гражданин Роберт Джинкс. Живущий тут же рядом русский офицер обращает внимание жандармского полковника Мерклина, начальника войсковой полиции, на подозрительную личность прачечного «подрядчика». Дело в миг становится на рельсы. Мерклин наводит справки, вступает в непосредственное сношение с Джинксом и без труда открывает, кто скрывается под этим именем. Мерклин вызывает Джинкса в Констанцу фальшивой телеграммой от имени Красного Креста, захватывает его в Констанце и на пароходе отправляет его в Россию (в 1878 г.). Только через несколько недель удается жене и друзьям узнать, куда исчез Гереа, отправившийся для деловых переговоров с уполномоченным Красного Креста. Румынское министерство обратилось к русским властям с запросом по поводу этого вероломного ареста на румынской территории, но получило в ответ: «Это дело нам известно», что означало прямое предложение не вмешиваться. Гереа заключили в Петропавловскую крепость, установив его тождество с Кацом, причастным к «большому процессу» («Дело 193-х»), и приговорили к вечной ссылке на поселение в Мезень. Процесс был ускорен благодаря вмешательству барона Бенкендорфа, стоявшего во главе Красного Креста (впоследствии лондонский посланник): барон указал на крупные услуги, оказанные Джинксом больным и раненым солдатам, и настоял на передаче ему 600 франков по счету Красного Креста. Эти

деньги дали возможность Гереа бежать вместе с другим ссыльным, Преферанским, из Мезени на рыбачьем судне в Норвегию. В сентябре 1879 г. Гереа снова в Румынии, на этот раз—навсегда. Он становится... вокзальным ресторатором в Плоештах; румынское правительство сдало ему ресторан в аренду, в видах «материальной помощи эмигрантам из Бессарабии».—на самом деле, пока жив был Гереа, доходы с ресторана шли в бо́льшей мере на помощь русскому революционному движению и румынской социалистической партии. И в то же время начинается его социалистическая, а затем и литературно-критическая деятельность на румынском языке. Некоторые лучшие статьи Гереа, создавшие ему огромную популярность в стране, писались им за ресторанной стойкой, урывками, в хаосе ресторанных счетов, вокзальных сигналов, стука ножей и вилок.

В 1880 г. появляется, за подписью Кая Гракха, «Открытое письмо И. Братьяну, г. министру-президенту», — являющееся первым изложением идей социализма на румынском языке. Автором этого памфлета был Гереа. Вскоре после письма Гереа выпускает книгу «Чего хотят румынские социалисты?»—систематическое изложение социал-демократической программы (уже в более или менее марксистском духе). С этого времени в нескольких изданиях, которые выходят при его участии или под его руководством, Гереа публикует ряд статей по вопросам политической экономии и теории социализма. В 1882—1884 г.г. группирующийся вокруг Гереа кружок румынских интеллигентов издает научно-популяризаторский журнал, который, в честь «Современника» Чернышевского, назывался «Contemporanul». В этом журнале Гереа печатает свои критико-литературные исследования, создавшие ему имя далеко за пределами социалистических кругов. Знаменитая в истории идейного развития Румынии полемика между Гереа и Майореску (нынешним—1913 г.—министром-президентом) по вопросу о социальном значении искусства ведется Гереа со страниц «Contemporanul'a» с энергией и блеском. Румынский историк Иорга, который относится к Гереа с тройной враждебностью «народника»-реакционера, националиста и почти патологического антисемита и который

утверждает, что выдвинутый Гереа вопрос об общественном значении искусства «имел весьма малое отношение к развитию румынского народа», вынужден, однако, тут же, в полном противоречии с собою, признать, что «молодое поколение почти целиком стало на сторону Гереа и отвернулось от заслуженного Майореску, который уже не был для молодежи прославленным вождем румынской культуры, а стал в ее глазах отъявленным метафизиком». Делая таким образом попытку выключить Гереа из истории развития румынского народа, Иорга заодно уж выключает целую эпоху румынского «просветительства» и все молодое поколение 80-х годов, не худшее в чередовании поколений румынской интеллигенции.

Движение развернулось так широко, что оказалось в состоянии поддержать ежедневную социалистическую газету и даже завоевать для отдельных социалистов депутатские места. На международном социалистическом конгрессе в Цюрихе (1893 г.) румынская социалистическая партия была представлена очень внушительной делегацией. И тем не менее, не могло быть сомнения,—и Гереа не заблуждался на этот счет уже в ту пору,—что румынский социализм 80-х г.г. был лишен подлинной своей социальной основы: были немногочисленные рабочие, да и то преимущественно иностранцы, но пролетариата, как класса, не было. Это именно и делало возможным массовое распространение марксизма в среде интеллигенции,—марксизма, как теоретического построения, а не как орудия классовой борьбы. Внутреннее противоречие такого положения должно было вскрыться раньше или позже. Прежде, однако, чем ликвидировать свою связь с марксизмом, интеллигенция сделала попытку, не порывая с доктриной, найти для своих сил применение в закрепощенной румынской деревне. Успех оказался, по внешности, чрезвычайным, но именно поэтому—убийственным для всего движения.

В течение нескольких месяцев 1898—1899 г.г. выросло в деревнях 600—700 социалистических клубов. Разумеется, не марксистская доктрина влекла к себе крестьян и не социалистический идеал зажигал их, а вопрос о земле. Но тем страшнее было кре-

стьянское движение для правящей помещичьей олигархии. Она беспечно глядела, когда интеллигенция страны увлекалась социалистическими дискуссиями на нейтральной почве городов. Но она пришла в бешенство при виде быстрого роста крестьянского движения. Один из редакторов социалистической газеты «Новый Свет» Фикшинеску и рабочий Бангеряну, руководитель движения, были арестованы и подверглись самым безобразным полицейским издевательствам. В довершение всего их осудили... «за мошенничество» (на том основании, что в крестьянских клубах делались сборы на политические цели!) и лишили гражданских и политических прав. Я познакомился с Фикшинеску в Плоештах, в доме Гереа; после нанесенного ему удара (этот удар усугублялся недостойным поведением вчерашних друзей) он отправился в Бельгию, окончил там высшую техническую школу и в настоящее время является одним из наиболее ценимых инженеров в румынской нефтяной промышленности... Этот драматический эпизод одним ударом определил политические отношения: он показал интеллигенции, что бояро-чокойская олигархия отнюдь не склонна шутки шутить, раз дело заходит об основах ее господства, и что, следовательно, вступая на путь крестьянской агитации, интеллигенция должна быть готова к борьбе на жизнь и на смерть. Это решало вопрос: интеллигенция, лишенная каких бы то ни было политических традиций и боевого закала, отступила. Фикшинеску и Бангеряну еще сидели в тюрьме, как начался прикрытый «ревизионистскими» теориями исход интеллигенции из социалистического лагеря в либеральный...

Все эти годы были временем напряженной литературной деятельности Гереа. В 1892 г. он выпускает в свет два тома своих литературно-критических и научных статей (позже он присоединяет к ним третий том) и приступает к изданию журнала, вокруг которого группируются наиболее выдающиеся художественные и научные силы Румынии. Изданная им в эту же эпоху брошюра о материалистическом понимании истории была переведена на французский, болгарский и сербский языки. Рядом статей за подписью «Старый социалист»,—статьи эти вышли потом брошю-

рой,—Гереа сводит счеты со своими бывшими товарищами, ушедшими во враждебный лагерь. Его этюды о Тарасе Шевченко и о Максе Штирнере переводятся на французский и болгарский языки. Работа о Штирнере, как и брошюра «Социализм и анархизм», появилась также на русском языке.

Идеалистическая глава в истории румынской интеллигенции была закончена. Запрошенный в парламенте относительно опасности внедрения социалистов в либеральную партию, старый либеральный шеф Стурдза ответил, что опасности нет никакой, ибо дело идет о «великодушной молодежи» (tenerimea generoasâ), которая, освободившись от социалистических увлечений, будет работать на пользу народа. Под именем «великодушных», социалистические беженцы и вошли в политическую историю Румынии. Из их среды вышли журналисты, депутаты, префекты и министры, но на реакционно-помещичью политику «либеральной» партии они не оказали никакого влияния. Многие из Павлов превратились в отъявленных Савлов,—таков, например, Надежде, бывший самым близким сотрудником Гереа, автор многочисленных социалистических работ, редактор «Contemporanul» 'а,—теперь это профессиональный пожиратель социалистов и боевой антисемит. «Великодушные» оставались на ответственных постах и в ту эпоху, когда стоявшая у власти либеральная партия произвела в 1907 г. страшную расправу над возмутившимися крестьянами и разгромила молодые рабочие организации.

Все конституционные гарантии, которыми так кичилось румынское боярство, были выброшены за борт, как только зашевелилась масса. Циническую философию румынского государственного права лучше всего формулировал в 1907 г. орган консерваторов-демократов (партия нынешнего министра внутренних дел Т. Ионеску) «La Roumanie». «Вот уже несколько лет,—писала газета,—как мы наблюдаем на наших политических партиях материальную невозможность следовать в нашей борьбе прежней тактике,—теперь, когда массы начинают читать, шевелиться и воображать, что кое-что понимают. Еще только двадцать лет тому назад людей, интересовавшихся политикой, была

горсть, и мы могли себе тогда позволять роскошь,—что впрочем свидетельствовало о дурном вкусе,—придавать нашим газетам анархический дух и вести себя, как безумные революционеры. Никто не брал всерьез наших критиков и наших протестов, и все прекрасно понимали, что это своего рода «якобинизм в халате». Но с появлением нового фактора, т.-е. масс, все изменилось в нашей политической жизни. Наша анархическая конституция рухнула бы, если б стали применять ее буквально. Никакой консерватор не может отказать в своем одобрении мерам порядка, которые должно принять либеральное правительство, чтобы как можно скорее воспрепятствовать работе дезорганизации, которая угрожает стране». Мера порядка состояла в истреблении 15.000 крестьян—при молчаливом или громком одобрении «великодушных».

Эпоха социалистической интеллигенции закончилась плачевно. Но зато, как мы уже знаем, получившие толчок массы начали «читать, шевелиться и воображать, что кое-что понимают». На почве рабочего движения возникает новая социалистическая партия, которая, на первых же своих шагах, находит в лице Гереа незаменимого теоретического советника и надежную финансовую опору. Непосредственное политическое руководство новой партией переходит к Христо Раковскому.

В эту вторую эпоху своей деятельности Гереа, помимо ряда статей в газете рабочей партии и в ее теоретическом ежемесячнике, выпускает в свет свой главный труд «Neo-iobăgia» («Новокрепостничество»). Здесь дан анализ полукрепостнических аграрных отношений Румынии, как экономической основы ее социальных группировок, ее государственного хозяйства и ее политических партий. Несмотря на вполне понятный заговор молчания всей прессы как консервативной, так и либеральной, издание в 5.000 экземпляров разошлось целиком, что при строго-научном характере книги и незначительной емкости румынского книжного рынка является свидетельством совершенно исключительного успеха. Политическое влияние этой книги должно полностью сказаться только теперь, когда аграрный вопрос снова становится в центре политической жизни страны.

Связей со своей старой родиной Гереа никогда не порывал. Долгое время Плоешты были одной из штаб-квартир русской эмиграции, и вполне понятно, если наша почтенная заграничная агентура никогда не выпускала Гереа из поля своего зрения. О выдаче Гереа румынским правительством нечего было и думать. Оставался другой путь: попытаться сделать Гереа невозможным пребывание в Румынии. За это дело взялся начальник русской секретной агентуры в Румынии Мотылев. За вознаграждение в 10.000 рублей он предложил маленькому художнику Вонсовичу, из польских эмигрантов, спрятать в квартире Гереа машину для печатания фальшивых ассигнаций. Вонсович, который был вхож к Гереа и в то же время имел, повидимому, кое-какие, отнюдь не первостепенной важности дела с Мотылевым, испугался такого героического поручения и, потрясенный, рассказал обо всем русскому эмигранту Пекарскому. Немедленно были, разумеется, приняты все меры, чтобы не дать Мотылеву возможности осуществить другими путями свой гениальный план.

В то время, как русские охранники играли на румынской почве всеми цветами своих цивических достоинств, а русская дипломатия делала здесь очень ненавистным имя России, в это самое время, травимый Мерклиными и Мотылевыми, русский изгнанник знакомил читающую и мыслящую Румынию с другой Россией, научал румынскую интеллигенцию и румынских рабочих любить русскую литературу и русское революционное движение и таким образом создавал для русского гражданина возможность появляться в Румынии с высоко поднятой головой. Уже одно это,—совершенно независимо от той самостоятельной большой работы, которую Гереа выполнял и выполняет в своем втором отечестве,—дает этому замечательному человеку неоспоримые права на признательное внимание передовой России.

P. S. Гереа умер в мае 1920 г. на 65-м году своей жизни.

IX. Еврейский вопрос.

17—21 августа 1913 г.

Ни в чем Румыния не сказывается так полно и неподдельно, как в своем еврейском вопросе. Король Карл гордится тем, что никогда не отклонялся от «строго-конституционного» пути. Румынская печать пользуется большой свободой и время от времени пускает в ход совершенно баснословные «выражения» по адресу короля, без всяких для себя последствий. Министров здесь не величают «превосходительствами». Политических эмигрантов не выдают. Но под этой позолотой политических вольностей скрывается настоящая, подлинная Румыния,—и если глубже всего она выражается в положении крестьянства, то ярче всего она проявляется в еврейском вопросе.

Триста тысяч румынских евреев не считаются румынскими гражданами. Они сами, их отцы и их деды родились на румынской почве. Они не состояли и не состоят под покровительством какого-либо другого государства. И, тем не менее, они считаются на румынской территории иностранцами. Румынский еврей совершенно не пользуется покровительством конституции. Любой еврей в любой момент может быть изгнан за пределы страны, как приблудный бродяга. Семьи, которые срослись с Румынией в течение ряда поколений, никогда не теряют сознания того, что они только постояльцы. Но мало этого. Выключая евреев из числа граждан, государство, тем не менее, взваливает на них всю тяжесть гражданских обязанностей. Евреи не только платят все налоги, но и отбывают воинскую повинность. Объявленные иностранцами, они служат в румынской армии. Государство, которое отказывает еврейским рабочим, ремесленникам, купцам

в праве на звание румынского гражданина,—в элементарном праве, которым пользуется каждый карманный вор румынского происхождения,—это самое государство во время последней мобилизации призвало под свои знамена 30.000 бесправных евреев.

Вся Румыния раскрывается в своем еврейском вопросе. Крепостническая кабала крестьянства, бюджетный паразитизм, политическое господство бояро-чокойских клик—все это находит свое увенчание в квалифицированном бесправии румынского еврейства.

Румынией правит Пуришкевич. Он владеет румынской землей, он запустил руку по локоть в государственную казну, его умственными и нравственными испарениями полна здешняя общественная и политическая атмосфера. Пуришкевич «ненавидит» евреев. Но эта ненависть особенная: без еврея Пуришкевичу не обойтись. И он сам прекрасно знает это. Еврей ему необходим,—но какой?—бесправный, своим бесправием обезличенный. Этот еврей должен служить посредником между Пуришкевичем - помещиком и между крестьянством, между Пуришкевичем - политиком и его клиентелой,—в качестве арендатора, ростовщика, посредника, наемного журналиста. Он должен выполнять самые грязные поручения Пуришкевича,—а иных поручений у Пуришкевича не бывает,—и при этом не разгибать спины. Но мало этого. Обслуживая феодальную эксплоатацию, бесправный еврей должен в то же время служить громоотводом против возмущения эксплоатируемых. Ограбив до нитки крестьянина, опустошив казну, пополняемую тем же крестьянином, румынский Пуришкевич осуществляет затем свое высшее предназначение, когда с ораторской трибуны или со столбцов своей прессы гневно обличает еврея-арендатора, еврея-ростовщика... Такова крепостническая основа румынского антисемитизма. Но этим дело не исчерпывается. В обществе застойном, в котором экономическое развитие, опутанное ограничениями, делает медленные завоевания, множество неудовлетворенных потребностей, толкает разные группы по линии наименьшего сопротивления—на путь антисемитизма. Чокои, новые собственники, скупающие или арендующие боярские земли, естественно стремятся сосредо-

точить земельное ростовщичество в своих национальных, христианских, истинно-румынских руках. Изгнанные из деревень, евреи образуют почти третью часть населения румынских городов. Ремесленник, лавочник, ресторатор, а с ними вместе врач и журналист ожесточены конкуренцией евреев. Адвокат, чиновник, офицер боятся, что получивший права еврей отобьет у них клиентов или должности. Учитель и поп, деревенские агенты крепостнически национальной государственной идеи, твердят крестьянину, что его нищета и кабала—от евреев. Газета, поскольку она доходит до крестьянина, говорит ему то же самое. Антисемитизм становится государственной религией, последним психологическим цементом прогнившего насквозь феодального общества, прикрытого сверху сусальной позолотой — архицензовой конституцией.

На Берлинском конгрессе 1879 г., когда европейские дипломаты ногтями перекраивали карту европейского юго-востока, одной из важнейших забот их было открыть европейскому капиталу беспрепятственный доступ во вновь сформированные государства. В тесной связи с этим находилось требование гражданского равноправия, независимо от национальности и исповедания, и 44-ый параграф Берлинского трактата обусловливал выполнением этого требования самое признание независимости балканских государств. Это ставило Румынию перед необходимостью включить 300.000 своих евреев в число полноправных граждан,—иначе она оказывалась вне установленного берлинским ареопагом международного права и лишалась даже тех минимальных гарантий, какие даются дипломатическими трактатами. Но правящие в Румынии политические клики и слышать не хотели о даровании евреям гражданских прав. Независимость государства, упрочение его международного положения,—когда же и где феодальная каста добровольно жертвовала во имя таких отвлеченных вещей хоть частью своих привилегий! И вот, между «Европой» и румынским правительством началась томительная тяжба из-за судьбы румынских евреев.

Это одна из интереснейших страниц в дипломатической истории Европы. Ни по своим семейным традициям, ни по своему

положению в Румынии король (тогда еще «князь») Карл не мог быть причислен к юдофилам. Он искренно негодовал по поводу того, что признание его независимым князем Румынии ставится в зависимость от вопроса о судьбе каких-то там евреев, которые жили доселе без прав, могли бы и дольше прожить,—но из общения с европейской дипломатией он понял, что ничего не поделаешь, надо итти на уступки. Отец короля, Карл-Антон Гогенцоллерн-Зигмаринген, не оставлявший сына своими советами и связывавший его с могущественным берлинским родственником, писал румынскому королю еще в 1868 году, за десять лет до Берлинского конгресса, когда вопрос о румынских евреях ставился европейской дипломатией еще на основе 46 параграфа Парижского договора. «Я уже и раньше высказывался в том смысле, что все еврейские дела представляют собою noli me tangere. Этот факт есть болезнь детства Европы, но с фактом приходится считаться; изменить в нем ничего нельзя, ибо над всей европейской прессой владычествует финансовая сила еврейства. Одним словом, денежное еврейство есть великая держава, благосклонность которой может быть очень выгодна, враждебность которой очень опасна»...

Старый феодал с мистическим ужасом относится к силе финансового капитала, который сливается для него с иудейством; еврейский вопрос для обоих Гогенцоллернов, отца и сына, не есть вопрос о судьбе несчастнейших париев, населяющих грязные предместья городов Молдавии, а всего лишь вопрос о сделке с Ротшильдами и Блейхредерами, «распоряжающимися европейской прессой».

Еврейские погромы или судебно-административные бесчинства над евреями в Румынии снова и снова ставят этот вопрос в центре европейского внимания. Запросы в парламентах, агитация в печати, дипломатические ноты... В 1872 г. германский император Вильгельм I пишет своему бухарестскому родственнику собственноручное письмо, смысл которого сводится к тому, что «всему этому» надо положить конец. Европейское общественное мнение, которое в те времена еще не было так приучено к зрелищу травли еврейства, толкало свою дипломатию на активное вмешательство. По этому поводу король Карл пишет в июне 1872 г.

своему отцу: «Несколько месяцев тому назад здешние израильтяне еще пользовались здесь симпатиями в некоторых кругах, но после того, как они подняли в Европе такой крик, и с того времени, как еврейская пресса всех государств столь недостойным образом нападает на страну (Румынию) и хочет вынудить равноправие для евреев, этим последним здесь пока-что не на что надеяться». Разумеется, ф и н а н с о в о е еврейство—большая сила, король Карл это знает. Но он успел узнать уж и нечто другое: как румынское боярство во имя международных интересов отечества нимало не склонно отказываться от своих привилегий, так и биржевое еврейство не согласно во имя молдавских единоверцев отказываться от доброго барыша. «Еврейская haute finance,—пишет король отцу,—объявила, что не только не будет заключать с антисемитской Румынией никаких финансовых операций, но и будет противодействовать всем попыткам такого рода. Тем не менее, мы заключили с большой венгерско-еврейской фирмой договор о табачной монополии и получили, сверх всякого ожидания, предложение 8 миллионов ежегодно, — блестящее дело для обеих сторон!»

Только после Берлинского конгресса дело как будто принимает более решительный оборот. Международное положение Румынии поставлено было, как мы уже знаем, в прямую зависимость от разрешения еврейского вопроса, и—что кажется самым поразительным—энергичнее всех наступала на Румынию Германия. Бисмарк, в некотором смысле душеприказчик Берлинского конгресса, отказывался от прямых дипломатических сношений с Бухарестом, доколе евреи не будут уравнены в правах. «Я вполне оцениваю,—пишет Карл-Антон сыну в марте 1879 г.,—те почти непреодолимые трудности и препятствия, какие стоят по пути разрешения еврейского вопроса, но против воли Европы бороться не приходится... Буквальное выполнение постановлений Берлинского конгресса есть conditio sine qua non, ибо и в последнюю минуту ни Англия, ни Франция, ни Германия, ни Италия не сделают никаких послаблений»...

Румынские политические клики не идут, однако, на уступки, в камерах вопрос не сдвигается с места, Бисмарк становится все

нетерпеливее. Поразительно, как близко железный канцлер принимает к сердцу интересы молдавского еврейства: интересы Гогенцоллерна на восточном троне для него ничто в сравнении с судьбой каких-то бесправных париев! Этот образ бескорыстия слегка омрачается, однако, вопросом о румынских железных дорогах: выкуп их бухарестским правительством у берлинских банкиров также выдвигается в Берлине, как необходимое условие для признания независимости Румынии в ее новых границах. Румынское правительство само стоит за выкуп железных дорог, но не хочет соглашаться на шейлоковские условия берлинских банкиров, во главе которых стоит еврей Блейхредер. Весь вопрос сдвигается в неожиданную сторону. Выясняется, что Италия удовлетворится чисто-формальным актом исключения § 7 румынской конституции, являющегося юридическим источником еврейского бесправия; Англия требует демонстративной натурализации хоть нескольких евреев; всего несговорчивее Германия: она требует... выкупа железных дорог на условиях Блейхредера. Постепенно становится ясным, что это-то и есть главное условие Бисмарка. Тощие абстракции еврейского равноправия пожираются тучными акциями блейхредеровских банков. Начинается упорный, напряженный торг с обеих сторон, при чем цена акций в такой мере переплетается с ценою еврейской крови, что сами контрагенты не всегда твердо различают, о чем собственно в данный момент идет речь.

Между тем в парламентской сфере кризис следует за кризисом. Депутаты и сенаторы не идут ни на какие уступки. «Крупное землевладелие сильно задолжено,—пишет король отцу,— Румыния не знает майоратов, и имения переходят из рук в руки; с того дня, как евреи получат право покупки земли, к ним все имения перейдут по праву, так как все ипотеки в их руках». Постепенно, однако, палаты успокаиваются: коалиционное министерство выясняет им, что дело идет, в конце концов, о чисто формальном признании определений берлинского трактата и о демонстрировании «доброй воли», путем натурализации некоторого количества евреев. А главное дело состоит в выкупе дорог. С превосходной откровенностью выясняет Бисмарк румынскому

уполномоченному Стурдзе [1]), где зарыта собака берлинских забот о еврействе. Румынские дороги принялся строить еврей Струсберг, который привлек к этому делу крупных магнатов Силезии. Те привлекли, в свою очередь, всех своих родственников, свойственников, друзей и подчиненных. В качестве держателей румынских железнодорожных ценностей оказались: сильные мира сего, сановники, придворные дамы, их тетки, их лакеи, их кучера,—словом, «весь Берлин». Когда дела Струсберга пошатнулись, королю Вильгельму пришлось вмешаться, чтобы спасать силезских магнатов. Кое-какие убытки король покрыл временно из собственной шкатулки, а затем привлек к делу банкира Блейхредера. Этот последний вступился «из чести», но убытков нести не хотел. Он взял дело на себя, но потребовал, чтобы Румыния выкупила у него акции на тех условиях, какие он укажет. Условия были разорительные и унизительные. Но на помощь Блейхредеру выступил Бисмарк и заявил, что цена акций есть цена независимости Румынии. Мог ли он действовать иначе, раз дело шло об интересах силезских магнатов, придворных дам, их лакеев и даже о приватной шкатулке короля! Но при чем же тут права румынских евреев? Как, при чем: Бисмарк пригрозил, что станет всерьез требовать выполнения берлинского трактата относительно равноправия евреев, если румынское правительство не примет условий биржевого еврея Блейхредера. Дело сводилось, таким образом, к колоссальному финансово-политическому шантажу, в котором ставкой являлись 100 миллионов марок, вложенных прусской знатью в предприятие Струсберга, а средством вымогательства служили права румынского еврейства.

В августе 1879 г. осторожный Карл-Антон пишет своему сыну: «Я думаю, что железнодорожный вопрос был для Германии все время важнейшим, и что еврейский вопрос является скорее предлогом, чем целью». Когда дело предстало пред бухарестским

---

[1]) Димитрий Стурдза — румынский писатель и государственный деятель. Принимал участие в низвержении князя Кузы. С 70-х г.г. XIX в. неоднократно занимал министерские посты—до премьера включительно. Видный лидер национал-либеральной партии.

правительством во всей своей биржевой наготе, задача немедленно упростилась до последней степени. Ограбить государство на несколько десятков миллионов в пользу Блейхредера, унизить «дорогое отечество» пред евреем-банкиром, требовавшим, чтобы правление румынских дорог оставалось в Берлине—о, разве правящие касты когда-либо останавливались перед таким затруднением! Берлинские условия были приняты, после чего «решение» еврейского вопроса свелось к пустой формальности и к демонстративной натурализации 900 евреев, проделавших турецкую кампанию 1876—1878 г.г. Остальные 299.100 евреев остались в том же положении, в каком были до Берлинского конгресса.

Кто в этой истории сыграл более почетную роль: Бисмарк ли, который потрясал громами либерализма, охраняя шкатулку короля и кассу Блейхредера? сам ли Блейхредер, который накинул несколько процентов—по случаю бесправия своих румынских единоверцев? или правящая румынская олигархия, готовая продать отечество оптом и в розницу, лишь бы охранить в неприкосновенности феодальное бесправие и кастовый произвол? На этот вопрос ответить не легко. Одно можно только сказать совершенно определенно: когда читаешь дипломатические акты по этому делу и частную переписку заинтересованных сторон, ни на минуту не освобождаешься от чувства глубокого отвращения...

* *
*

Статистика народонаселения находится в Румынии в жалком состоянии, поэтому всякие цифровые группировки по роду занятий могут иметь только приблизительный характер. Г. С. Лабин, секретарь «союза румынских евреев», дававший нам необходимые разъяснения, предполагает, что в Румынии около 30.000 семейств рабочих и мелких ремесленников, что составляет 150.000 душ, т.-е. больше половины всего еврейского населения. Далее следуют лавочники, купцы, промышленники, арендаторы, 400—500 врачей, 30—40 адвокатов, столько же журналистов, несколько инженеров, два профессора. Из всей этой

массы населения натурализовано было в 1879 г. около 900 участников румыно-турецкой войны, при чем из них до настоящего времени вряд ли в живых половина; да душ 400 было натурализовано «индивидуальными» законами после 1879 г. За этот же период было издано в Румынии 300—350 исключительных законов против иностранцев, т.-е., в первую голову, против румынских евреев. Эти ограничительные законы не только ничего не дают крестьянству, но и не рассчитаны на него,—они всецело приспособлены к охране интересов правящей и эксплоатирующей касты. Евреям воспрещено жительство в деревнях, но еврею-арендатору, т.-е. тому еврею, который нужен помещику, это право предоставлено. После крестьянского восстания 1907 г. издан был закон, воспрещающий «иностранцу» арендовать более 4.000 гектаров,—ограничение, которое ничем не отзывается на крестьянах, но которое увеличивает зависимость арендатора от помещика. Ряд законов отстраняет евреев от всех видов государственной, муниципальной и коммунальной службы. Еврей не может быть адвокатом, собственником аптеки, трафикантом, биржевым маклером. Уже в текущем году, накануне мобилизации, сельские базары особым законом были приравнены к биржам, чтобы вытеснить евреев из базарной торговли. Евреи не могут входить в правление цеховых организаций. А так как эти последние имеют государственно-принудительный характер, то цехам, в которых вовсе нет ремесленников-христиан, приходится вступать в самые противоестественные союзы с другими цехами, чтобы добыть себе правление. Еврейских детей не принимают в народные школы. В средние учебные заведения их принимают только на «свободные» места, т.-е. почти никогда. Евреи создают свои собственные школы, на частные средства. Между еврейскими и румынскими детьми воздвигается, таким образом, стена, а в то же время хозяева положения условием «дарования» евреям гражданских прав ставят—растворение еврейства в румынской среде. В последнее время велась агитация против частных еврейских школ, просто потому, что школы эти поднимают культурный уровень еврейской массы, а совершенно ясно, что опутанное бесправием еврейство тем опаснее для гнилой румынской государствен-

ности, чем выше его культурный уровень. Евреев-рабочих, принимающих участие в экономической или политической борьбе своего класса, очередное правительство десятками и сотнями выталкивает за границу, как «вредных иностранцев». Даже в госпиталях евреи третируются, как больные второго разряда. И так далее—без конца...

Условия феодальной неподвижности, юридического бесправия, политической и бюрократической развращенности не только экономически пригнетают еврейскую массу к земле, но и разлагают ее духовно. Можно, сколько угодно, рассуждать на тему о том, что евреи представляют самостоятельную нацию, но факт таков, что еврейство целиком отражает на себе экономические и моральные условия той страны, в которой живет, и, даже искусственно изолированное от большинства населения, остается его составной частью.

Протестовать против унизительного бесправия, бороться за лучшее будущее, искать опоры в передовых элементах румынского народа—этого здешние евреи никогда не умели. Под боярским арапником они только глубже втягивали голову в плечи и меж двух ударов заверяли, что они, в сущности, почти совсем довольны. В 1879 г., после того, как Румыния так блестяще «обманула» Европу (только потому, разумеется, что Европа дала себя обмануть), король Карл писал своему отцу: «Здешние евреи достаточно р а з у м н ы, чтобы не проявлять недовольства, и спешат теперь хлопотать о натурализации»... Мы уже видели выше, что принесло евреям это их «разумное» поведение: 300 новых исключительных законов.

Правда, за последние 3—4 года в румынском еврействе обнаружилось некоторое движение политической мысли, которое привело к созданию «Союза румынских евреев». Цель организации—политически-просветительная работа в еврейских массах, пробуждение в них интереса к собственному бесправию. «Союз» имеет свой еженедельный орган «Объединение»,—объединение евреев с румынами,—так как организация всячески подчеркивает, что не питает никаких национально-сепаратистических целей. Даже на ежедневную газету, которая могла бы иметь

большое политическое значение, скаредная еврейская буржуазия не дает денег. «К чему мне права?—говаривал по поводу здешних еврейских толстосумов замечательный румынский сатирик Караджали,—мне нужны капиталы».

Незачем говорить, что все прошлое румынского еврейства,—прошлое, сотканное из бесправия, унижения, заискиваний и «патриотического» лицемерия,—тяготеет над тактикой «Союза». Союз не только отказывается от энергичной агитации в массах, от братания с демократическими элементами румынского народа, от открытой апелляции к общественному мнению трудовой Европы,—нет, этот отказ, который можно было бы еще истолковывать как временный и вынужденный, «Союз» превращает в главное свое оружие; он рекламирует свой отказ; он хвалится своей выжидательной пассивностью; он отгораживается от европейских голосов в защиту румынского еврейства; он открыто заявляет, что не верит в борьбу, не считает ее возможной, а все свои расчеты и ожидания строит на просвещенном усмотрении правящей олигархии. Наиболее отталкивающим образом эта политика проявилась во время последнего балканского кризиса. «Союз»—союз обездоленного, бесправного, униженного и затравленного еврейства!—поторопился занять свое место в боевых рядах румынского шовинизма. Через свою газету он заявлял, что не уступит и самым патентованным румынским антисемитам в «патриотизме», т.-е. в аппетите на кусок чужой земли. Союз бил в барабан, призывал евреев жертвовать на флот и вступать добровольцами в действующую армию.

Обмануть или умилостивить можно отдельного министра, но нельзя ни подкупить, ни умилостивить, ни обмануть целый правящий класс, у которого прекрасно изощрены все инстинкты господства. Есть, однако, кто-то другой, кого «Союз» вводит в заблуждение своей политикой: это—его собственная аудитория.

X. Поездка в Добруджу.

1.

В пути.

3 сентября 1913 г.

В курьерском поезде из Бухареста на Констанцу все еще чудовищная теснота, так как люди и вещи еще не успели распределиться, как следует, по стране, после вызванного мобилизацией паралича железнодорожных сообщений.

Поезд отходит в $4^1/_2$ час. дня. Едем по плодороднейшей, но, в общем, монотонной равнине. Безветрено, безоблачно, сухо и жарко. Жара степная, безжалостная, изнуряющая, от которой высыхает и морщинится горло. Бархат сидений преет, клеенка размягчается и прилипает к платью, и накаленные до-красна соседи, справа и слева, кажутся извергами, достойными виселицы. После получасового пребывания в купэ исчезает даже и эта ненависть к соседям: достигаешь того состояния полной физиологической деморализации, когда человек уже не обмахивается, не отдувается, не обтирается, не пьет, не жалуется, а беззвучно и тупо томится. Еще через полчаса, когда «Дракон» Федора Кузьмича Сологуба (поистине, я тут впервые познал в солнце дракона) стал уставать предвечерней усталостью, осоловевшие и отупевшие пассажиры зашевелились, понемногу приходя в себя: дамы мыли руки одеколоном и слегка наводили пудру, мужчины оправляли галстуки, завязывались разговоры. Любезный сосед предлагает новые папиросы—«La paix de Bucharest». Мы курим их и меланхолически следим, как «Бухарестский мир» превращается в пепел и дым. Не пророчество ли в этом?..

В центре всех перекрестных бесед—холера, которая, под шум демобилизации, министерских интервью, партийных интриг и газетной полемики, уверенно делает свое дело. С нами в купэ фотограф-француз, разбогатевший в Констанце и обзаведшийся там румынской семьей, его жена, дочь, жених дочери и еще девушка, строгого и энергичного вида, как оказывается врач, на несколько дней едущая на побывку к родным из Корабии, с холерного поста.

— Пишут и говорят про непорядки,—рассказывает она,—но ведь непорядки непорядкам рознь. Я застала в Корабии один ужас,—это портовый наш город на Дунае, в нем тысяч 30 жителей, преимущественно болгар и греков,—прямо-таки уму непостижимо, что я застала там. Военные врачи не хотели ничего делать, боялись, понимаете ли, боялись подойти к больному, иные доктора подозрительных по холере разглядывали в бинокль. В этом сказалось то боярское презрение к жизни простого человека, крестьянина, солдата, которое так характерно для нашей Румынии. В Корабию болезнь занесли возвращавшиеся солдаты, а дальше развезли ее по ближайшим пяти департаментам крестьяне-погонцы, привозившие в армию съестные припасы. Их прошло 5.000 возов, и никто не подумал об опасности. Только когда погонцы стали падать от холеры, власти спохватились и решили учредить в ближайшем болгарском селе Бешликвой карантин. Задержали там 2.000 новых погонцев, окружили их под открытым небом цепью солдат, а есть не давали ни крестьянам, ни скоту, потому что нечего было. Им обещали, что в пять дней сделают необходимые исследования и отпустят их. Но для исследования не было ничего, даже микроскопа. Крестьяне заявили, что больше не могут терпеть, и хотели прорваться. Вызвали еще 40 солдат и пригрозили стрелять. Крестьяне говорят: «Что хотите делайте, нет сил мучиться дальше голодом, под дождем возле голодного скота». Грозили с отчаяния в Дунай броситься. Среди них, конечно, распространилась холера,—и вот представьте себе: ни медицинской помощи, ни пищи, под дождем, мертвые вповалку со здоровыми. Мы, врачи, продержавши крестьян две недели, решили отпустить их без всякого исследова-

ния... В самой Корабии, где мы превратили в лазарет большую окраинную избу, то же самое: ни сыворотки, ни инструментов, ни достаточной пищи. Я привезла с собой для чая машинку-примус, да кастрюльку, и вот в этой кастрюльке пришлось и шприцы стерилизовать, и чай себе кипятить. Вследствие отсутствия дезинфекционных средств низший санитарный персонал стал вымирать от холеры, оставшиеся в живых разбежались, и нам, врачам, приходилось не раз самим выносить мертвых, укладывать в гробы и даже закапывать. При таких условиях смертность колоссальная, более 75%. В госпитале были матери с грудными младенцами, отцы с детьми, и потом вслед за родителями, помиравшими от холеры, гибли дети, за отсутствием молока, понимаете, умирали с голоду на наших глазах. А в зараженных деревнях и того хуже. Власти совершенно потеряли голову. Пробовали блокировать холерные деревни: окружали их цепью и не пропускали никого и ничего ни туда, ни оттуда. Обреченные на гибель крестьяне грозили сопротивлением, и блокаду пришлось снять. Население во всем обвиняет военное начальство, которое не предпринимало никаких мер предосторожности, точно и не слыхало, что в Болгарии холера. Во Враце, например, поставили полк прямо-таки у очага холеры. Полковой врач,—он мне сам рассказывал,—потребовал, чтоб командир передвинул полк.—Нельзя! — Почему? — Стра-те-ги-че-ские соображения не позволяют. А какая там стратегия, когда у болгар остались лишь дети да старики? Надутое фанфаронство да чванное легкомыслие,—вот и весь багаж наших военных властей. Знаете, в Корабии их ругали открыто, везде и всюду: на улице, в ресторанах, в кофейнях,—а офицеры находятся тут же и, потупясь, молчат, чувствуют себя, как в неприятельском лагере... Худо, очень худо. Приобрели ли мы еще в новой Добрудже столько народу, сколько его погибнет от холеры!..

В вагоне-ресторане (вчера в этом самом вагоне был холерный случай) сидит нарядная и веселая публика, среди которой особенно выделяются господа офицеры—в лакированных сапожках, с чрезвычайно узкими талиями (дамы теперь таких не делают) и с французским прононсом. Усаживаясь за столиками, они ле-

нивыми движениями, не глядя, снимают свои шпаги, с видом людей, которые, завоевав для отечества провинцию, приобрели для себя скромное право отдохнуть за бутылкой вина. В центре одной из групп восседает нарядная дама, оказывающаяся популярной метрессой одного не очень популярного сенатора. Ее французский дорожный костюм, кольца, часики в бриллиантах и трехметровая золотая цепь очень красноречиво свидетельствуют о внушительной емкости румынского государственного бюджета.

Приближаемся к Дунаю. Становится совсем темно. В ярко освещенный вагон через открытые окна набиваются комары с реки и болот, тучи, мириады комаров. При первом их появлении публика беззаботно отмахивается и шутит, но вскоре дело принимает серьезный оборот. Комары вьются сплошным роем вокруг головы, забираются за ворот, в рукава, покрывают скатерть, тарелки, стаканы и постепенно доводят всех до отчаяния. В воздухе мелькают руки, салфетки, газеты, все мотают головами, быстро перебирают под столом ногами, дергают плечами, иные заворачивают всю голову в газетный лист. Вагон превращается в сумасшедший дом. Закрыть окна невозможно из-за духоты. Наконец, вагонный служитель тушит электричество. Вагон погружается в полутьму, комары замирают, публика приходит в себя, а вокруг популярной дамы—«шопот, робкое дыхание», и виднеются в силуетах сложные маневры всех родов оружия.

За дунайской долиной начинается Добруджа, т.-е. уже подлинный и бесспорный Балканский полуостров. На протяжении 16 километров поезд проходит над долиной Дуная—по двум мостам и каменной плотине. Сейчас темно, но на обратном пути я добросовестно рассматривал, согласно указания Meyer'a, главный дунайский мост, колоссальный и легкий, построенный в 1890—1895 г.г. итальянским инженером Saligny. Гигантские бронзовые статуи румынских пехотинцев по обеим сторонам моста напоминают путешественнику, что суша и вода одинаково стоят на Балканах под знаком милитаризма.

230 километров от Бухареста до Констанцы мы совершаем в 5 час., так что в Констанцу приезжаем в $9^1/_2$ ч. вечера. На вок-

зале нас встречает Козленко, «потемкинец»,—он служит кучером в имении моего приятеля болгарского врача, с которым мы вместе совершаем путешествие.

— Ну как, Козленко, все у нас благополучно?

— Да, ничего, господин доктор, рапицу всю посеяли, уж она из земли вылазить стала... Только что паровой плуг у нас сломамшись, будь он неладен, четыре дня не работали. Опять же серая кобыла захромала...

— Старая или молодая?

— Нет, которая молодая.

Этот диалог звучит для меня музыкой. Где я: в Добрудже или же в Елисаветградском уезде, в незабвенной Громоклеевской волости?..

Идем на пристань дышать Черным морем. Этого запаха я не слышал полтора десятилетия, за это время сколько событий исторических случилось, а запах все тот же: не очень приятный, но страшно убедительный.

Налево—огромное, ярко освещенное, нарядное офицерское казино. Доступ туда еще не свободен: нужно каждый раз брать в штабе особое разрешение.

Слышу невдалеке русско-болгарский говор: другой потемкинец, слесарь, с гигантом-болгарином ждут своего приятеля с пароходом из Балчика, из новой румынской пристани.

Констанца мысом вытянулась в длину, и с обеих сторон своим гниловато-соленым дыханием дышит на нее Черное море.

Мы бродим по главной улице, ярко-освещенной высокими электрическими фонарями. На площади, где играет военный оркестр и скользят нарядные дамы, стоит памятник Овидию, и мне напоминают, что тут под Констанцей, в Томи, римский поэт отбывал свою административную ссылку. В климатическом отношении эти места имеют, во всяком случае, значительные преимущества пред Киренским уездом, Иркутской губ.

В Констанце, по последней переписи, около 25 тыс. жителей, среди которых вряд ли менее 25 национальностей. Такова же и вся Добруджа. Вот бы где эсперантистам попытать свои силы!

2.

Вокруг Мангалии.

5—6 сентября 1913 г.

Потолкавшись по городу, потолковав с директором местного банка и председателем констанцского земства насчет «квадрилатерных» перспектив, выкупавшись в море и купив на дорогу фруктов у двух албанцев, мы выезжаем из Констанцы к вечеру на маленькой бричке, которая тут зовется «тресурой» и которая действительно трясет выше всякой меры. Дорога русская, пыльная, наша херсонская дорога, и куры как-то по-русски удирают из-под лошадиных копыт, и вокруг шеи у малорослых коней повязаны веревки русские, и спина у Козленки русская... Ах, какая у него русская спина: всю землю обойдешь, такой спины не сыщешь, кроме как в Орловской губернии. —«Но, Пасман, ленивая стерва»...—Там в Орловской губернии есть у Козленки семья, с которой он расстался, когда шел в матросы, не предвидя, что на всю жизнь превратится в изгнанника,—«потемкинца»,—десять лет не видал жены и сына, да и не увидит уж никогда. Последнее письмо на свою деревню подавал четыре года назад. Теперь Козленко один на свете. Он угрюмо глядит не в глаза, а мимо; но совсем лишен так называемого «хохлацкого» лукавства, наоборот, слишком прост. «Теперь уж и по-румынски знаю,—говорит он мне,—по-болгарски трошки знаю, да трошки по-турецки,—уже не помру с голоду нигде, хлеба сумею попросить»...

В получасе от Констанцы останавливаемся в селе, где пять русских скопческих домов: хотим с доктором лошадей посмотреть у скопца, прицениться; военная реквизиция забрала в имении лучших лошадей, а теперь вот Козленко в Констанце одну только нашел, слабосильную, а что сталось с остальными, неизвестно. Рассказывают, что офицеры при демобилизации покидали своих плохих коней и выбирали себе из реквизированных, которые получше. У околицы встречает нас старший из трех

братьев-скопцов, ведущих совместное хозяйство; ему лет 35, большой и обрюзгший, а с лица подросток. Подсаживается в тресуру.

— Все, господин доктор, в городу были, дела ломали,— говорит он, намекая на политическую деятельность доктора.— Да надо же кому-нибудь. Я не хочу, он не хочет, да и все мы не захотим, так я полагаю, что кому-нибудь же надо. Правильно я говорю или нет?

Идем сразу в загон глядеть лошадей. Козленко смотрит со страстью, он лошадям друг преданный.

— Вот эти першероны вчерась из реквизиции повернулись, а ничего, гладкие. Хвосты им только для чего-сь поотрезали, ироды, совсем оконфузили лошадей.

Скопец заламывает за лошадей фантастические цены и заодно уж предлагает откупить у него тресуру. Идем к нему в беседку чай пить. Подсаживаются два младших брата, неопределенного возраста, от 18 до 30 лет, а позже приходит и дядя, робкий старик, видно, победнее. На стол все ставят сами мужики, бледные, облезлые бабы дальше порога не высовываются. Разговор идет неопределенный, любезный, чайный.

— Ваня, а Ваня,—кричит старший хозяин Козленке,—иди и ты с нами чай пить!

— Не хочу, спасибо...

— Да иди, ничего!..

— Не хочу, я его в Констанце еще поутру пил и вчерась пил. Не хочу боле.

— Золотой у вас Ваня человек, господин доктор,—говорит умиленно «дядя». Таких работников нету. Как у вас лошадь пала—плакал. Чего, говорю, плачешь,—не твоя? Да как же, говорит, жалко... Когда один в обрат едет, всегда шагом. Такой милован до лошадей, уж такой милован, другого такого не найти. А то вот у нас сосед цыгана в работники нанял, так беда, они на день 20 разов дерутся... Уж он все боится: как бы, говорит, еще с ними криму (уголовщины) не вышло.

— А не скучно вам на чужой стороне? — спрашиваю хозяев.

— Да с чего, господин, скучать,—привыкли. Работаем свою обязанность, вот и все. А и поскучаешь, ничего не поделаешь. Это будь у меня капиталы, поехал бы, может, зимой со скуки в страйнатате (за границу). А без дивидентов нам скучать нельзя.

— Ну, да ведь вы не без деньжонок: тысяченок несколько у каждого припасено...

— А кто их мне дал, господин доктор, будем так говорить?— С явным раздражением в голосе возражает хозяин и затем продолжает отвечать на мой вопрос.—Об политике тоже зимой разговариваем. У нас тут на селе есть и молдаване, и греки, и турки, и болгары, и, например, армянин один был, весной помер, цыганы тоже есть, одним словом, всякого сословия народ. Соберемся промежду себя и говорим: все у нас есть амбассадоры,—турецкий, греческий, русский, армянский,—давайте иметь разговор про политику. Так и занимаемся.

— А как теперь, господин, в Рассее? — спрашивает «дядя».

— Давно я из России...

— И вы давно, как и мы значит... Наши сюда недавно наезжали, из Сибири, они там прежде в ссылке были.

— Как же, как же, я ваших в Сибири много видал.

Слегка оживились.

— Видали?

— В 1900 г. по реке Лене в одном с ними паузке десять суток плыли. Ваших душ сорок было. Потом они под Олекминском огородничеством занялись, хорошее хозяйство устроили, разжились...

— Так, так... А когда вышли им права из Сибири ворочаться, они огороды продали, в Рассею приехали, там не встроились, назад подались, а там уже нет ничего, так совсем и разорились, сюда к нам наведывались...

Кругом беседки яблони, груши, везде порядок. А скучно как-то, пресно, томительно. Чего-то не хватает. Жизни не хватает, детей не хватает, матерей не хватает. Лица отекшие и, несмотря на всяческую учтивость, неприятные.

— Да вы кушайте пожалуйста чай, кушайте. У нас расторгуевский, 3 рубля фунт. Сделайте милость, пейте еще.

Едем дальше. Бойко бегут лошадки, своего заводу, взращенные Козленкой,—он успел уж после 1905 г. взрастить на румынской почве два лошадиных поколения.

— Неприятные люди,—говорит доктор,—не люблю я их. Они не только скучные, но сварливые, завистливые, жадные. Они не знают чувства сострадания и не прощают никакой обиды. Я их хорошо знаю: под Мангалией есть у нас целое скопческое село Доомай («Второе мая», значит; это—румынское 19-ое февраля). Так я вам для характеристики нравов интересный случай расскажу. Служил у меня лет 8 тому назад кучером старый скопец Василий, с любопытным прошлым. Во время русско-турецкой войны он был в Плоештах биржарем (извозчиком) и вслед за русской армией переехал в Софию. У болгарского князя Александра Батенберга своей кареты еще не было, и Василий состоял при князе со своим выездом; он же возил князя и в Сербию с визитом,—железной дороги между Софией и Белградом тогда еще не существовало. Наконец, в 1886 г., когда Батенберга сбросили, Василий отвозил его в последний раз на дунайскую пристань Лом. Батенберг дал ему тогда за верную службу 50 наполеондоров, жал руку и плакал,—так рассказывал Василий... Скопил этот самый Василий тысяч 40 франков, да отдал их на постройку домов в Софии русскому офицеру, у которого сына крестил. Дела у офицера не пошли, а в 1885 г. отозвало его русское правительство вместе с другими офицерами из Болгарии,—так все Васильевы деньги и пропали. Возвратился он снова в Румынию, без средств, и стал наниматься кучером к помещикам, у иных оставался по три, по четыре года. Ко мне он поступил в 1905 г., было ему уже за 60. Отличный кучер! Однако прослужил недолго: через два-три месяца приключился у него паралич. Я отвез его в Мангалию в больницу, пролежал он там месяца полтора, оправился, его выписали, но стал он полным инвалидом. Власти решили сдать его на попечение доомайским скопцам. Те всячески сопротивлялись: Василий, мол, не наш, мясной суп ел, от веры отступился, и пр. Но власти все-таки заставили принять. Прожил, однако, старик у них недолго. Через некоторое время я узнаю, что один из скопческих заправил,

Кравченко, забрал в один прекрасный день Василия; будто бы в Констанцу, да и девал неведомо куда,—Васильев и след простыл. А слух пошел, что Кравченко утопил старика с ведома других скопцов, чтоб скинуть обузу. И это вполне вероятно, я лично в этом не сомневаюсь. Кравченко этот был мошенник отъявленный: он сильно понатерся в городе, узнал румынские законы, а главное всякие ходы и подвохи, и стал, вернувшись в село, дела ворочать. У скопцов были в обычае сделки на совесть, а Кравченко научил такие сделки нарушать и проданное однажды продавать вторично. Только кончил он плохо: его самого убили. Он перекупил уже проданную однажды ветряную мельницу, возле этой мельницы и нашли его с пробитой головой... Наблюдая жизнь скопцов, убеждаешься, знаете ли, методом от обратного, что пол есть начало социальное, источник альтруизма и всяческого вообще человеческого благородства...

Козленко слушает с своего места и видимо сочувствует.

— А не стоит у них, господин доктор, коней покупать: дуже дорого просят. Других найдем. А тресура ихняя и вовсе не годится, не имеет фасону, у ей ящик, приличный только разве для каруцы.

Едем мы на юг, все время берегом моря, и запах его сопровождает нас неотступно. Проезжаем мимо целебных грязей и санаторий, куда больные съезжаются со всех концов Румынии. Останавливаемся передохнуть в большой болгарской деревне Тузле, как раз посредине меж Констанцей и Мангалией, куда держим путь. Корчмарь, старик-болгарин, подает нам по ломтю поджаренного качкавалу с турецким кофе. Направо от нас три болгарина из квадрилатера, едут по делам в Констанцу. Налево русская речь: русский шорник, живет здесь 20 лет, с ним два русских немца, это—колонисты, переселившиеся в Румынию из России. Вавилонское столпотворение Добруджи глядит на нас из каждого угла. Мы уславливаемся с квадрилатерными встретиться в Мангалии и снова садимся в тресуру.

Становится темно. Запах травы и дорожной пыли, потемневшая спина Козленки и тишина вокруг. Держась друг за друга, дремлем. Тпррр... Козленко останавливает на дороге лошадей,

терпеливо ждет и задумчиво насвистывает им. Тихо, кровь зудит в ногах, и кажется, что едешь на каникулы в деревню Яновку со станции Новый Буг. Трогай, Пасман!

* * *

Приехали в Мангалию. Старый уездный дом, низкие двери, низкие потолки. Семья владельцев родом из Котела, из самого сердца Балканских гор. Отец и дед пастушествовали и захватывали свободные пространства все дальше к северу от Балкан. Этот процесс пастушеской колонизации южной Добруджи закончился в 50-х годах прошлого столетия. Старухе, охраняющей дом, его порядки и традиции, 75 лет. Бóльшую половину своей жизни она провела под турецким игом. Муж ее, умерший несколько лет тому назад, был чорбаджием, т.-е. богатеем, представлявшим общину пред турецкими властями. Семья эта, известная в болгарстве, историческая. Сава Раковский, знаменитый деятель болгарского национального возрождения, «мечтатель безумен», по определению Вазова, сидевший с отцом своим в константинопольской тюрьме, повторно осуждавшийся на смертную казнь, этот патриарх болгарской революции, умерший в 1867 г. в Бухаресте, приходился старухе-хозяйке родным дядей. В доме собран нынешним его владельцем единственный в своем роде архив по истории болгарской борьбы за национальную независимость.

Шкафы с книгами, старые наивные олеографии, замысловатой формы печи, домотканные ковры без числа, занавески везде, где можно, стеганые одеяла, а в окна запах моря, которое тут же, в пятидесяти шагах.

На другое утро осматриваем Мангалию. Город, несмотря на все свои тысячелетние традиции и на звание «второго порта» Румынии, совсем заштатный, менее 2.000 душ населения. Под турецким режимом Мангалия видывала лучшие дни. После русско-турецкой войны, когда северную Добруджу отрезали от южной, т.-е. от нынешнего «квадрилатера», и передали Румынии, Мангалия утратила свое торговое значение и захирела. Теперь, с присоединением новой провинции, город снова должен подняться...

Сегодня Байрам. Татары разъезжают в повозках, стреляют из револьверов. «Байрам бумбарекы олсун!» — «Эвала, эвала!»... С мечети поет на все четыре стороны мюлезим какие-то невнятные тексты.

Солнечно, ярко, взморье блестит ослепительно, шхуны у пристани, бронзовые цыганята плещутся у берега. Турецкие цыгане в пестрых тюрбанах, широчайших красных, зеленых или желтых поясах, изукрашенных тесьмой штанах, с разрезами на икрах, справляют Байрам. Скопчиха, не оглядываясь по сторонам и не отвечая на наше приветствие, несет что-то с базара в свое село. Козленко возвращается домой с фунтом качкавалу, и я замечаю, что у него на левой руке вытатуирован якорь.

— Да вы, оказывается, были опасно ранены, Козленко? Мне доктор рассказывал.

— А то разве нет? В Феодосии солдаты с берега стреляли, как мы в шлюпке ехали. Пуля в бок вошла, а в спину вышла, только видать, что вред небольшой сделала. Как доктор к нам на корабль пришли в первый раз, я почти-что без памяти лежал. А после справился, ничего, только если уморюсь, бок болит. Еще Ковалева ранили, он после в Тульче чего-сь помер...

Жарко. 32 градуса в тени. Вдоль базарной улицы у кофеен сидят за столиками городские и приезжие люди, деловые и бездельные, и улица похожа на этнографическую выставку. За одним столиком группа спокойных бородатых турок. Они медлительно пьют черный кофе, с хрипом втягивая его в себя маленькими глотками. Рядом с ними столик скопцов из соседней деревни; пьют чай с лимоном вприкуску и фальцетными голосами разговаривают о барышах. Группа местных нотаблей, румын, играет за двумя столиками в кости и в таблу. Три уже знакомых нам из Тузлы квадрилатерных болгарина—один из них оказывается не болгарином, а гагаузом—пьют пиво. Мы подсаживаемся, и волосатый грек подает нам рахат-лукуму с водой. У бакалейной лавки толпятся староверы-липовановцы; эти рыбаки, рослые, лохматые, никогда бород своих не подстригали, держат себя с достоинством; липовановцы военную службу отбывают, главным образом, во флоте. В повозках проезжают по улице праздничные

татары. Цыгане турецкие (магометане) и цыгане румынские (христиане), очень между собою различные, бродят взад и вперед. Мы проходим с моим другом и чичероне вдоль всей улицы, и я почти с мистическим удивлением гляжу, как он орудует в этом этническом и лингвистическом хаосе. Он поворачивает голову направо, налево, раскланивается, перебрасывается словами с одним столом, с другим, заглядывает в магазины, наводит хозяйственные справки, ведет мимоходом политическую агитацию, собирает сведения для газетных статей, и все это на полдюжине языков. В течение часа он без затруднений переходит десятки раз с румынского языка на болгарский, на русский, турецкий, немецкий—с приезжими колонистами и французский—с нотаблями.

— Доктор усе языки знают,—говорит мне Козленко, как о деле давно решенном.

— Вы, Козленко, липовановцев знаете?

— Разве их усех узнаешь? Так что которых знаю...

— А как скопцы с липовановцами живут?

— Ничего живут. Спорятся потрошку...

Прежде, чем заняться квадрилатерными разговорами с новыми румынскими гражданами, мы решаем еще съездить в Геленджик, большое румыно-татарское село, где у доктора ферма. Козленко на досуге подвязал лошадям ленты, но веревки оставил. Садимся снова в тресуру. Опасливо подходит к доктору молодой парень, русский, «липован», румынский подданный, военный дезертир,—справляется, что ему за это будет и не выйдет ли по случаю победы амнистии... Едем узкой полевой дорогой, хлеба уж все сняты, только кукуруза еще стоит, дозревает. Останавливаемся у бостана (огорода). Татарка-хозяйка, в шальварах, дети с голыми животами, злые собаки, арбузные корки и мириады мух над ними. Хозяин отлучился в Мангалию. На огороде копается работник-татарин, дезертир из Болгарии. Съедаем втроем три арбуза, рассуждая об опасностях холерного времени, укладываем десяток арбузов в тресуру и трогаем. Кругом курганы, совсем как у нас в Новороссии.

— А что, Козленко, нет в этих курганах золота?

— А кто его туда закопал?—меланхолически возражает Козленко.

Вот и докторова земля.

— Пыхтит он, господин доктор, пыхтит, стало-быть, справили.—И действительно, паровой плуг пыхтит; при нем в механиках состоит поляк, взятый из констанцского кинематографа, говорит механик много, главным образом, автобиографическое, но в машине смыслит мало. Доктор соскакивает с тресуры и, как полагается хозяину, полчаса бегает без толку за плугом. А Козленко мне пока рассказывает про Геленджик.

— Это вон наш управляющий коло бороны стоит, тоже румынец, хороший человек, у ево родной брат офицер. Раньше у нас болгарин управлял, да дуже крал, доктор терпели, терпели, да под конец того, рассчитали. А село у нас пополам турецкое, пополам румынское, не дуже бедное. Прежде и совсем богато жили. Только турки ленивы, хозяйствовать не хочут: продаст гектарей пять, прохарчит и опять продаст. Так и остались турки без земли. Румын работает, да крепко вышивает. Так что обедняло село...

Доктор дает по арбузу управляющему и кинематографному инженеру, и мы едем в Геленджик.

— Смотрите: слева, это—крестьянская кукуруза, низкорослая, чахлая, а справа—моя, лес-лесом стоит. У мужика один кочан на стволе, а у меня два и три. Так же точно обстояло дело и с пшеницей и с рапицей. Вот вам и преимущества мелкого земледельческого хозяйства!..

В Геленджике дома крыты железом и черепицей, соломенных крыш и землянок я не видал. По случаю Байрама на улице оживленно. Много народу у пивной.

— Гарман отгарманили, урожай продали, теперь начали вышивать,—поясняет Козленко.

Мойси, хозяин корчмы, огромный румын из Трансильвании, лавочник, скупщик и ростовщик, просевает на брезенте рапицу через решето. Эти трансильванцы в городах—кельнера, цирюльники, банщики, а в деревне—капиталистические фермеры и кулаки, зимой—страстные картежники, вообще энергичная ра-

са, которая во многих отношениях играет в Румынии ту же роль, какую македонцы играли в Болгарии. Политикой Румынии Мойси недоволен: вступились поздно, взяли мало. Надо было с самого начала войны запросить у Турции и у Болгарии, что каждая из них даст за поддержку, и пойти с той, какая готова дать больше.

Вот и ферма. В доме, где помещается управляющий, есть одна комната на замке, это хозяйская. Покрытые пятнами стены уставлены книгами на всех языках. Значительная русская библиотека, обширная коллекция заграничной литературы и изданий 1905 года...

В поисках пищи идем в людскую, где поваром оказывается грек, дезертировавший из турецкой армии. Прошлой осенью доктор нашел его на дороге без шапки, без сапог, в слезах... Это, значит, уж третий дезертир, которого я встречаю сегодня: русский дезертир из румынской армии, татарин из Болгарии и грек из Турции. Босой, но с тщательной прической, явный пожиратель сердец, повар говорит немножко по-французски. Мы заказываем ему курицу с рисом, и в то время, как он гоняется за этой курицей по двору, мы подходим к двухпудовому ящику с маслинами (маслины здесь предмет первой необходимости) и подкрепляемся прямо из ящика.

Далее следует деловая часть программы: денежные расчеты. Приходит румын-сыровар, забирающий на ферме овечье молоко, со счетной палкой, на которой линиями и крестами обозначены сотни и тысячи литров молока. Приходят—кузнец, русский молдаванин; несколько болгар, пахавших под рапицу; две местные цыганки, одна — за расчетом, а другая, золовка, для надзора. Высокий и красивый турецкий цыган предлагает свой табор на работу: срезать головки с кукурузы, чтоб скорее вызрела.

Местные цыгане, румынские, работают скверно и воруют, но многие хозяева охотно пользуются ими, так как их можно обсчитывать самым бессовестным образом. Сколько раз бывает, что табор проработает два месяца, а уплачивают ему, примерно, за 27 дней: проверить расчет цыгане не в состоянии. Турецкие цыгане культурнее и работают лучше.

Расчеты закончены, курица, беспечно бегавшая по двору, стоит на столе, обложенная рисом. Козленко приносит от Мойси вина, и мы обедаем на крыльце. А в это время Козленко закладывает другую тресуру, побольше, натягивает на колеса резиновые шины и припрягает третью лошадь.

— Теперь будет ловчее,—говорит он.

— Но!..

Уже вечер. Мягко колышет тресура, и в полудремотном состоянии мы возвращаемся в Мангалию и снова вдыхаем гниловато-соленый запах Черного моря.

3.

„Le président du conseil général".

(«Президент главного совета»).

13 сентября 1913 г.

— Симеоне, Симеоне!—зовет мой спутник через площадь, по направлению к Овидиеву памятнику,—иди сюда.. Вот сейчас я познакомлю вас с местным политическим деятелем, интереснейшая фигура, политик истинно-румынского стиля, вы только повнимательней разглядите его...

«Симеоне» приближается к нашему столику. Несмотря на свой невысокий рост, он выглядит очень внушительно. Пока нас знакомят, я успеваю рассмотреть плотную фигуру в элегантном летнем наряде, черные с проседью усы, лукаво-веселые глаза южанина под мясистым носом, слишком толстую золотую цепь по животу, слишком большой бриллиант на пальце левой руки. Симеоне приподнимает шляпу, и я вижу черные с проседью курчавые волосы. Превосходный экземпляр южанина! На вид ему лет сорок пять.

— M-r Siméon N., président du conseil général.

— M-r N. N., journaliste russe.

— Enchanté!—говорит Симеоне и делает ручкой жест благожелательного гран-сеньора.

Le président du conseil général—это, по нашему, будет вроде председателя губернской земской управы. По направлению, Симеоне—«такист», т.-е. консерватор-демократ, партизан нынешнего (1913 г.) министра внутренних дел Таке Ионеску.

— Как дела, Симеоне?

Дела?—Симеоне недоволен делами. Он вообще недоволен политикой. Все идет вкривь и вкось. На недавних городских выборах в Констанце либералы разбили консерваторов на-голову; завтра будет то же самое на департаментских выборах. Либералы побеждают, у них энергия и дисциплина. В конце концов, единственная настоящая партия в Констанце, как и во всей стране, это, entre nous, либералы...

— Я такист, но я вам говорю: нас не существует.

— О, но ты совсем стал пессимистом, я не узнаю тебя, Симеоне!.. Скажи нам, à propos, покупает ли земство твои фонари?

Симеоне пропускает непонятный мне вопрос мимо ушей.

— Нет, нет, дела идут скверно. У либералов в руках банки, священники, учителя, у них все, они делают безнаказанно что хотят. А нам, такистам, прямо-таки нужно закрывать лавочку. Вот и все!

— Не можете ли вы, господин президент, объяснить мне, почему собственно ваша партия называется консервативно-демократической?

— Но это очень просто. Мы против этих старых клик, которые никого не допускали к власти, против монопольных политических династий, либеральной и старо-консервативной. Мы требуем, чтобы в политике вознаграждались две вещи: заслуга и талант. Voilà, monsieur, nos principes: талант и заслуга. Вот почему мы демократы.

— Но в каком же смысле вы консерваторы? Что вы хотите консервировать?

— Консервировать? Мы хотим...—но это очень просто,— мы хотим охранить нашу страну... наш народ... нашу национальность.

— И бюджет, Симеоне, а?

— Бюджет? Конечно! Que diable! Почему же бюджетом должны пользоваться только старые клики? Нет, и бюджет должен признать два новых принципа: талант и заслугу.

— А как же все-таки идут твои лампы, Симеоне?

— Но ты, кажется, помешался на моих лампах? Оставь их, пожалуйста, в покое,—мы говорим сейчас о политике...

— Гм... гм...

— Mais à propos, как вы находите наших женщин?—спрашивает меня внезапно «президент».

— Симеоне, Симеоне, но ведь мы говорим о политике.

— Да, да! Но ты, кажется, воображаешь, что наши женщины не связаны с политикой, с румынской политикой. Tais-toi, mon vieux!.. (Помолчи, дружище!) Нет, нет, вы мне скажите, как вам нравятся наши женщины, а? — При этом вопросе президент генерального совета играет левым глазом, лбом, губами и усами.

— Mes meilleurs compliments pour vos femmes, monsieur le président (примите мои хвалы вашим женщинам),—отвечаю я со всей учтивостью и тут же отмечаю в своей памяти, что почти все румыны задавали мне с третьего слова этот вопрос.

— Вот кто погубит Румынию! Да, запишите это себе, раз вы изучаете нашу страну: не латифундии, не бюджет, не милитаризм, а женщина! Я спрашиваю вас: разве может быть порядок в стране, где такое обилие прекрасных женщин, то-есть прекрасных в полном смысле слова, monsieur!.. Вот, вот, поглядите туда,—видите, видите, как она идет? Вы посмотрите только, а?.. а?.. а?..—И тут председатель земской управы дает несколько пояснений, которые делают полную честь его южному воображению.

— Но, Симеоне, Симеоне, ведь тебе 62 года!

— 62 года?—восклицаю я в искреннем изумлении.—Не может быть.

— Да, да, monsieur. Но, слава Богу, я еще не рамоли, я еще могу за себя постоять.... Наша женщина,—запомните это,—и причина, и предвестница нашей грядущей гибели. Почему? Очень просто. Нужно вам сказать,—это очень важный момент во всем вопросе,—что наших женщин ни в коем случае нельзя назвать

недоступными. Нет, нет... И каждый политик, адвокат, чиновник стремится у нас иметь самую лучшую женщину. И вот где источник гибели: все расходуют вдвое и втрое больше, чем получают. А в результате полный государственный хаос. Вот вам ключ к румынской политике: женщины ведут нашу страну к катастрофе.

— И неужели же так-таки нет никакого спасения, г. президент?

Симеоне разводит руками.

— Я его не вижу. Будущее рисуется мне мрачным. А пока что поле остается за либералами. Они знают секрет успеха, эти пройдохи!.. Вот вам поучительное сопоставление. В 1878 году либералы сдали России остаток Бессарабии,—это в результате победоносной войны румынской армии против Турции!—и получили взамен часть Добруджи, которая была тогда полудикой страной, населенной к тому же не румынами, а болгарами. И вы, конечно, думаете, что либералы полетели после этого вверх тормашками? Ничего подобного. Они оставались у власти десять лет. А мы теперь приобрели без всяких потерь новую провинцию, и что же? Вы думаете, мы упрочились? Ничуть не бывало! Этой осенью,—это я вам говорю entre nous,—консервативное правительство будет выброшено на мостовую. Почему? Почему? C'est la fatalité. У нас нет дисциплины. У нас всякий выскочка хочет быть шефом партии, министром, префектом. Наш местный шеф—это рамоли. Наш префект—неспособный интриган. У нас игнорируют людей, которые объехали полсвета и расширили свой кругозор...

— Ага! Расскажи нам, Симеоне, где ты бывал?

— Бог мой, где я бывал!.. Я был во всех европейских столицах, был в Северной Америке: в Нью-Иорке, Чикаго, Бостоне, был в России, в Варшаве и Вильне. Да, да, мне довелось кой-что повидать в моей жизни. Quand je quittais mon professorat... (когда я оставил свое профессорство...)

Я насторожился: так он профессором был, оказывается,—земец из профессоров...

— Что же это у тебя за профессорат был, Симеоне?

Симеоне поглядел на небо, покосился одним глазом на вопрошателя и повернулся ко мне.

— Moi, je suis artiste... Сперва я был профессором в Констанце, затем в качестве артиста...

— Да почему же ты не скажешь нам, наконец, каким ты был артистом?—не унимается вопрошатель.—А? Ты, кажется, восемь стульев вертел у себя на носу, старый грешник, прежде чем стать политиком? Или дюжину? А?

Тут Симеоне не выдерживает. Он поворачивает налившуюся кровью голову к своему преследователю и уже не на французском, а на румынском языке дает ему громоносный ответ, совершенно исчерпывающий вопрос. Хотя я этот ответ понимаю лишь в самых общих его очертаниях, однако и у меня на минуту спирает дыхание.

Но тут Симеоне вспоминает о присутствии иностранного журналиста, выпивает содовой воды с вином, оправляет свое лицо и, как-будто ничего не случилось, продолжает знакомить меня со своим бурным и поучительным прошлым. Да, он был в Констанце профессором, т.-е. учителем гимнастики при лицее; на всемирной выставке в Париже участвовал в труппе, набранной для демонстрирования национальных танцев; сравнил свои силы с силами других артистов,—и участь его была решена. Под именем Simeone Universul объехал, в качестве циркового артиста, полсвета, всюду, всюду, имел большой успех, получал до тысячи долларов за выход. Вот это кольцо...

— Обратите, пожалуйста, внимание на кольцо,—в нем главная ценность нашего друга, оно стоит 6.000 франков...

— Sacré nom de nom! (чорт побери!),—восклицает бывший профессор, оставаясь на этот раз, однако, в пределах добродушия,—он и тут стремится унизить меня: кольцо стоит не 6, а 15 тысяч франков, да, 15! Это подношение коммерческого клуба в Чикаго...

В сорок лет он оставил артистическую карьеру, поселился в Добрудже, вошел в местную жизнь, был избран городским головой в Мангалии, потом поставил себе более широкие политические задачи и примкнул к партии, отстаивающей права таланта и заслуг...

— Eh bien!—заканчивает неожиданно Симеоне:—est-ce que nous ferons la noce? (не будем ли кутить?)

— А ты неутомим, Симеоне, в твои 62 года...

— Знаете,—и тут Симеоне формулирует краткую философию жизни: вместо того, чтобы прожить 200—300 лет со всякими жалкими предосторожностями, он лучше проживет свои 100 лет, но по собственному вкусу.

Симеоне водит нас безрезультатно из одного кафе в другое: все уже оказывается заперто по распоряжению префекта—по случаю холеры.

— Вот вам политика нашего префекта!—с возмущением говорит Симеоне.—С этим человеком я никогда не мог работать.

Ничего не остается делать, приходится расставаться. Мы провожаем господина «президента» до самого дома.

* * *

Это ничего, что Симеоне глотал шпаги и носил стулья на носу. Симеоне—политический деятель, Симеоне—столп. Симеоне организовал такистам в Констанце газету. Симеоне—публицист. Он вертит пером почти так же свободно, как раньше дюжиной стульев.—«Здравый смысл и немножко остроумия»,—объясняет он со скромным достоинством...

В 1908 г., когда такисты, после крестьянского восстания, отделились от чистых консерваторов, здесь, в Констанце, был созван учредительный митинг новой партии, на котором выступал сам «Таке». Собрание имело большой, в своем роде, успех. И вот, по поводу констанцского выступления Таке Ионеску, Симеоне написал в своей газете передовую статью, которая начиналась так: «Я бывал в Париже, Лондоне, Копенгагене, Чикаго, Нью-Иорке, Риме и других центрах мира. Я слышал Мазини, Патти, Гладстона, я видел Франц-Иосифа, Гумберта и Феликса Фора; я стоял перед нью-иоркской статуей Свободы и перед башней Эйфеля,—но никто и ничто не произвели на меня такого впечатления, как Таке Ионеску».

Но Симеоне также и пламенный оратор. Во время последних парламентских выборов, в ноябре 1912 г., Симеоне произносил

в присутствии высокого гостя, одного из такистских лидеров, новоназначенного министра Бадареу, большую избирательную речь, в которой, между прочим, сказал: «Консерваторы-демократы давно уже имеют голову: это—Таке Ионеску. Но теперь у нас есть и тело, оно сейчас среди нас, это—Бадареу... Когда ко власти взлетел этот орел Молдавии,—продолжал Симеоне, указывая бриллиантом на гостя,—все говорили тревожно: быть беде, в государственной кассе образуется новая дыра. Но я не верил. Я не верил, господа! С гордостью могу сказать, что я один не верил. И что же? Три недели прошло со дня этого исторического назначения. Пусть же кто-нибудь теперь поднимется и скажет, что я был неправ!» Тут следовала пауза, означавшая торжествующий вызов всем недругам и скептикам в собрании и далеко за его пределами...

Чуден Симеоне и при тихой погоде, и в бурю. И главное, он в высокой степени национален, этот президент генерального совета, желающий стать префектом.

* * *

Замечательный румынский сатирик Караджали, умерший в прошлом году, сделал своей классической комедией «Oscrisoare pierduta» («Утерянное письмо») для политических нравов Румынии то, что Гоголь своим «Ревизором» сделал для нравов русской бюрократии. Общая и повальная беспринципность, многословная безыдейность, легкокрылое вероломство, игривая подкупность и не лишенный грации шантаж—вот составные части морально-политической атмосферы правящей Румынии, какою она выступает перед нами в «Утерянном письме». Нае Кацавенку, адвокат, редактор-издатель газеты «Рев Карпат», президент-основатель энциклопедико-кооперативного общества «Румынская экономическая заря», и Таке Фурфуриди, адвокат, член перманентного комитета, избирательного комитета, школьного комитета, земледельческого комитета и других комитетов и комиссий,—эти два плута, один покрупнее, другой помельче, Кречинский и Расплюев румынского парламентаризма, успели стать нарицательными именами в политическом обиходе. Все три правящие румынские

партии осенены духом Кацавенку и Фурфуриди. Но наиболее полного своего торжества эти политики достигли в партии такистов, людей без вчерашнего и завтрашнего дня, но со свежими аппетитами, требующими государственного признания. И что же? Сам Караджали, беспощадный сатирик морального «такизма», примкнул неожиданно к такистам, когда ему это понадобилось по житейским соображениям. Такова среда! Старый консервативный шеф Карп, отъявленный реакционер-романтик, но человек на свой лад честный, встретился после этого вскоре с Караджали, с которым он вел, некогда, совместную борьбу за права народного румынского языка в обществе «Юнимса». «И довелось же мне,—воскликнул Карп,—дожить до того, чтоб увидеть тебя, Караджали, в роли Кацавенку!» «Что ты, что ты,—ответил, не сморгнув глазом, Караджали,—это я-то Кацавенку? Ну, нет, шутишь! Кацавенку—этой мой уважаемый шеф—Таке Ионеску. А я всего только Фурфуриди»... Караджали не раз после того беззаботно пересказывал этот диалог, происходивший на перроне вокзала в Плоештах. И писатель каждый раз прибавлял при этом: «До сих пор я думал, что в Румынии есть еще один умный человек—Карп. Но оказывается, что и он берет всерьез политику»...

Симеоне национален. Но если перевести его с языка Кацавенку и Фурфуриди на язык международный, то можно будет сказать, что Симеоне представляет собою счастливое, гармоническое, в своем роде, сочетание Фигаро, Фальстафа и Тартарена, Тартарена прежде всего. Он не лишен остроумия, жовиален, поверхностен, но он и плутоват, он знает, где зимуют раки. Он небескорыстно ведь раскрывает превосходства Таке Ионеску над башней Эйфеля и американской статуей Свободы: у Симеоне осветительная контора, и он делает со своим земством какие-то осветительные дела, поэтому он и не любит, когда его спрашивают про лампы. В его доме помещается полицейское управление, и хоть Симеоне и на ножах с префектом, но за квартиру получает с полиции тройную плату. О, ему нельзя палец в рот класть, господину президенту генерального совета!

На фоне из политических шпагоглотателей и словесных эквилибристов, бывший цирковой гимнаст Симеоне Универсул, в ка-

честве руководящего провинциального политика, выступает со своим чикагским бриллиантом на безымянном пальце уже не как случайная, а как символическая фигура. После вечера, столь приятно проведенного в обществе «президента», румынские политические нравы и их художник Караджали стали мне сразу понятнее и ближе. «Quand je quittais mon proffessorat»,—говорю я про себя,—и приступаю к чтению передовицы, которую писал Фурфуриди. И в сердце своем я увожу благодарную память о Симеоне, вооружившем меня ключем к румынской политике.

12 июля 1922 г.

P. S. Симеоне Универсул с того времени помер. Мир его праху. Но коллективный Симеоне—официальные румынские политики—жив. Правда, умер и шеф партии, одним из столпов которой был Симеоне,—великий Таке Ионеску, глашатай принципов цивилизации и демократии, ненавистник советского варварства, французский лакей третьего разряда. Но основной тип правящей Румынии остается неизменным: различные румынские правящие партии являются только вариациями основного типа. В настоящее время Румынией правит не консервативно-демократический, а либеральный Симеоне Универсул. От этого дело нисколько не меняется.

«ГОЛЯМА ПОУКА» [1]).

17 октября 1913 года.

Г. Милюков начал в «Речи» серию статей на тему «Кто виноват»—в разгроме Болгарии. Печатание этих статей, в которых г. Милюков выступает, как объективный судья чужих ошибок, совпало с неистово-болгарофобскими статьями «Нового Времени», которое злобно-злорадно пишет теперь о вчерашних «братьях-болгарах», как о заслуженно-покаранных жертвах собственного шовинизма.

Уже один тот факт, что ритуалисты «Нового Времени» мечут запоздалые молнии в болгарский шовинизм, должен заставить каждого честного человека спросить себя: а не повинны ли сами приказчики газетного завода в Эртелевом переулке, вместе со своими хозяевами, в ритуально-дипломатическом употреблении болгарской крови? И нельзя ли найти уличающие кровяные пятна на стенах суворинских трущоб... Именно г. Милюкову, который в течение этого года непрерывно выступал поручителем за русскую дипломатию перед болгарами и за правящие болгарские сферы перед русским общественным мнением, именно г. Милюкову лучше было бы не брать на себя щекотливой, в его положении, роли объективного судьи болгарских ошибок. Более того. Мы думаем, что если в эпоху первой балканской войны непозволительно было рекламировать ее в качестве «освободительной», именно ввиду ее неизбежных последствий,—то теперь, когда эти страшные последствия налицо, долг русского политика—искать в первую голову виновников не на речонке Владае, а на другой, го-

---

[1]) По-болгарски: большой урок.

раздо более северной реке. Что же касается самих болгар, притом рядовых, не организаторов катастрофы, а ее жертв, они сейчас все, более или менее, единодушно отвечают на вопрос, кто виноват?

* * *

Экономическая жизнь не терпит перерыва. В Мангалию ежедневно приходят сотни повозок с хлебом на продажу из богатого хлебом квадрилатера. Новая болгаро-румынская граница, отрезавшая квадрилатер от Варны, направила поток торговых сношений в сторону Констанцы. С этим квадрилатерным потоком вся эпопея сумасшедшего года снова оживает перед моими глазами. Эти самые люди в сентябре прошлого года покинули свои дома и, в составе силистренской и преславской дивизий, совершили свой первый поход через Киркилиссе и Люлле-Бургас к Чаталдже. Оттуда их перебросили на сербскую границу, под Султан-тепе, и после новых боев вернули в Болгарию и отправили по домам. И вот они пришли и узнали, что дома их находятся уже в румынских пределах. Ненавидя и проклиная свое новое отечество, люди вынуждены нагружать возы хлебом и гнать коней на север, в Мангалию и Констанцу. Экономическая жизнь не терпит перерыва.

Мы сидим вечером в продымленной харчевне большой компанией: бывший народный учитель; секретарь, по-нашему писарь, деревенской общины, которого я знал еще в Болгарии; старый одноглазый гагауз из села Валалы, сухой, как жердь, с дрожащими рабочими пальцами; молодой гагауз, заика; зажиточный молодой болгарский крестьянин, окончивший 4 класса гимназии; машинист-«тесняк», т.-е. член социалистической фракции тесных, из Балчика, и еще два—три человека без речей. Гагаузы, нужно в пояснение сказать,—таинственного происхождения племя; их 26 деревень в Варненском округе, говорят преимущественно на турецком языке, принадлежат к болгарской церкви, но тяготеют к греческой. Почти симметрическим дополнением к ним являются помаки, чистые болгары, говорящие на болгарском языке, но исповедующие религию Магомета и тянущие к Турции.

У меня в руках только что полученное от болгарского солдата письмо еще от 22 июля, шедшее кружным путем через Вену и Бухарест. Мой друг Иван Малказанов, сладкарник (кондитер) по профессии, рядовой 61-го полка, 9-й роты, 2-го взвода, дважды раненый и дважды из лазарета возвращавшийся в действующую армию, пишет непосредственно с сербской боевой линии после заключения перемирия: «Нашиятъ народ е изморенъ, глупави политикани го хвърлиха (ввергли его) в пропастьта... От преживените моменти поука е голяма». И тут же, однако, прибавляет: «Ние не сме победени; напротив, ако Ромъния не беше се намесила,—победата беше наша»[1]). И эти же две мысли проходят через всю нашу беседу. А над ними выдвигается скоро нечто третье: ожесточение против России.

— Куроцапы!—говорит народный учитель с ненавистью о румынах.—Международные куроцапы, это они погубили нас. Разве Сербия нас победила? Какой вздор! Греки—их было вчетверо больше, чем нас,—действительно выиграли сражение, но сербы решительно ничего не достигли. И если они вместе с греками заграбили болгарскую Македонию, так только потому, что на нас из-за спины накинулись румыны.

— И верно—куроцапы,—говорит молодой гагауз,—к нам в деревню Спасово назначили шесть румынских жандармов: так они уж почти всех кур переели.

Ненависть к румынам—теперь господствующая страсть в Болгарии, особенно в северо-восточной. Среди зверств и безумий войны остается в сражающемся народе какое-то свое, хотя и изуродованное, мерило справедливости: с турками, сербами, греками была война,—против них было ожесточение; а Румыния, втравливавшая в войну других, сама выжидала, примеривалась, а потом, в минуту полного истощения Болгарии, выползла, как жирный клоп, и стала сосать... Это породило ненависть пополам с презрением,—и чувства эти дадут себя еще знать...

— У нас у всех в глазах темнело, когда мы проходили по тем местам, где ступала нога румынской армии. Около 5.000 наших

[1]) «Мы не побеждены; напротив, если бы Румыния не вмешалась,—победа была за нами».

резервистов, безоружных, проезжало перед Плевной через маленькую станцию, занятую румынами. С крыш передних вагонов наши солдаты подняли крик. Румынские офицеры, в своем глупом самодовольстве, приняли этот крик ненависти за привет, и стали с перрона делать этак ручкой, очень грациозно,—румыны на этот счет мастера,—не нам, болгарам, чета... Что тут поднялось, если бы вы видели!—Безумие охватило наших солдат, вой пошел по всем вагонам: «Вон, вон, тут вам нет мамалыги!»—загремели кулаками по вагонным крышам, ревут, свистят, выкрикивают румынские ругательства, кто какое знает, потом стали швырять в окна и с крыш, чем попало: картошками, грязными портянками, арбузными корками. Счастье, что поезд, не останавливаясь, проехал дальше, иначе не миновать бы беды...

— Да вот вам свежий пример,—вставляет свое слово машинист.—В Рущук приехал ваш один, русский, потемкинец Родин, хороший человек, я его знаю, с женой-румынкой и с ребенком, его из Румынии изгнали. И что же вы думаете? Толпа в Рущуке, услышав румынскую речь, погналась за ними с палками и ножами, так что им пришлось искать приюта в полиции.

— Кто виноват в наших несчастьях?—говорит писарь.—Да кто же, ясное дело, кто виноват: Данев и Фердинанд, они сами в петлю лезли, мамалыжники только эту петлю затянули.

— А вы к какой партии принадлежите?—спрашивает писаря учитель.

— К младо-либеральной,—как бы извиняясь, отвечает тот.

— А, тончевист!..—протянул тесняк и пренебрежительно махнул рукой.

— А что?—оживился младо-либерал.—Говорите, что хотите, но мы по крайней мере русской политики не делали, мы не смотрели в рот петербургской дипломатии, уж в этом Тончева обвинить нельзя. Нам удружила Россия, теперь это ясно даже для младенцев. Когда мы еще только починали войну с Турцией, Россия подговаривала Сербию предать нас. Россия не хотела затем, чтобы мы брали Адрианополь, потому что он ей еще может понадобиться, как прикрытие для Константинополя. Когда мы все же взяли Одрин и с тяжелыми орудиями подошли к Чаталдже, Рос-

сия угрозами заставила нас остановиться, обещая обеспечить за нами Македонию. А в то же время Россия всячески поощряла Румынию, Россия помешала нам дать должный отпор сербскому захвату, с согласия России турки вернули себе то, что мы у них однажды отвоевали. Конечно, на нас из-за спины напала Румыния, это верно, но в конце концов Румыния была только орудием в руках России.

Все на минуту замолчали, с вопросом глядя на меня. Молчал и я.

— Мы проделали сербскую кампанию,—начал учитель, обращаясь уже прямо ко мне,—с ее бессмысленными жертвами, позором, унижением, и мы все вернулись домой в уверенности, что виновницей этого страшного испытания явилась русская дипломатия. Она хотела нашего унижения, как наказания за нашу «непокорность», за то, что мы смели преследовать свои цели, а не цели русской дипломатии. Когда мы заняли высоты Китки под Султан-тепе, а это очень важная позиция, последовало неожиданное приказание: отступать! Как? Почему? Что такое? Оказывается, политические мотивы. Данев метался туда и сюда, сбивал других с толку, но в конце концов пытался выполнить то, что ему предписывали из Петербурга, т.-е. отступить. Но тут уже солдаты не подчинились команде. Мы прямо отказались очищать Китку и предложили офицерам убираться, куда хотят. Это сопротивление продолжалось три дня. Вдруг генеральный штаб сообщает, что румыны идут на Софию и что нужно выступать против них; на самом деле, о сопротивлении румынам на верху и не помышляли, а только хотели заставить нас выполнить приказ. Мы, действительно, покинули позиции. Но тут на верхах опять перемена: поняли, что русские дипломаты нас все равно не поддержат, и отдали приказание снова брать Китку. Вы не можете себе представить, что тогда наступило в армии! Там, где-то, в петербургских дипломатических канцеляриях, кто-то играет с Даневым в жмурки, Данев тягается с Савовым, а мы по трупам берем позиции, взявши, без смысла покидаем, а потом снова должны брать. Солдаты сговорились вперед не итти, но и сербов дальше не пускать, просто оставаться на местах. И, действительно: в течение пяти

дней мы успешно отбивали попытки сербов прорвать наш фронт,— в результате этого и у сербских солдат, и у нас создалось одно и то же настроение: не к чему воевать, незачем итти вперед, нужно кончать. Целые роты с обеих сторон стали добровольно сдаваться в плен. По нашей линии, Султан-тепе—Гюшево, солдаты совершенно вышли из повиновения. От дисциплины не осталось и следа. Офицеры пуще всего старались не показываться нам на глаза. Болгарские и сербские солдаты все больше сближаются между собою, решают не предпринимать никаких действий друг против друга и выбирают даже смешанные комиссии для определения пограничной черты и улаживания недоразумений. Таким образом, начиная с 8-го июля, у нас уж фактически установилось перемирие на этом фронте, задолго до объявления официального перемирия... Скоро ли мы выровняемся после всех ударов, не знаю, только вере в Россию—конец. Будет с нас и так. Голяма поука!

— Теперь вот,—раздумчиво сказал учитель,—мы снова возвращаемся к обычному: будем пахать землю, вывозить пшеницу на рынок, учить ребят грамоте (если господа румыны дозволят болгарскую грамоту), будем тачать сапоги... Но знаете, не хватило бы духу вернуться ко всему этому будничному, если б не мысль об отмщении победителям. Нет ни одного болгарина, который мирился бы с тем, что произошло. Все, все мы думаем о мести...

— Все-то, все,—перебил учителя машинист,—только на разный лад. Наши горе-правители хотят только собраться с силами, чтобы снова заняться сведением кровавых счетов с соседями, а мы думаем, что надо сводить счет со внутренними виновниками наших бедствий и заводить общими силами новые порядки на Балканах.

НЫНЕШНЯЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ РУМЫНИЯ.

(Письмо Х. Г. Раковского.)

Дорогой друг!

Посылаю тебе требуемые дополнительные сведения к истории румынских политических партий, закончившейся в твоем описании 1913 годом. За недостатком времени, я ограничусь только очень беглыми данными и предоставляю тебе использовать те из них, которые окажутся более интересными для русского читателя.

С братским коммунистическим приветом Х. Раковский.

Харьков, 24 июня 1922 г.

Новые политические партии в Румынии.

В 1913 году в Румынии существовали, как тебе известно, три политические группировки: консерваторы, с их различными оттенками, национал-либералы и социал-демократы. Сравнивая номенклатуру тогдашних политических партий с номенклатурой в так называемой «Великой Румынии», созданной после войны, можно установить, что последняя номенклатура сильно обогатилась. Национал-либеральная партия продолжает существовать, консервативная окончательно раскололась на две воюющие между собой партии: одна из них называет себя демократической, с Таке Ионеску во главе, другая—консервативно-прогрес-

Х. Г. РАКОВСКИЙ.

сивная во главе с Маргиломаном [1]). Правда, что партия Таке Ионеску существовала еще до империалистической войны, но в начале войны была попытка объединения консерваторов, закончившаяся новым расколом в группе Карп-Маргиломана, из которой выделились франкофилы и объединились с Таке Ионеску. С Карп-Маргиломаном остались только германофилы. Социал-демократическая партия после войны раскололась на правую, центристскую и социалистическо-коммунистическую. Последняя входит в Коммунистический Интернационал.

Кроме этих старых и осколков старых «исторических партий», в теперешней Румынии имеется ряд новых партий. К таким относится народная партия (Parti dul Poporului), вождем которой является генерал Авереску, крестьянская партия (Parti dul tzeranist), вождями которой являются Михалаки, доктор Лупу и профессор Стере, и, наконец, националистическая партия или группа, вождем которой является профессор Иорга. Эти партии образовались в пределах старого королевства. В присоединенных провинциях—Трансильвания, Буковина, Банат—имеются свои партии, существовавшие еще при австро-венгерском режиме и не вошедшие в ту или иную румынскую партию, кроме социал-демократов, распределившихся среди трех социалистических партий Румынии. Из этих областных партий самой влиятельной и многочисленной является трансильванская национальная партия, представляющая крестьянство и мелкую городскую буржуазию, из которых состоял румынский элемент в Венгрии, и игравшая в будапештском парламенте значительную политическую роль.

Следует сказать здесь о политических группировках в Бессарабии. Кроме румынских партий, которые распространили на эту область свою деятельность, в Бессарабии имеются свои партии или, правильнее, имеется одна, претендующая быть чисто бессарабской партиею: бессарабская крестьянская пар-

---

[1]) Недавняя смерть Таке Ионеску означает и конец его группы. Его сторонники вливаются в другие партии.

тия, часть которой идет с либералами, а другая часть идет совместно с румынской крестьянской партией.

Как видно из этого перечня, политические партии теперешней Румынии делятся не только по классовому и политическому признаку, но еще и по областному.

Социальный состав румынских политических партий.

В основе теперешних румынских политических партий мы находим те же социальные разделения, которые существовали и в старых партиях. Консерваторы с их оттенками представляют крупных земельных собственников, главным образом, помещиков боярского происхождения — румынскую земельную аристократию. К национал-либералам принадлежат помещики более позднего происхождения, так называемые чокои: бывшие ростовщики, купцы, спекулянты, чиновники, захватившие государственные и крестьянские земли или закупившие таковые у разорявшихся бояр. Однако, силу румынской национал-либеральной партии, как и до войны, составляет крупная промышленная и финансовая буржуазия. Деревенские ростовщики, кулачество, мелкая городская буржуазия и крестьянство распределяются между Народной партией генерала Авереску,—с одной стороны, и Крестьянской партией —с другой. Чиновники и кандидаты в чиновники—почти вся румынская интеллигенция—разбросаны между всеми партиями, а учительский элемент, в частности, входит в партию проф. Иорга. Рабочий класс принадлежит, главным образом, к коммунистической партии, в особенности в старой Румынии и в Бессарабии.

О политических программах.

Оставляя в стороне коммунистов и социал-демократов, начну с румынской крестьянской партии, которая заслуживает особого упоминания. Идеологом этой партии является проф. Сте-

ре. Проф. Стере, как тебе известно, бывший народоволец, бессарабский уроженец, возвратясь в Румынию из ссылки в Сибирь, стал сначала в ряды румынских социал-демократов, потом вместе с другими румынскими ренегатами перешел в национал-либеральную партию, от которой он откололся во время войны, будучи сторонником германской ориентации. После войны проф. Стере с доктором Лупу, проф. Павлом Бужор и сельским учителем Михалаки, которые также принадлежали раньше к либеральной партии, образовали Крестьянскую партию. По своей программе Крестьянская партия напоминает русских народников и болгарские земледельческие партии. Для нее характерен известный политический радикализм, соединенный с социальным консерватизмом и выражающийся, главным образом, в борьбе против капитализма, как разрушителя мелкого крестьянского хозяйства. Крестьянская партия является партией монархической.

Русская революция и политическая борьба в Румынии.

Решающее влияние на историю политической жизни в Румынии оказала русская революция, заставившая румынские господствующие классы провести в конце 1917 года всеобщее избирательное право и принудительное отчуждение около 50% помещичьих земель в старой Румынии.

Вопрос об избирательной и аграрной реформах в Румынии был поставлен ребром повсеместно крестьянским восстанием в 1907 году. Румынские помещики вынуждены были в предотвращение нового восстания искать «расширения» социальных основ своих партий. С 1907 по 1917 год—до русской революции—румынский парламент занимался выработкой всяких аграрных и избирательных реформ, весь смысл которых сводился к тому, чтобы как можно лучше обмануть крестьян и рабочих. Проведение реформ все откладывалось. Во время Балканской войны в 1913 году, а в особенности в подготовительный период перед вступле-

нием Румынии в большую империалистскую войну (как тебе известно, Румыния вступила в войну в августе 1916 года), румынские бояре и капиталисты в своей националистской агитации выдвигали аграрную и избирательную реформу, как своего рода премию румынским крестьянам за их участие в будущей войне. Хотя еще во время войны 1913 года Румыния получила значительный кусок болгарской территории, однако, крестьянам никаких реформ не было дано. Румынские бояре могли оправдывать себя тем, что для получения болгарской Добруджи им не пришлось пожертвовать ни одним солдатом. Но кончилась война 1916 года. Румынские крестьяне оставили на полях сражений или в руках центральных государств свыше 180 тысяч убитых и пленных (стратегически румынское вмешательство нужно считать законченным уже в конце 1916 года, когда на выручку Румынии пришлось послать три русские армии), тем не менее крестьяне, кроме обещаний, ничего не получали. При открытии румынского парламента в декабре 1916 года в Яссах, король Фердинанд в своей тронной речи заявил, что в такое тревожное время, когда все помыслы страны должны быть направлены к обороне, нет времени заниматься реформами, для коих наступит время лишь после окончания войны. Однако, совершенно неожиданно для румынской военной партии, которая устами Таке Ионеску пророчествовала, что война должна закончиться «водопадом германских королевских престолов»,—«водопад» начался как раз с царского престола Николая II, на крепости которого румынская военная партия и, в частности, румынская королевская династия строили все свое политическое и семейное благополучие [1]). Русская революция была зловещим признаком и для румынских бояр. Не без большой внутренней борьбы, как об этом свидетельствуют доклады послов Временного Правительства—Мосолова и Поклевского, румынские помещики, для предотвращения волнений среди румынской армии, должны были провести закон о всеобщем избирательном праве и о частичной при-

[1]) Во время своего приезда в Петроград вместе с румынским престолонаследником в январе 1917 года, Братиану вел переговоры о бракосочетании престолонаследника Карла со старшей царской дочерью Татьяной.

нудительной экспроприации крупных имений в пользу крестьян. Это и открыло брешь в политической системе Румынии, где до того момента безгранично господствовали над семимиллионным народом 30 тысяч избирателей. Еще до новых выборов, которые могли иметь место только после ухода немцев, занимавших две трети Румынии, образовались новые партии: Народная партия генерала Авереску и Крестьянская партия, называвшаяся в ясский период «партией трудовой». Авереску был одним из редких боевых генералов, пользовавшихся популярностью среди солдат во время войны. На него кроме того легла задача прекращения войны и начала переговоров о заключении мира с немцами, который и был окончательно подписан правительством Маргиломана.

Когда после разгрома Германии у власти очутилась снова партия национал-либералов, ненависть масс к старым партиям и, в частности, к либералам, несмотря на то, что последняя приписывала себе неожиданное для самой Румынии увеличение ее территории в $2^1/_2$ раза, не знала пределов. Под напором масс правительство Братиану, а также и следующее за ним правительство генерала Вайтояну, являвшегося лишь подставным лицом Братиану, должны были уступить власть коалиционному министерству, составленному из трансильванских националистов, румынских националистов партии Иорга и румынской Крестьянской партии. Во главе этого министерства стал трансильванец Вайдо Воевода, бывший депутат в венгерском парламенте. Председателем палаты депутатов был выбран проф. Иорга. Посты министра внутренних дел, министра земледелия и председателя сената заняли вожди Крестьянской партии: доктор Лупу, сельский учитель Михалаки и университетский профессор Павел Бужор. Несмотря на то, что выборы в 1919 году происходили при либералах, именно при правительстве генерала Вайтояна, либералы получили ничтожное меньшинство голосов. В период существования коалиционного правительства Вайда Воеводы и Лупу—Михалаки, бывшего у власти последние месяцы 1919 года и первые три месяца 1920 года, румынская «демократия» пережила свой кульминационный пункт. Национал-либералы, действовавшие

через дворцовую камарилью, вызвали конфликт между королем и правительством, выразившийся в отказе короля дать свое согласие на внесение в парламент законопроекта о введении аграрной реформы, составленного Михалаки. Как всякое трусливое мелко-буржуазное правительство, боящееся революции, правительство Вайда Воеводы—Михалаки сдало позиции перед королем и ушло в отставку, хотя располагало большинством в парламенте.

Во главе нового кабинета очутился генерал Авереску, при котором произошли новые выборы в мае 1920 года.

Я уже заметил выше, что генерал Авереску пользовался известной популярностью, в особенности среди демобилизованных солдат. Вокруг него объединились также все перебежчики из остальных партий: либералы, маргиломанисты, такисты, предчувствующие, что в ближайшее время старым историческим партиям не суждено быть у власти, и что для старого вина нужно искать новые мехи. К генералу Авереску присоединилась и группа Таке Ионеску целиком. К нему присоединилась и одна отколовшаяся группа трансильванской национальной партии. Генерал Авереску, наконец, пользовался поддержкой части дворцовой камарильи. Для того, чтобы добыть власть, Авереску не стеснялся угрожать королю низложением и делал предложения тогдашней румынской социал-демократической партии о совместном революционном выступлении. Все прошлое генерала Авереску рисовало его в роли честолюбивого демагога. Это был своего рода румынский генерал Буланже, популярность которого могла сыграть только на руку реакции. Историческая роль министерства генерала Авереску, просуществовавшего с апреля 1920 года до ноября 1921 года, сводилась именно к тому, чтобы разгромить быстро выраставшее рабочее движение и, в частности, Коммунистическую партию и чтобы подтасовать аграрную реформу, которую, под влиянием русской революции, либеральный парламент вынужден был голосовать в принципе. Генерал Авереску сам назвал свое правительство «последним резервом румынской буржуазии». Либералы, против которых он вел борьбу и для устранения которых от власти предлагал

революционное выступление совместно с социал-демократами, видя в правительстве генерала Авереску лишь средство для прокладывания себе вновь дороги к власти, изо всех сил стали поддерживать перед дворцовой камарильей комбинацию правительства Авереску.

Выборы, имевшие место в мае 1920 года, дали значительный перевес партии Авереску, что объясняется не только одним административным давлением, к которому прибегает при выборах всякое румынское правительство, но еще и бесшабашной демагогией, к которой румынский Буланже прибегал для привлечения на свою сторону рабочих и крестьян. Новые выборы явились чрезвычайно показательными и в других отношениях. Крестьянская партия, а также и трансильванские националисты получили очень внушительное количество мандатов. Социалисты всех оттенков получили 20 депутатских мест, из которых 12 в старой Румынии и Добрудже и 8—в присоединенных областях, тогда как либералы, т.-е. партия, располагавшая самыми крупными финансовыми средствами, получила во всей стране только 8 депутатских мандатов [1]). Что касается консервативно-прогрессивной партии Маргиломана, она не успела провести ни одного своего кандидата. Выбранные же сторонники Таке Ионеску, около 12 чел., прошли только потому, что фигурировали в правительственных списках. Генерал Авереску выполнил свою историческую роль. После того, как мерами, о которых будет сказано ниже, он разгромил профессиональные союзы и Коммунистическую партию и провел подтасованную аграрную реформу, король отпустил его на все четыре стороны. Был назначен новый кабинет—Таке Ионеску.

После двухмесячного пребывания у власти, правительство Таке Ионеску передало власть самой реакционной и самой ненавистной рабочим и крестьянам партии Румынии—партии национал-либералов. Учитывая заранее всю свою непопулярность, национал-либералы стали лихорадочно готовиться к выборам,

---

[1]) Впоследствии, когда произошел раскол в социалистической партии, 12 депутатов составили комфракцию.

т.-е. к полнейшей их фальсификации и к проведению своих кандидатов путем полицейского террора. В этом отношении либералы превзошли самих себя. Эта кучка циничных политиканов, развращенная неограниченной властью, которой она пользовалась свыше 40 лет, пустила в ход все, чтобы обеспечить за собой большинство [1]). Достаточно сказать, что, в знак протеста против насилий при выборах, Крестьянская и Национальная партии, которым все-таки удалось собрать с Трансильвании, старой Румынии и Бессарабии около 60 мандатов, объявили бойкот парламенту. К ним присоединились те три сторонника генерала Авереску, которых он с большим трудом успел провести на выборах. Коммунистическая партия, все ответственные работники которой находились в тюрьмах, принимала участие в выборах чрезвычайно слабо. Из социал-демократических кандидатов был выбран только один—в Буковине. Либералы обеспечили себе таким образом власть, однако, на непродолжительный период, ибо они сами отдают себе отчет в затруднениях, которые их ожидают. Созвали парламент всего на две недели и распустили его на каникулы до осени. Управлять страной при бойкоте оппозиции, при возрастающем снова рабочем движении будет трудно; и в особенности трудно действовать через парламент, который либералы хотели, в нарушение румынской конституции, превратить в Учредительное Собрание.

Либералы ставят себе задачу «консолидации великой Румынии». Во-первых, они хотят провести в конституционном порядке упразднение местной автономии новых областей, которой они пользовались широко при старой австро-венгерской власти. Во-вторых, либералы хотят включить в конституцию избирательную и аграрную реформы, при чем уже теперь ясно проглядывает их намерение сузить всеобщую избирательную систему, а также увеличить выкуп за экспроприированные помещичьи земли. Наконец, более чем вероятно, что либералы постараются внести

---

[1]) В период в 55 лет, начиная с 1866 года, либералы находились у власти $^3/_4$ этого времени. Например, одно из министерств старого Братиану, отца нынешнего, находилось у власти с 1876 по 1888 г.г.

в конституцию целый ряд ограничений свободы слова, собраний, печати, а также и ограничение права ассоциаций и коалиций. Хотя либералы пользуются полной поддержкой короля, неизвестно, удастся ли им осуществить свой план. Все оппозиционные группировки оспаривают законность теперешнего парламента не только по тем мотивам, что выборы происходили при невероятных насилиях, но еще и потому, что нарушен порядок созыва Учредительного Собрания. Последнее может быть созвано только после того, как обыкновенный парламент наметит те статьи конституции, которые должны подвергнуться пересмотру. Но этого прошлый парламент не сделал. Таким образом теперешний парламент не может иметь характера Учредительного Собрания.

Либералы рассчитывают внести раскол в среду оппозиции. Еще до прихода к власти они вели переговоры с Трансильванской Национальной партией о составлении коалиционного правительства. Вероятно, они и теперь попытаются привлечь эту партию на свою сторону, но печать уверяет, что это им не удастся, так как трансильванцы отстаивают свою автономию. Кроме того, вожди Трансильванской Национальной партии боятся, что если они пойдут на соглашение с либералами, чтобы получить несколько министерских портфелей, усилится влияние Трансильванской Крестьянской партии, которая во время выборов при правительстве Авереску успела тоже приобрести несколько мандатов и является опасным конкурентом среди крестьянских масс для самой Национальной партии.

В борьбе с парламентской оппозицией, в борьбе с внутренними и внешними трудностями—политического и экономического характера—правительство либералов неминуемо износится. О международных трудностях буду говорить ниже. Сначала коснусь трудностей внутренних. Они заключаются, во-первых, в том, что, как я уже отметил, рабочее движение снова начинает возрождаться, несмотря на реакционное законодательство правительства Авереску, которое лишило права ассоциаций и забастовок государственных рабочих и служащих, а на остальные профессиональные объединения наложило полицейский контроль. Против Коммунистической партии правительство Аве-

реску устроило чудовищный процесс, по которому привлекло к обвинению свыше 300 ответственных работников. Что рабочее движение начинает снова возрождаться, об этом свидетельствуют последние забастовки в Трансильвании и в Румынии.

Второе внутреннее препятствие заключается в том, что крестьяне начинают отдавать себе отчет в том, что аграрная реформа была обманом: большинство из них еще не получили обещанной земли. С другой стороны, в Румынии—острый валютный кризис. Хотя либералы уверяли, что при их власти падению румынского лея будет положен конец,—оно продолжается. В течение года румынский лей упал с 30 до $7^3/_4$ сантимов. В момент прихода к власти либералов он стоил 11 сантимов, теперь—ниже болгарского лева[1]). Румынии грозит финансовый крах. Причины этого—двойного характера. с одной стороны большое понижение румынского вывоза, с другой—борьба между румынским капитализмом и капитализмом союзных стран.

До войны старая Румыния вывозила свыше 200 тысяч вагонов хлеба за границу. Великая Румыния, к которой присоединилась территория, в $2^1/_2$ раза бо̀льшая старой Румынии, и в том чи сле Бессарабия, дававшая раньше, по некоторым сведениям, одну десятую русского вывоза, не в состоянии выполнить даже та кого договора, как доставка 20.000 вагонов пшеницы во Францию и 6.000 вагонов пшеницы в Швейцарию. Исполнение этого обязательства перешло с прошлого года на настоящий 1922 год. Война и аграрная реформа внесли полную пертурбацию в хозяйство Румынии [2]).

Английские и французские капиталисты, содействовавшие Румынии стать «великой державой», желают взять в свою эксплоатацию часть румынских богатств, а в особенности румынские нефтяные источники. С этой целью на международной бирже ведется игра на систематическое понижение стоимости ру-

---

[1]) Румынский лей и болгарский лев равнялись довоенному французскому франку. В Болгарии и Румынии существует метрическая система.

[2]) Все крупное земледелие в Румынии было основано на подневольном крестьянском труде. Получившие кое-сколько земли крестьяне отказываются работать у помещиков.

мынского лея. Французский, английский, американский капиталы используют все международные и внутренние трудности Румынии, чтобы добиться своего.

Третья трудность—непреодолимое стремление присоединенных к Румынии областей к автономии. К этому нужно прибавить, наконец, продажность и грабительские инстинкты всей той своры депутатов, сенаторов, чиновников, которые на свое участие в либеральной партии смотрят не более, как на средство наживы. Отсюда и тот произвол и притеснения, против которых вопит вся страна—и больше всех присоединенные области. Когда приходит какая-нибудь новая партия к власти в Румынии, обыкновенно одна треть столпов предшествовавшей правительственной партии попадает на скамью подсудимых за уголовщину. Этот факт свидетельствует об обычном процессе разложения, охватывавшем всякую партию, очутившуюся у власти в Румынии.

Рабочее движение в Румынии после 1913 года.

На истории рабочего движения в Румынии после 1913 года я думаю больше остановиться, не забывая, однако, что мое настоящее письмо имеет характер справки, а не систематического изложения.

История рабочего движения за это время естественно разделяется на три периода: до вступления Румынии в войну, во время войны и после войны.

Едва Социалистическая партия закончила свою кампанию против Балканской войны и в частности против участия в ней Румынии, как перед ней появилась новая, еще гораздо более трудная задача: борьба внутри страны против румынского империализма и вне ее—против предательства большинства социал-демократических партий. Тактически первая задача была для нас сравнительно легкой. Румынская социалистическая партия ни на одну минуту не сомневалась в том, что ее обязанность—помешать всеми средствами вступлению Румынии в войну и воспрепятствовать тому, чтобы румынский пролстариат и румын-

ское сознательное крестьянство не пошло на поводу у националистической клики. Нам не оставалось ничего другого, как еще с бо́льшим упорством и энергией проводить то, что мы делали в 1912—1913 годах и во время первой и второй Балканских войн.

Что касается второй задачи—борьба с ренегатством в международном масштабе,—то здесь румынская социалистическая партия пережила известный период растерянности. Факт голосования со стороны социал-демократов кредитов в германском парламенте явился столь неожиданным, был в таком противоречии с постановлениями международных съездов и в частности с постановлениями съездов Штутгартского и Базельского, что мы склонны были видеть в этом какой-нибудь сложный тактический прием. Мы старались искать оправдания действий французских и германских социал-демократов. Лишь несколько недель после объявления войны мы впервые узнали, что единство в германской партии по вопросу о кредитах было только внешним, и что на заседаниях фракции со стороны Либкнехта и некоторых других товарищей это поведение нашло самое энергичное осуждение. Скоро после этого к нам прибыли кружным путем первые номера газет—русские левые социал-демократические издания, в частности «Голос», изменивший после первого закрытия свое название на «Наше Слово». Без малейшего колебания мы присоединились к той группе русских товарищей, которые в это время на Западе одни, находясь в осажденной крепости, продолжали высоко держать знамя пролетарского интернационализма. Румынские товарищи приняли участие в кампании по созыву международной конференции, которую удалось, наконец, созвать в Циммервальде. Все перипетии этих переговоров тебе известны из тогдашней нашей переписки, и я считаю излишним здесь на этом останавливаться, так же как и на близком участии, которое приняли румынские товарищи в борьбе «Нашего Слова».

В июне, еще до Циммервальдской конференции, имело место в Бухаресте совещание с болгарскими товарищами-тесняками для созыва Балканской конференции против войны, которая и собралась в июле 1916 г. опять-таки в Бухаресте. Из этой конференции были исключены болгарские оппортунисты, так называе-

мые «широкие»: сербские товарищи вследствие войны не могли принять непосредственного участия в работе конференции, но они телеграммой выразили свою солидарность с резолюциями конференции. На Бухарестской балканской конференции, кроме болгарских тесняков, присутствовали еще и делегаты греческой социал-демократической партии, ставшие на нашу точку зрения. В Бухаресте было положено начало Балканской революционной рабочей социал-демократической федерации, ставившей своей задачей борьбу с империализмом и борьбу с социал-патриотами. Наше участие в этой последней борьбе выразилось еще в издании написанной мною по французски и известной тебе полемической брошюры («Социализм и война»), направленной против французских социал-патриотов и потом переизданной во Франции Комитетом восстановления международных сношений. И до и после Циммервальдской конференции, несмотря на всю кампанию лжи и клеветы, румынский рабочий класс выполнил свой долг в бесчисленных митингах и демонстрациях, одна из которых, имевшая место в Галаце, окончилась расстрелами. Я предпочитаю здесь привести официальный русский документ, подписанный царским консулом в Галаце, Картамышевым:

Секретная телеграмма генерального консула в Галаце 13-го июня 1916 г. № 23. Сегодня, в понедельник утром, большая толпа рабочих-синдикалистов, мужчин и женщин, с красными флагами шла по Портовой улице, с целью сделать враждебную манифестацию против городского управления, мало заботящегося о прокормлении пролетариата. У турецкого агентства толпа была остановлена войсками. Манифестанты стали бросать в солдат камнями и палками. Рота солдат сделала несколько залпов. По моим сведениям, было 5 убитых, 3 тяжело раненых и 20 легко. Толпа разбежалась. По городу ходят патрули.

Естественным дополнением этой телеграммы является следующая телеграмма русского бухарестского посла Поклевского от 17-го июня 1916 г. за № 402.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 391. Вследствие инцидента в Галаце румынское правительство уволило от должности местного префекта Гусси, переместило прокурора тамошнего суда и решило предать суду Раковского и главных зачинщиков манифестации—синдикалистов. Последние устроили в Бухаресте вчера и сегодня довольно многолюдные собрания с целью протеста против кровопролития в Галаце и против войны вообще. Правительство

не воспрещало этих собраний и указало даже улицы, по которым могут пройти манифестанты, но предупредило вместе с тем, что все попытки манифестаций вне указанных пределов будут встречены вооруженной силой.

Я не буду касаться здесь вопроса о точности фактов, сильно искаженных в русских телеграммах. Укажу только, что цель демонстрации в Галаце был протест против войны. Также число убитых было не 5, а 8. Арестовано было около 12 товарищей, в том числе и я. Однако всеобщая забастовка, которая началась в день бухарестской демонстрации, заставила либеральное правительство освободить арестованных. Оно, очевидно, не желало усиливать возбуждение среди рабочих, так как румынское правительство готовилось уже к объявлению войны, каковое и имело место 16-го августа. В самый день объявления войны в Бухаресте происходил грандиозный митинг, но собиравшаяся после митинга демонстрация была разогнана полицией и кавалерией.

С объявлением войны и военного положения партийная работа была затруднена. Около 2-х недель мы еще старались выпускать партийную газету, но ее конфисковала цензура и, наконец, закрыла. После этого я был арестован, а потом подвергся аресту и ряд других товарищей, между прочим, 5 секретарей профсоюзов, подавших письменный протест против моего ареста. Арестованные товарищи оставались в Бухаресте до прихода немцев, а меня румынское правительство поволокло за собой, как «важного государственного преступника», и посадило сначала в Васлуйскую уголовную тюрьму, потом перевело в Яссы. Здесь в день 1-го мая 1917 г., как это уже тебе известно, я был освобожден из тюрьмы российским гарнизоном, находившимся в Яссах, о чем тогдашний русский посол в Яссах, Мосолов, телеграфировал в ставку 2-го мая за № 523 следующее:

Вчера 1-го мая нового стиля состоялся с ведома румынских властей большой митинг ясского русского гарнизона в пригороде Сокола. Затем манифестанты, при соблюдении полного порядка, двинулись по улицам города с красными флагами и щитами с надписями на русском и румынском языках и с музыкой. Шедшие войска столпились на площади, куда привезли на автомобиле только что освобожденного нашими солдатами из-под ареста румынского социалиста Раковского... С площади солдаты увезли Раковского в

направлении к Унгенам. Говорившие со мной по поводу этого инцидента министры не формулировали жалобы, но были видимо очень удручены происшедшим, обвиняя при этом свои полицейские власти в неисполнении приказания Совета Министров об увозе Раковского из Ясс до манифестации 1-го мая.

Одновременно со мною уехал из Ясс и товарищ Михаил Бужор, который скрывался от суда, потому что, будучи в офицерской форме, произнес на похоронах погибшего во время войны члена исполнительного комитета румынской партии т. Оттой обличительную речь, направленную против румынского милитаризма. В эти дни румынское правительство дрожало за свое существование. Его выручили союзники и военный министр Гучков. Последний, между прочим, осудил поступок русского гарнизона в Яссах по отношению ко мне и заставил солдатский и офицерский исполнительные комитеты чуть ли не извиняться перед правительством.

Дальнейшие гонения румынского правительства и союзных послов против группы румынских социалистов, очутившихся на территории России, продолжались при помощи Керенского, который послал несколько телеграмм и издал несколько приказов о принятии мер против Бужора и меня, о чем свидетельствует переписка со ставкой и с генералом Щербачевым, командовавшим румынским фронтом; эту переписку я напечатал в январе 1918 г. в «Правде». Там же я поместил ряд документов, относящихся к политике Румынии до и после ее вступления в войну.

Во избежание ареста, о котором я был предупрежден Семеновым (теперь—обвиняемый по процессу эсэров), прибывшим из ставки, я должен был скрываться в Сестрорецком заводе у т.т. Воскова и Сорина, а потом в Кронштадте, в местной большевистской организации.

Оставшаяся в Одессе группа румынских товарищей с Бужором во главе продолжала издавать румынскую газету «Лупта» («Борьба»). После Октябрьской революции румынская группа организовала румынские революционные баталионы, принявшие участие в борьбе с румынскими войсками, с гайдамаками и с германским нашествием. Товарищ Бужор, возвратившийся нелегально в Румынию, был арестован и приговорен к 25-ти-летней каторге

вместе с рядом других товарищей, а также т. Константинеску. Николао, мне и другим, которые находились вне пределов досягаемости для румынского правосудия, был вынесен заочный смертный приговор за вооруженную борьбу против своего отечества.

Параллельно с этим, как бы сказать, «русским» периодом румынского рабочего движения, имеется и «румынский военный» период, сводившийся к деятельности товарищей, оставшихся в Бухаресте. Ясская организация, которая еще и до войны была очень слаба, во время войны не могла проявить особой деятельности тем паче, что лучшие товарищи были арестованы, в том числе сын нашего общего старого друга Доброджану-Гереа. Другой товарищ—Макс Векслер, подозреваемый в организации моего освобождения, был коварным образом убит без всякого суда по приказу королевского адъютанта поручика Ромало. Способ устранения политических противников вульгарным убийством является одним из обычных для румынских правительств. По сообщению румынских газет, таким же коварным образом был убит т. Рошаль—комиссар румынского фронта. После войны румынские газеты помещали об убийстве Рошаля сведения, указывая на некоего полковника Стере (которого не нужно смешивать с вождем крестьянской партии), исполнявшего должность прокурора при румынском главном штабе, как на организатора этого убийства. Таким же образом были убиты недалеко от Ясс летом 1917 г. три одесских купца вместе с одним мальчиком, сопровождавшим их,—при чем румынские газеты объясняли, что это убийство было организовано Стере из корыстных целей. Но в только что прочитанном мною одном из номеров бухарестской газеты «Адеверул» напечатано письмо некоего Жовена, сообщающего о том, что убийство совершил он по поручению полковника Стере и не из корыстных целей, а потому, что были подозрения, что эти одесские купцы являются русскими «шпионами».

Как я уже отметил, по этому вопросу в румынской печати поднялась полемика. «Адеверул», сообщая от 20 апреля самообличительное письмо Георгия Жовена, пишет: «Факт остается несомненным. 4 лица—3 взрослых, сопровождаемые одним ребен-

ком,—были убиты без всякого суда, между тем военных судов существовало сколько хочешь. Если вышеупомянутые лица занимались шпионажем, не было никакого опасения, что военные судьи будут их миловать. Они были убиты без всяких церемоний. Господин Жовен получил приказ полковника Стере, а кто отдал приказ полковнику Стере? Господин Винтило Братиану, который тогда был военным министром, обязан ответить, тем паче, что либералы, появившиеся снова у власти, дали тому же полковнику новое высокое назначение как раз в том городе, где было совершено преступление,—именно, в Яссах».

Я не буду говорить здесь о расстрелах румынских солдат, которые производились уже военными судами в тот период, когда «Временное Революционное Правительство России» держало три армии на румынской границе. Не буду также говорить о еврейских погромах в Молдавии в ту же эпоху, организованных румынскими властями. Об этом достаточно красноречиво говорит та официальная переписка, часть которой я, как уже сказано выше, огласил в «Правде» в январе 1918 года. Напомню здесь только, что поведение румынского правительства вызвало бурные демонстрации среди русских воинских частей в Румынии, и под влиянием этих демонстраций румынское правительство вынуждено было отменить на бумаге смертную казнь, но не надолго.

Возвращаюсь теперь к бухарестскому военному периоду румынского рабочего движения,—к тому, что делала оставшаяся в Бухаресте группа товарищей.

Немецкое военное командование по отношению к организованным рабочим продолжало политику румынского правительства. Попытки восстановить действия партийной организации и профессиональных союзов и выпустить снова газету «Лупта» натолкнулись на категорическое запрещение немцев. Чтобы терроризировать рабочее движение, они арестовали ряд ответственных партийных работников.

Февральская революция несколько оживила рабочее движение. В день первого мая около 2.000 женщин-работниц демонстри-

ровали по бухарестским улицам, требуя прекращения войны [1]). Но немцы прибегли опять к новым арестам, и эти попытки воскресения рабочего движения были ликвидированы. Октябрьская революция является новым толчком для рабочего движения в Румынии. В Бухаресте начинается распространение нелегальных прокламаций, профессиональные союзы оживают, так что, когда в ноябре 1918 года в Бухаресте, с разгромом немцев, появилась румынская власть в лице нового правительства Братиану, заменившего Маргиломана, рабочее движение представляло уже известную сплоченную силу. Перспективы революционного движения были отличны, положение правительства критическим. Внутри страны существовало недовольство и негодование против Братиану, которого считали главным виновником войны и ее скверного руководства. Никакая армия не терпела таких поражений и не отдавала так бесславно город за городом, как румынская. Это происходило по вине бездарных стратегов и интендантов-генералов, занимавшихся воровством и картежничеством больше, чем военным делом. Международное положение было также неблагоприятно. На востоке, на Украйне Советская власть стала снова восстанавливаться. В Венгрии, в Австрии, в Германии торжествовала уже революция, направленная пока против монархии, военной партии и феодалов. Но несомненно было, что под влиянием русского коммунистического движения революционный процесс пойдет дальше. Поэтому, еще с первого своего выступления в Бухаресте, Братиану счел необходимым осветить «профилактическую» политику террора против рабочего класса. 13 декабря 1918 года была устроена в Бухаресте охранкой и военными властями западня демонстрировавшим по улице бастовавшим типографщикам, которых стали расстреливать из пулеметов. На тротуарах и мостовой улицы Академии осталось 20 убитых рабочих и 50 тяжело раненых. Но это не могло остановить волну забастовок, которая разлилась по всей Румынии.

---

[1]) В Бухаресте мужского рабочего населения почти не оставалось. Часть находилась в районе отступившей румынской армии, другая часть, занятая военной промышленностью, была переведена в различные города неоккупированной Румынии.

Рабочее движение после войны.

Расстрелы 13 декабря, совпадая с подъемом рабочего движения, только усилили наступательное настроение румынского рабочего класса. 1919 год проходит под знаком все более учащающихся крупных забастовок, участники которых уже в конце 1918 года (между прочим, и забастовка типографщиков), в первую очередь, выдвигали политические требования, между прочим, упразднения военных судов и военной цензуры. На заводах и фабриках стали организовываться рабочие советы. К борьбе рабочих старого румынского королевства присоединились рабочие новых областей, в частности рабочие Трансильвании и Баната, с развитой угольной и металлургической промышленностью. Рабочие массы громко заявляли свое желание выровнять фронт румынского рабочего и социалистического движения по фронту русской революции и Коминтерна. На партийной конференции в апреле 1919 года, на которой участвовали представители профессиональных и социалистических организаций всей Румынии, восторжествовала программа, поставившая в свою основу тезисы III-го Коммунистического Интернационала. Но это было против воли многих вождей и, в частности, против воли вождей социал-демократов Буковины и Трансильвании: Григоровича, Пильснера, Флуераша, Жуманко и др. В противоречии с явно выраженной волей рабочих масс, социал-демократические вожди, прошедшие оппортунистическую школу венгерской и австрийской социал-демократии, проникнутые в то же самое время нескрываемым румынским национализмом, стали орудием Братиану. Их подлой контр-революционной работе помогало малодушие и нерешительность многих румынских вождей, менявших свои позиции и объявлявших себя сегодня сторонниками тезисов III-го Коммунистического Интернационала, а завтра—сторонниками соглашательской политики. Не малую роль сыграло и личное малодушие, страх перед возможностью попасть снова в лапы румынской полиции и в застенки румынского правительства.

Я не буду здесь описывать борьбу различных течений в румынском рабочем движении, относящуюся к 1919 году. Она передана со всеми подробностями и с точностью в манифесте Исполкома Коминтерна к румынским рабочим, напечатанном в 16 номере «Коммунистического Интернационала». Там же напечатан и ответ приехавшей в Россию в конце 1920 года румынской делегации, состоявшей не только из коммунистов и центристов, но включавшей в себя даже такого явного предателя, как Флуераш, который, в качестве министра, участвовал в трансильванском Временном Правительстве и подписывал Версальский договор. Благодаря этим предательствам, румынское рабочее движение, которое представляло очень внушительную силу в 1919 году—около 120.000 членов профессиональных союзов и около 20.000 членов партии в одной только старой Румынии,—в качественном отношении представляло несплоченную, небоеспособную и политически невыдержанную массу. И когда правительство Авереску начало применять к румынскому движению полицейские гонения и террор, оно не встретило серьезного сопротивления, и без большого труда ему удалось разгромить профсоюзы и партию. Предлогом ему послужила всеобщая забастовка конца 1920 года.

Я отказываюсь также, за неимением времени, описывать все перипетии борьбы этого времени. Достаточно напомнить, что в конце 1921 года в румынских тюрьмах находилось свыше 1000 арестованных рабочих. Созванный, наконец, после долгих колебаний партийный съезд, постановивший присоединиться к III-му Коммунистическому Интернационалу, был целиком арестован, как только он принял это постановление. Из делегатов съезда в конечном счете были задержаны те, которые голосовали за присоединение к III-му Интернационалу. Отмечу еще один факт. Террор румынского правительства вызвал террористический уклон в самом рабочем движении. Самым крупным террористическим актом, организованным группой рабочих с Максом Гольдштейном во главе, является взрыв румынского Сената, во время которого был убит министр юстиции, какой-то епископ и один из крупных бухарестских купцов; ряд других лиц были тяжело ранены. Адская машина взорвалась за 15 минут до открытия самого

сената, чем и объясняется, что количество жертв было сравнительно ничтожным. Свыше года арестованные всех категорий содержались под предварительным следствием, подвергаясь пыткам и истязаниям, против которых они протестовали многократными голодовками. Наконец, началось знаменитое дело 370 обвиняемых, которое тянется уже почти полгода. До сих пор было свыше 100 заседаний, и дело, очевидно, будет тянуться неизвестно сколько времени. До этого времени был целый ряд других процессов, имевших место по всей стране, главным образом, в связи с всеобщей забастовкой. По приговорам судов уже сидели в тюрьмах сотни товарищей. В 1920 г. был приговорен к каторжным работам на 25 лет т. Михаил Бужор за его участие в русской революции, на 10 лет Янчу Аттанасов, рабочий Галацкий, рабочий-строитель Строич по тем же мотивам—на 25 лет. Все те румынские рабочие, которые имели прямое или косвенное отношение к революционному движению в России и, в частности, к румынскому революционному батальону, организованному в Одессе в начале 1918 года, были разысканы, арестованы и приговорены к долголетнему тюремному заключению. Вторая серия приговоров касается рабочих, принявших участие во всеобщей забастовке в конце 1920 года, в том числе всей генеральной комиссии Совета профессиональных союзов. Последние получили по пяти лет тюремного заключения, а некоторые рабочие в Трансильвании—до 10 лет!

Я не хочу закончить эту справку о румынском рабочем движении, не остановившись отдельно на процессе коммунистов, который по своему безобразию является беспримерным. Даже в истории русского царизма нет такого огульного издевательства над человеческой личностью, каким является процесс румынских коммунистов.

Процесс коммунистов.

Этот выдающийся по своеволию властей процесс был организован и велся с самого начала военными властями, хотя военное положение в Румынии давно уже снято. В качестве следователя

и впоследствии в качестве обвинителя, выступал некий майор Чернат, тупой и злобный солдафон, с психологией настоящего черносотенца. Его обвинительный акт проникнут самым грубым антисемитизмом. Он не постеснялся написать черным по белому, что процесс коммунистов «является процессом арийской расы против семитской», что и фактически было неверно, ибо подавляющее большинство как рядовых обвиняемых, так и вождей является в бо̀льшей степени подлинными румынами, чем сам Чернат и чем большинство румынских бывших и настоящих министров [1]). Во время следствия к обвиняемым применялись пытки и избиения. Об этом стало известно в газетах до суда; это выяснилось еще лучше во время суда, хотя председатель систематически отказывал задавать свидетелям вопросы, обличающие в насилиях и истязаниях как полицию, так и следственные власти.

Вот несколько образцов допросов и ответов,—я привожу из газеты «Адеверул» от 10-го мая. «Свидетель Рубинштейн из Кишинева дает показания, касающиеся бессарабских обвиняемых. Председатель суда отказывает свидетелю поставить ряд вопросов общего характера. Обвиняемый Бройдман хочет указать на то, что истязания и инквизиторские действия кишиневской охранки и то обстоятельство, что там не разрешалась легальная политическая работа, заставили рабочих искать иных средств для защиты своих интересов. Это сильно нервирует председателя, и он предлагает обвиняемому возвратиться на свое место. Обвиняемый хочет что-то прибавить, но председатель приказывает часовым отвести его в его клетку» (нужно сказать здесь, что все обвиняемые находились в отдельных клетках).

Вот другая выписка: «Обвиняемый из группы террористов Макс Гольдштейн просит у председателя разрешения поставить свидетелю Георгию Танасу (бывшему депутату ком-

---

[1]) Тебе наверное известно, что большинство румынских боярских родов иностранного происхождения, — главным образом, греческого. Румынская буржуазия также. Она, главным образом, болгарского происхождения. Знаменитый румынский поэт Емпеску бичевал в своих политических сатирах «греков с тонким носом» и «болгар с толстым лбом», составляющих—первые консервативную, а вторые либеральную партию.

мунистов, который тоже в течение года был в тюрьме. NB!) ряд вопросов. Между прочим, он спрашивает его, известно ли ему, что в Бессарабии рабочие расстреливались без всякого суда. Председатель не разрешает этого вопроса. Макс Гольдштейн просил свидетеля показать, известно ли ему, что в Яссах были закрыты рабочие помещения, и что рабочие были подвергнуты пыткам,—председатель не позволяет поставить и этот вопрос. Тогда Макс Гольдштейн заявляет, что он хотел бы услышать ответы на свои вопросы, так как только такое положение вещей заставило его совершить известное покушение в Сенате».

Истязания продолжались и во время самого суда. Обвиняемых по возвращении в тюрьму подвергали избиениям, сажали в карцер и накладывали им на руки и на ноги кандалы. Вот как в той же вышеупомянутой газете описывается появление на суде обвиняемого коммуниста Фабиана, редактора ежедневной газеты «Сочализмул»: «Фабиан появляется между солдатами, держащими ружья наперевес. Обвиняемого поддерживают два его товарища, потому что он не в состоянии итти после заключения в карцере, которому он подвергся. На ногах у него надеты лапти, потому что от кандалов его ноги распухли».

На подобные безобразия подсудимые отвечали голодовками. Но румынское правосудие не стеснялось даже во время голодовок вызывать подсудимых на суд. Многих из обвиняемых вносили в суд на носилках. Фотографии с этих заседаний были напечатаны в некоторых заграничных газетах, между прочим, во французской коммунистической газете «Юманите». Иногда случалось, что во время суда обвиняемые, в особенности женщины, падали в обморок. Военные власти не стеснялись проявлять свою грубость и на самом суде. Раз офицер дал пощечину одной из подсудимых. Зал суда имел вид какого-то военного лагеря и походного лазарета. Кроме бесчисленного количества солдат и офицеров, стороживших обвиняемых, в зале суда были поставлены два пулемета [1]). Против способа ведения этого процесса протестовала известная

[1]) Румынская охранка распространяла разные слухи вроде того, что рабочие собираются силой освободить обвиняемых, или же что на суд готовится покушение и т. д.

французская буржуазная организация—«Лига прав человека и гражданина». Часто защитники подсудимых вынуждены были обращаться с коллективными протестами к правительству, к королю, к общественному мнению. Но лучше, чем мое описание, представление о том, что происходило на суде и до суда, дает протест декана бухарестских адвокатов—Добреску, который напечатал в бухарестских газетах 29-го мая документ, напоминающий по своей редакции письмо Золя во время дела Дрейфуса. Этот документ очень большой, поэтому я приведу только некоторые выдержки из него.

«Обвиняю открыто военные власти в применении по отношению к коммунистам пыток как моральных, так и физических,—в избиениях, наказаниях усиленным карцером, которым я сам был свидетелем, и которых постыдились бы даже патагонцы. Обвиняю без всяких оговорок военную власть в том, что она истязала присяжного поверенного Георгиану, зато что он не разделся достаточно поспешно, когда был дан сигнал потушением света. Обвиняю военную власть в том, что она заключила в тот же карцер Евгения Ионеску только зато, что он бросал крошки хлеба в печку. Обвиняю военную власть в том, что она также держала в карцере Илие Москович только за то, что он заявил, что «и другим придет черед». Дальше следует перечисление аналогичных обвинений: подсудимого Розенберга избивали за то, что он считал недопустимым, чтобы следователь выступил на процессе в то же самое время и прокурором; Доброджану Гереа был подвергнут избиению и наказанию в карцере за замечание, сделанное дежурному офицеру; студентки-коммунистки были предметом физических и моральных истязаний... Добреску обвиняет военные власти еще в том, что они «своими бесполезными жестокостями сделали из подвергаемых пыткам коммунистов мучеников и героев, своим реакционным терроризмом ободряли и оправдывали революционный терроризм, и что создали, таким образом, из процесса школу революции,—потому что «беззакония правительства являются школой революции для обвиняемых». Добреску заявляет еще, что «Бухарест можно назвать скорее столицею Африки, чем мни-

мого цивилизованного государства», а также что «военные власти своим произволом успели уничтожить социализм и дать возможность родиться большевизму» и т. д. и т. п...

Во время процесса было совершено одно возмутительное, но обычное убийство. Когда один из свидетелей, отбывающий свое наказание подпольник рабочий, Леонтин Филиппеску, возвращался после суда в Жилавскую крепость, он был убит в дороге сопровождавшими его солдатами. Это подлое убийство вызвало негодование и протест даже со стороны части буржуазной печати. Правительство старалось замять дело, заявив, что Филиппеску будто бы хотел бежать, хотя родными Филиппеску было установлено, что он не был в состоянии даже ходить после только что перенесенного им тифа. Филиппеску был убит тремя пулями. Кроме того, на теле его было найдено несколько штыковых ран.

Отмечу еще два штриха для характеристики этого процесса. Первый штрих представляет известную актуальность в данный момент, когда по поводу процесса эс-эров соглашательская и буржуазная печать много пишет о «свободе мысли». Среди свидетелей на процессе коммунистов был один из известных румынских профессоров конституционного права, некий Дисеску, бывший несколько раз министром юстиции. Когда обвиняемый Кристеску поставил ему вопрос, что он думает о свободе выражения мысли, которую румынская конституция гарантирует, Дисеску отказался ответить. Другой юрист Клони на аналогичный вопрос того же Кристеску, являются ли наказуемыми «проступки убеждения» (delits d'opinion), ответил, что римляне бросали инакомыслящих на костры.

Второй штрих. На суде было установлено, что революционное настроение в Румынии является присущим самым широким рабочим массам. Когда один из защитников спросил бывшего и теперешнего депутата-соглашателя доктора Пильстнера из Буковины, «являлись ли рабочие массы старого королевства сторонниками коммунизма», последний ответил буквально: «Мне это известно из собственного опыта. Когда я говорил рабочим массам и приглашал их высказаться против присоединения к Треть-

ему Интернационалу и против коммунизма, мне рабочие не давали говорить». На второй вопрос защитника: «Думает ли свидетель, что если б Кристеску не был коммунистом, массы шли бы за ним?»— доктор Пильстнер ответил буквально: «Прогнали бы его, как сделали со мной».

Картина этого процесса была такова, что даже привыкшее ко всяким безобразиям румынское общественное мнение должно было встревожиться от описаний диких сцен, происходивших на суде и в застенках. В особенности стала беспокоиться румынская печать с момента, когда подвиги майора Черната и других солдафонов получили широкую европейскую известность. Правительство поспешило использовать недавнее бракосочетание дочери румынского короля с сербским королем, чтобы амнистировать часть подсудимых. Были освобождены привлекавшиеся к суду по делу о забастовке и обвинявшиеся в причастности к коммунистическому съезду. Но на коммунистов подполья, группу террористов, а также и на коммунистов, принимавших участие в русской революции, эта амнистия не распространилась,—и около 70-ти товарищей находятся под угрозой тяжелого наказания. Их дело еще продолжается.

Внешняя политика Румынии.

(Вопрос о Бессарабии.)

Я уже упомянул выше, что, на-ряду с внутренними трудностями политического и экономического характера, перед румынским правительством возникает целый ряд трудностей международного характера. Во время войны Румынии посчастливилось больше, чем другим странам, ибо она использовала и союз с Антантой и дружеские отношения с Германией, наступившие после заключения Бухарестского мира в 1918 году. Немцы помогли Румынии получить Бессарабию, а французы и англичане—Буковину, Трансильванию, Банат, также укрепили их в болгарской Добрудже. Но вместе с этим, пропорционально с увеличением территории, воз-

росло и беспокойство румынских бояр за свое политическое будущее. В особенности, их тревожит вопрос о Бессарабии.

То, что проделывало румынское правительство для утверждения своей власти в Бессарабии, могло быть предметом целого тома. Грабежи, насилия, в особенности убийства применялись в Бессарабии в широком масштабе. В прошлом году, в средних числах июня были убиты румынскими властями в Бессарабии по дороге из Байрямге в Аккерман следующие коммунисты: Никита Абрамович, Павел Кочерга, Гинку, Иван Моисеев и Массаренко, в городе Аккермане—т. Брофман, в районе деревни Палани, во время ареста у Днестра—т. Василий Абрамович. Все эти расстрелы были мотивированы румынскими властями «попыткой к бегству арестованных». В первых числах октября были убиты по дороге из Кирнет Лунка в Комрад т. т. Э. Николао и арестованные вместе с ним три комрадских товарища. Мотивировка была та же самая. Румынская печать не стеснялась с циничной откровенностью заявлять, что это только façon de parler. Выше приведенный список далеко не исчерпывает числа убитых или умерших в румынских и бессарабских застенках после пыток и истязаний. О массовых расстрелах, происходивших в первые месяцы оккупации в Бессарабии, а также и в начале 1919 г., когда возникло Хотинское восстание, я здесь не буду говорить. Напомню лишь, что вскоре после прихода румын в Бессарабию была убита эсдечка Надежда Гринфельд, эс-эр Коссан, весь президиум бессарабского крестьянского съезда и 18 солдат первого Молдаванского полка. В 1919 году в Бессарабии рассматривался процесс 108-ми, по которому большинство обвиняемых были отправлены на каторгу. Для раскрытия организаций самым верным средством, к которому прибегают румынские власти, являлись пытки.

Но политика румынского правительства привела к тому, что оно стало для бессарабских крестьян и рабочих еще более ненавистным, чем старое царское правительство. Этого не скрывает даже румынская печать и некоторые из румынизаторов самой Бессарабии. Так, например, сенатор Александри, сторонник генерала Авереску и один из тех, которые в Сватул

Цере [1]) голосовали за присоединение Бессарабии к Румынии, заявлял в прошлом году в румынском сенате: «С момента нашего объединения вся Бессарабия стонет от одного своего конца до другого. С тех пор там не слышно ни песен, ни танцев».

Совсем недавно по поводу нашего заявления на Генуэзской конференции, что мы не признаем захвата Бессарабии Румынией, орган Трансильванской Национальной партии, «Газета Трансильвании», писал: «Как правительство Авереску, так и правительство либералов совершили непростительные грехи. Они оттолкнули от нас сердца бессарабского населения и теперь стараются сделать то же самое и с трансильванцами. Мы уверены, что если бы в Бессарабии не существовало тех порядков, которые там есть, Чичерин не имел бы мужества протестовать в известной всем форме».

Все бессарабское крестьянское население, включая и молдаванское, составляющее бо́льшую часть бессарабского крестьянства, обращает свои взоры к советским республикам. Действительно, заявление русской делегации чрезвычайно встревожило неспокойную совесть румынских правителей, хотя в нем не было ни малейшей угрозы войны против Румынии, а лишь простое констатирование факта незаконности присоединения Бессарабии. Так как мне пришлось вести в итальянской и французской печати некоторую полемику с румынской делегацией, в частности с румынским делегатом Диаманди, румынская делегация сочла нужным распространить через румынских корреспондентов, находившихся в Генуе, следующее сообщение, которое я привожу, как любопытный штрих. Оно было напечатано в «Адеверуле» от 20-го

---

[1]) Иначе — «Сфатул-Цере» или «Сватул-Церия» (транскрипция не установилась)—организованный румынским правительством в Бессарабии «предпарламент» из буржуазных, по преимуществу, партий. На Сватул-Цере возложена была задача—провозгласить присоединение Бессарабии к Румынии, в нарушение договора румынского правительства с Советским от 5 марта 1918 года, обязавшего Румынию очистить Бессарабию до 15 мая того же года. Но даже и этот «предпарламент» был против присоединения к Румынии. Только путем грубого обмана и подкупа удалось румынскому правительству вырвать нужный ему вотум.

апреля печатает после изложения одной из моих бесед в так называемом «Генуэзском коммунистическом университете»: «Узнаю из некоторых кругов, что доктор Раковский начал казаться подозрительным для русской делегации вследствие заявлений, которые он сделал. Не будет удивительным, если делегация опровергнет доктора». А дальше идет следующее наивное признание: «Чтобы ответить на активную пропаганду, которую большевики проводят в Генуе, делегация румынской печати решила пригласить итальянских журналистов, находящихся в Генуе, на ряд обедов, чтобы дать им исчерпывающее объяснения по вопросу о Бессарабии. Первый обед будет иметь место в гостинице «Британия» в понедельник 17-го сего месяца». Однако, так как аппетит приходит с едой, румынские националисты надеются, что настанут такие времена, когда они сумеют распространить свою захватную политику и на левый берег Днестра. Их сильно соблазняет Одесса, и в этом направлении они обрабатывают общественное мнение. Идеолог румынского национализма, профессор Иорга, уже несколько раз в своей газете «Румынское племя» заявлял, что между Днестром и Бугом большинство населения — румынского происхождения. Румынская газета «Универсул» в ноябре прошлого года, в момент Тютюнникского похода, записала и Житомир, якобы занятый уже Тютюнником, как город с чисто румынским населением. Не случаен тот факт, что во время варшавских переговоров между т. Караханом и Филалити последний предложил т. Карахану, как это видно из протоколов и переговоров, разрешить делегации «Общества румынских женщин» привести продовольствие и медицинскую помощь для раздачи крестьянскому населению между Днестром и Бугом.

Кстати скажу несколько слов по поводу этих переговоров, потому что они в румынской печати опять сделались предметом внимания, после неудачи попытки Братиану в Генуе добиться признания присоединения Бессарабии. В румынской печати поднялась оживленная полемика о том, что, по глупости правительства Таке Ионеску, был пропущен тот благоприятный

момент, когда Румыния за дешевую цену могла получить от нас признание «совершившегося факта». Теперь, однако, это время прошло, и рано или поздно,—говорят румынские газеты,—консолидировавшаяся в международном отношении Советская Федерация предъявит свой счет.

После Генуэзской конференции в румынской печати поднялась также кампания за усиление и реорганизацию румынской армии. Чтобы оправдать в глазах румынского народа новые расходы, которые потребуются на это дело, румынская печать распускает самые нелепые слухи. Во-первых, во всех газетах была напечатана телеграмма, якобы полученная из Лондона, в которой сказано, что мною был подписан в Генуе тайный договор с болгарским правительством. Бухарестское происхождение этой телеграммы явствует из того, что я там назван «доктором»—титул, известный только румынам. Вторая телеграмма из Софии сообщает, будто бы я прибыл туда инкогнито вместе с болгарским министром Стамбулинским. Дальше в телеграмме говорится: «Лишь спустя два дня после того, как сообщение было напечатано в газетах, болгарское бюро печати попыталось опровергнуть это сообщение, заявляя, что действительно, в Генуе доктор Раковский выразил такое желание, но что болгарский министр-президент просил его отказаться от своего намерения ввиду международного положения Болгарии». Не сомневаюсь, что никакого такого сообщения в Софии не было сделано, ибо оно является абсурдным. Я отмечаю эту мелочь потому, что такого рода ложные сообщения являются обыкновенной пищей румынских читателей и одним из самых обычных приемов буржуазной печати в Румынии для создания настроений. В этом отношении нужно признать превосходство буржуазных журналистов над нашими, так как часто мы не умеем использовать даже выгодный во всех отношениях для нас материал, тогда как буржуазная печать не стесняется даже сочинять таковой. В румынской печати, начиная еще с Февральской революции, но в особенности с Октябрьской, ведется самая систематическая травля против России. Во время процесса коммунистов какой-то

свидетель, говоря о России, заявлял, что она трижды «предала» румын. Кроме того, из Бухареста и Кишинева ежедневно отправляются за границу самые наглые сообщения о внутреннем состоянии советских республик.

Возвращаясь к Генуэзской конференции, я должен сказать, что она, отнюдь не способствуя поднятию политического авторитета Румынии, принесла ей некоторую реальную пользу, отчасти благодаря Ллойд-Джорджу. Чтобы не явиться с совершенно пустыми руками в Англию, Ллойд-Джордж придумал так называемое «малое соглашение о ненаступлении» в отличие от большого соглашения, которое ему не удалось провести. Малое соглашение, как известно, касается взаимного обязательства о ненаступлении между советскими республиками, с одной стороны, и всеми буржуазными государствами—с другой. Чтобы выступить в роли спасителя мира, Ллойд-Джордж прибегнул к ссылкам на угрозу «начинающими уже концентрироваться красными войсками на бессарабской и польской границах». Пуанкаре образно повторил это в своей недавней речи, заявляя, что «волк уже воет от голода на опушке леса». Одним словом, толкаемые голодом, мы, предполагается, могли соблазниться польским и румынским хлебом и итти в наступление. Румыны эту утку использовали,—и уже несколько поездов с оружием, обмундированием и аэропланами прибыли из Франции в Румынию. Это есть первое немедленное после конференции,—но наверно не последнее—применение «малого соглашения о ненаступлении»!

Библиотека
Института Ленина
при ЦК. В.К.П. (б.)

№1.
КАРТА
РУМЫНИИ
до 1913 г.
Масштаб 1:880 000
РУМЫНИЯ
ДО 1913 ГОДА.
Площадь—131.355 кв. клм. Жителей—7.494.000.
Сельского населения 6.895.000 60 %
Городского „ 1.499.000—20 %
НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ
Румын . . . . . 6.892.000 89,3 %
Евреев . . . . . 337.000 4,5 %
Циган . . . . . 247.000 3,3 %
Болгар . . . . . 105.000 1,4 %
Прочих . . . . . 113.000 1,5 %
Бухарест
Кишинев
Галац
Браила
Яссы
Плоешти
Кишинев
Измаил
Кагул
Бендеры
Аккерман
Ковель
Сарны
Ковель
Брест-Литовск
Пинск
Лунинец
Мозырь
Гомель
Чернигов
Киев
Житомир
Бобруйск
Могилев
Витебск
Полоцк
Вильна
Ковно
Гродно
Варшава
Лодзь
Ивангород
Радом
Сосновиц
Краков
Перемышль
Львов
Тарнополь
Черновцы
Сучава
Ботошани
Сорока
Бендеры
Аккерман
Измаил
Галац
Браила
Бухарест
Плоешти
Кишинев
Яссы

№ 2.
КАРТА
НОВОЙ ДОБРУДЖИ
захваченной Румынией в 1913 году
Масштаб 1:1,680,000
1 дм-40 вер, 1 сант-16,8 кил, а 1,19 см-20 кил.
Новая Добруджа захваченная Румынией в 1913 г.
Площадь—6.550 кв. клм. Жителей—404.000.
НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ:
Болгар 195.000 48,0 %
Турок 143.000 35,5 %
Румын 12.000 3,0 %
Прочих 54.000 13,5 %
РУМЫНИЯ
НОВАЯ ДОБРУДЖА
БОЛГАРИЯ
ТУРЦИЯ
Плоешти
Бухарест
Констанца
Мангалия
Варна
Силистрия
Рущук
Шумла
Тырново
Сливно
Бургас
Измаил
Галац
Браила
Кустендже
Балчик
Добрич
Тулча
Исакча
Сулина
Мангалия
Ходжа Али
Кара-Алиньяк
Кара-Ферро
Ходжа Оглу Бахшиси
Ходжа Оглу Мехмедбей
Ходжа Оглу Мехмедбей
Ходжа Оглу Бахшиси
Ходжа Оглу Бахшиси
Ходжа Оглу Мехмедбей

Москвоский Картоиздательский Отдел
Корп. Военн. Топографов.
Советская, 9 (быв. Б. Полянка).

Примечание: названия населенных пунктов — на местном наречии; карта Бессарабии перепечатана с фрагмуг 40 в. Стратегической карты Средней Европы, прежнего издания К. Б. Т.

Печатано в Августе 1922 г.

Составлено в Картографическом Институте И. А. Р.

Рисовал и гравировал Н. Ф. Ф.

Типография Центрального Института Труда

РУМЫНИЯ в 1922 году.

Площадь 364.241 кв. км. Население 16.215.000

ВАЛАХИЯ-ЧЕРНЫЙ и ОБЛУЧИРОВАННЫЕ ОБЛАСТИ.

Наименование области	Площадь	Население
Трансильвания	57.222	2.992.000
Восточ. часть Banat	53.882	1.922.000
Бессарабия	44.422	2.342.000
Буковина	9.440	921.000
Новая Добруджа	8.060	404.000
Итого	172.886	8.781.000

РУМЫНИЯ до 1913 года.

Площадь 131.863 кв. км. Население 7.516.000

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ

РУМЫНИЯ в 1922 году.

Национальность	Количество	% к общ. населения
Румыны	9.835.000	58,8
Венгерцы	1.415.000	8,7
Молдаване-Бессарабцы	1.281.000	7,8
Украинцы и Русины	1.034.000	6,3
Евреи	995.000	6,1
Немцы	978.000	6,0
Болгары	417.000	2,6
Прочие	503.000	3,8

РУМЫНИЯ до 1913 года.

Национальность	Количество	% к общ. населения
Румыны	6.832.000	58,3
Евреи	527.000	4,50
Цыгане	397.000	3,3
Болгаро	186.000	1,4
Прочие	153.000	1,5

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ

РУМЫНИЯ в 1922 году.

Наименование классов общества	Количество	% к общ. населения
Сельского населения	13.203.000	81,8
Рабочие: Занятые индустрии	153.000	1,0
Рабочие: Занятые рыбным и лесным хозяйств	203.000	1,9
Буржуазия и городская интеллигенция	2.409.000	15,3

РУМЫНИЯ до 1913 года.

Наименование классов общества	Количество	% к общ. населения
Сельского населения	9.898.000	80
Городского населения	1.490.000	20

Приложены планы и изображения проектов, на основании которых, карта Румынии 1922 г. перерисовывалась с оригинала. Сведения карты Греции по ранее прожитой войнам Н. Д. Т.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Главное Управление. Москва.

ВЫПУЩЕНЫ И ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ, СОЦИОЛОГИЯ.

БИРЮКОВ.—Биография Толстого, том III.
БЛОС.—Германская революция.
ЛИЛИ-БРАУН.—Женский вопрос.
ВОЛКОВ.—Аграрно-экономическая статистика России.
ГУРВИЧ.—Основы советской конституции.
ВЕЙНС.—Экономические последствия Версальского мирного договора.
КОГАН.—Очерки по истории древней литературы.
КОГАН.—Очерки по истории Зап.-Европ. литературы, том I и II.
ЛАВРОВ.—Парижская коммуна.
ЛУКИН.—Парижская коммуна.
ПОКРОВСКИЙ.—Русская история с древнейш. времен, т. I, II и III.
ПОЛОНСКИЙ.—Бакунин.
ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ.—Итоги Генуэзской конференции и хозяйст. перспективы
РОЗАНОВ.—Очерки истории английской литературы XIX в., т. I.
САКУЛИН.—Русская литература и социализм.
УШАКОВ.—Краткое введение в науку о языке.
ШЛЯПНИКОВ.—Канун 17-го года, ч. I и II.
ШТЕЙН.—Генуэзская конференция.
ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ.—Итоги Генуэзской конференции.
ЭЙДУС.—Очерки рабочего движения в странах Востока.
Ж. ЖОРЕС.—Истор. Великой Франц. революции (Национ. Конвент).
ВИППЕР.—Древняя Европа и Восток.
ГЛИВЕНКО.—Чтения по истории всеобщей литературы.
ГЛИВЕНКО.—Руководство для изучения итальянского языка.
КЕЙНС.—Пересмотр Версальского мирного договора.
КРИЦМАН.—Новая экономическая политика.
МАНЦИУС.—Мольер, Театр, публика.
СЕРГЕЕВ.—Европейский кризис на заре XIX века.
СЕРГЕЕВ.—История древнего Рима.
СЕНЬОБОС.—Политическая история современ. Европы, ч. I и II.
ФРЕЙД.—Лекции по введению в психоанализ, том I и II.

4р. 50к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ □ МОСКВА □ 1922

9